ОПИСАНІЕ
всѣхъ
въ россійскомъ государствѣ
обитающихъ
НАРОДОВЪ,

такъ же
ихъ житейскихъ обрядовъ, вѣръ,
обыкновеній, жилищъ, одеждъ,
и
прочихъ достопамятностей.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.
СЕМОЯДСКІЕ, МАНДЖУРСКІЕ
и
ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКІЕ НАРОДЫ.

Переведено съ Нѣмецкаго.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
иждивеніемъ книгопродавца К. В. Миллера,

у содержателей вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора,
1777 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

Любители свѣденій, касающихся до всѣхъ народовъ въ Россіи обитающихъ, найдутъ въ сей третiей части описаніе *Самоядскихъ*, *Манджурскихъ* и разныхъ народовъ Восточной *Сибири* и *острововъ Восточнаго моря*; а напослѣдокъ краткое извѣстіе о употребительномъ у сихъ языческихъ народовъ *Шаманскомъ идолослуженіи*.

Виньетъ, въ началѣ сей части находящійся, изображаетъ, какъ Семояди свѣжуютъ оленя и при томъ нутренность ѣдятъ сырую; такъ же, какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на стрѣлковъ, которые ихъ убиваютъ. Видимый же въ концѣ виньетъ представляетъ Восточнаго островскаго жителя, въ байдарѣ своей сидящаго, имѣющаго на себѣ тюленное одѣяніе и деревянную шляпу, подобную утиному носу; тутъ же виденъ въ дали островъ съ огнедышущею горою.

Для тѣхъ, которые сочиненіе сіе покупаютъ съ картинами, простыми или разкрашенными, служитъ слѣдующее росписаніе принадлежащихъ къ сей части изображеній.

№ 56. Семоядъ, 57. Семоядка, 58. Семоядка въ лѣтнемъ одѣяніи, 59. 60. Тунгузы въ такомъ одѣяніи, въ какомъ

какомъ ходятъ на звѣриной промыселъ, 61. Тунгузъ съ тылу, 62. 63. Тунгузской Шаманъ съ переди и съ тылу, 64. Камчадалъ, 65. 66. 67. Камчадалки, 68. Камчадальской Шаманъ, 69. Корякъ, 70. Корякъ же въ праздничномъ платьѣ, 71. Корячка, 72. Чуцкой житель въ одѣяніи, 73. Онъ же безъ одежи, 74. Алеутъ, 75. Курилецъ.

Что же касается до четвертой и послѣдней сего сочиненія части, то уповаю, что и оная будетъ вскорѣ напечатана съ присовокупленіемъ къ оной общаго титула для всѣхъ частей, також предисловія, росписей и послѣднихъ картинъ.

Издатель.

СЕМОЯДСКІЕ НАРОДЫ.

Кочующіе въ Западной сторонѣ Уральскихъ горъ или прямые Россійскіе *Семояди* сдѣлались правда подданными уже Царю *Θеодору Ивановичу* въ 1525 году, и слѣдовательно за долго еще до покоренія въ седьмомъ надесять столѣтіи Сибирскихъ народовъ: но касающіяся до нихъ и до принадлежащихъ къ нимъ колѣнъ произшествія такъ, какъ и бытія всѣхъ Сѣверовосточныхъ народовъ Россійскихъ, погружены въ неисповѣдимости. Семояди, кочуя въ самыхъ суровыхъ пустыняхъ, и при томъ не умѣя ни грамоти, ни счисленію времени, ни знаютъ обстоятельства своего произхожденія, единоплеменства, странствованій и прочаго не больше, какъ сколько могутъ почерпнуть о томъ свѣденія изъ изустныхъ преданій, древнихъ пѣсенъ и сказокъ о своихъ богатыряхъ и предкахъ,

также о странахъ, горахъ, рѣкахъ и такъ далѣе, по близости которыхъ жили они въ старыя времена: но таковое знаніе малымъ чемъ превосходитъ и совершенное невѣденіе.

Сами они наблюдаютъ правда между собою по поколѣніямъ своимъ строгой союзъ, и рѣдко вступаютъ съ чужими въ бракъ; да и то одни только женщины переходятъ въ другія поколѣнья. Не меньше пристрастны они къ своему языку и къ прародительскимъ обычаямъ. Но Россійскіе побѣдители обрѣли разныхъ сего племени народовъ отъ части не въ старинныхъ уже ближе къ Югу лежащихъ мѣстахъ, которыхъ лишили ихъ Татара въ четвертомъ надесять столѣтіи, отъ части же отщепившихся на побѣгѣ отъ единоплеменныхъ своихъ колѣнъ; и при томъ нѣкоторые токмо народы пребывали тогда въ настоящемъ своемъ состояніи А какъ не старались народовъ сихъ и ихъ племенъ послѣ побѣдъ надлежащимъ порядкомъ различать; то названія многихъ отъ части перемѣшаны, отъ части переделаны, отъ части же своевольно выдуманы и даны. Татара называли всѣхъ Сибирскихъ покоренныхъ народовъ *Уштяками*. У Россіянъ почти столь же обще употребляются названія *Семоядь* и *Отяки*. Извѣстные подъ симъ наименованіемъ народы сходствуютъ между собою отъ части Сѣверными только жилищами и великимъ единообразіемъ житейскихъ обрядовъ: напротивъ того ни въ языкахъ ихъ, ни въ видѣ, ниже въ душевныхъ качествахъ и нравахъ нѣтъ ни какого сходства. А особливо многія Отякскія колѣна называются *Семоядью*, а Семоядскія *Отяками*, какъ отъ простыхъ людей, такъ и въ приказныхъ мѣстахъ. Жители *Тарханской волости* на рѣкѣ *Обѣ*, по собственному ихъ преданію, Татарской породы, и обитали прежде на Иртышѣ неподалеку отъ устья Тобола: но поелику ихъ обрѣли между Семоядью, то и причисляли ихъ къ оной. Въ большой половинѣ холодныхъ и непроходимыхъ пустынь сихъ народовъ никто еще изъ ученыхъ испытателей не бывалъ; и есть не мало такихъ колѣнъ, изъ коихъ видны внѣ ихъ предѣловъ одинакіе только выходцы. Путешествующіе въ тамошнихъ мѣстахъ собиратели податей и надзиратели, думаютъ сверьхъ должности своей о торгахъ и прибыли больше,

ше,

ше, нежели о приобрѣтеніи нужныхъ свѣдѣній, и по привычкѣ едва и самые странные предмѣты кажутся имъ достопамятными.

По моему намѣренію, которое клонится къ тому, чтобы описывать больше нынѣшнее состояніе обитающихъ въ Россіи народовъ, нежели древнія ихъ бытія, служатъ мнѣ вѣрнымъ руководствомъ труды славныхъ нашихъ Историковъ, а именно г. Статскаго Совѣтника *Миллера* Собранія Россійской исторіи, и г Профессора *Фишера* Сибирская исторія, а особливо сообщенные мнѣ первые рукописные словари, собранные самимъ имъ у разныхъ народовъ. Судя по согласію различныхъ общаго языка нарѣчій, и по сходству вида и житія, должно почитать, кромѣ настоящихъ Семоядскихъ колѣнъ, нѣкоторыя къ Остякамъ причисленныя поколѣнья и разные небольшіе Красноярскіе остатки народовъ, о коихъ упомянуто въ описаніи Татарскихъ народовъ, какъ то, *Комбалъ*, *Маторовъ*, *Тубинцовъ*, *Камачинцовъ*, *Каракассовъ* и *Саятовъ*, единоплеменными *Семоядами* по ихъ произхожденію. Вѣроятно кажется, что они во время побѣга своей братіи въ склонившіяся больше на Сѣверъ пустыни, остались у побѣдоносныхъ Татаръ въ ихъ жилищахъ, или скопились изъ спасавшихся бѣгствомъ отъ жестокости Татаръ.

СЕМОЯДИ.

Семояди называются сами *Ниненами* (людьми) и *Хозовами* (мужами). Ежели слово *Семоядь* произведено отъ Финскаго языка, то происходитъ оно, можетъ быть, отъ *Самеанды*, названія Лопарской страны, или и отъ слова *Соома*, болото, по тому, что въ пустыняхъ ихъ есть обширныя болота. Въ старинныхъ Россійскихъ приказныхъ вѣдомостяхъ назывались они и *Сыроѣдцами*. У *Отяковъ* называются они *Ерунхо*, у *Тунгузъ Джендаты*, и такъ далѣе.

Они *живутъ* около, да и на самыхъ берегахъ Ледовитаго моря, въ Европѣ отъ Бѣлаго моря или прямо отъ рѣки *Мезени* до Уральскихъ горъ, а въ Азіи отъ сихъ горъ за рѣку *Енисею*, почти до самой Лены, въ Европейской Россіи особенно, а въ Сибири отъ части по близости, а отъ части и общѣ съ Отяками. Жилища ихъ начинаются почти отъ 65 степени Сѣверной широты. Мѣста ихъ болотны и гористы. Съ 67 степени широты какъ по сему состоянію земли, такъ по причинѣ великой стужи, дерева уже не ростутъ, но видны одни только кустарники, да и тѣ чѣмъ далѣе къ Сѣверу, тѣмъ низменнѣе и рѣже становятся. На *Новой Землѣ*, супротивъ устья *Оби*, они правда не живутъ: но за Енисеемъ на Востокѣ простираются обитаемые ими берега отъ части и до 75 степени Сѣверной широты: по чему обширная ихъ область можетъ почестися самою непроходимою, холодною, пустою и суровою частію земнаго шара.

Они *раздѣляются* на поколѣнія, а сіи на роды. Поколѣнія наблюдаютъ строго между собою союзъ, и съ другими колѣнами мало имѣютъ сообщенія, а отъ части между собою и не знакомы: по чему и нарѣчія общаго ихъ языка весьма несходны. Въ Россіи кочуютъ *Лаггское* и *Ванутское* поколѣнія, которыя общѣ называются *Объендырями*, и состоятъ

только

Самоедъ.
Ein Samojede.
Un Samojede.

Самоедъ.
Ein Samojede.
Un Samojede.

только изъ 300 семей, между Мезенью и Печорою, слѣдовательно наиболѣе къ Западу; а около Печоры *Тхэндыри*; въ *Сибири* живутъ *Гуарычи* вдоль береговъ морскаго Вайгатскаго пролива; около вершины Оби, между Обью и Енисеемъ, начиная отъ Мангазеи, еще многолюднѣйшіе *Юраки*; а между Енисеемъ и Нижнею Леною не меньше людные *Тавцы*. Семоядь вообще многолюднѣе Остяковъ, но такъ же, какъ и тѣ, разсѣяна по чрезвычайно обширнымъ своимъ землямъ.

Семояди росту самаго небольшаго, и рѣдко бываютъ ниже четырехъ, а выше пяти футовъ. Въ прочемъ они коренасты; ноги и шея у нихъ короткія, голова большая, лицо и носъ нарочито плоскія, нижняя часть лица немало выдалась въ передъ; ротъ и уши большіе, глаза маленькіе черные, вѣки продолговатыя, губы тонкія, ноги маленькія, кожа смуглая; волосу кромѣ головы нигдѣ нѣтъ, какъ по тому, что худо ростетъ, такъ и для того, что оба пола съ молоду рачительно его выщербливаютъ; въ прочемъ онъ у всѣхъ черной и жесткой. У мужчинъ виденъ на бородѣ одинъ только пухъ. *Женщины* ихъ посшатнѣе, ростомъ ниже, и черты лица ихъ понѣжнѣе, но такъ же, какъ и мужчины, не красивы. Груди у нихъ маленькія и плоскія. Во преки утвержденіямъ нѣкоторыхъ писателей носятъ они платиное, однакожъ очищеніе бываетъ очень малое. Дѣтей рожать начинаютъ очень рано; иныя бываютъ у нихъ матерями на двенадцатомъ и на тринадцатомъ году; но они не очень плодородны и съ тридцатаго году перестаютъ уже рожать. Сіе самое состояніе женскаго пола и суровый поясъ ихъ страны конечно причиною и тому, что они малорослы и худо размножаются: ибо ни что другое приращенію ихъ не препятствуетъ.

Семояди отважнѣе, дичае, и не столько благонравны и послушны, какъ привыкшіе больше къ Россіянамъ Остяки; при томъ они суевѣрны, не чужды природныхъ дарованій, ни къ воровству, ни къ убійствамъ не склонны, и ни къ чему не пристрастны ни мало. Многіе, а особливо изъ женщинъ, чрезвычайно пугливы. Когда такіе люди испугаются, или нечаянно

увидятъ нѣчто странное, и такъ далѣе, то бываютъ такъ, какъ и Лопарскія женщины, внѣ себя, и приходятъ паки въ чувство нескоро и при великой слабости. Иные не могутъ терпѣть свисту, нечаяннаго къ нимъ прикосновенія, да и самаго малаго шуму или стуку: и отъ того становятся бѣшены. Сіе свойственно имъ обще съ Остяками, Тунгузами, Якутами и всѣми въ ближайшихъ къ Сѣверу мѣстахъ живущими народами: по чему и надобно искать тому причины въ мѣстоположеніи и суевѣрныхъ страшилищахъ, которыми пугаютъ ихъ съ самаго младенчества.

Междоусобное ихъ *устроеніе* было и есть нарочито еще старинное. У нихъ не бывало никогда Князьковъ, владѣльцовъ или иныхъ какихъ судей, кромѣ старшинъ надъ поколѣньями. Память нѣкоторыхъ богатырей, оказавшихъ мужество свое почти на одномъ только звѣриномъ промыслѣ, также семянистыхъ родоначальниковъ и славныхъ волшебниковъ, соблюдаютъ они въ сказкахъ своихъ и пѣсняхъ. По покореніи ихъ Россійской державѣ, построены въ округахъ ихъ отъ части для усмиренія, а отъ части и для собранія подати, нѣсколько остроговъ; на что они сперьва и негодовали. Но они давно уже успокоились, и *подать*, которой раздѣленіе предоставлено имъ на волю отъ ПЕТРА *Великаго*, платятъ по привычкѣ, хотя и безъ всякихъ другихъ доказательствъ своего подданства, однакожъ безъ ропщанія и супротивленія, добровольно въ опредѣленныхъ отдаточныхъ мѣстахъ. Подать же сія состоитъ въ разной мягкой рухляди, соболяхъ, лисицахъ и проч. и очень мало приноситъ казнѣ прибыли, по тому что Россійское правительство отнюдь подданныхъ своихъ не отягощаетъ великими взысканіями.

Кочуя безпечно въ своихъ пустыняхъ, *не думаютъ* они ни о *счисленіи времени*, ни о *грамотѣ*, ниже объ *ученіи*. Лунныя теченія называютъ они, по примѣру Остяковъ, по естественнымъ явленіямъ и относящимся къ онымъ ихъ упражненіямъ. У нѣкоторыхъ Семоядскихъ поколѣній есть такъ, какъ и у иныхъ Остякскихъ, такое обыкновеніе, что условясь между собою

собою о чемъ ни будь, выжигаютъ у себя на рукахъ, въ знакъ вѣрнаго исполненія обѣщанія, нѣкоторыя изображенія или клейма.

Зимнія свои *хижины*, которыя по двѣ и по три, а больше рѣдко, стоятъ вмѣстѣ, вырываютъ они, какъ и Отяки, до половины въ землѣ; поверьхъ же ямины составляютъ наискось жерди и покрываютъ ихъ оленьими кожами или берестою. *Лѣтомъ* кочуютъ они то у той, то у другой рѣки или озера, и ставятъ въ таковыхъ мѣстахъ шиловатыя жердчатыя юрты, подобныя Тунгузскимъ, и покрываютъ ихъ такъ же, какъ и зимнія жилища. При перекочевкѣ не трогаютъ они съ мѣстъ юртныхъ подпоръ, какъ и Тунгузы, а берутъ съ собою одни только крышки. Они любятъ жить въ чистыхъ ровнинахъ, которыя по большой части у нихъ тундристы, и не часто перебираются съ одного мѣста на другое.

Домашній скарбъ у нихъ таковъ же, какъ и у Отяковъ, и состоитъ больше ни въ чемъ, какъ въ щепяной посудѣ, котлахъ, ножахъ, топорахъ и санкахъ, которыя у нихъ называются Нартами. При перекочевкѣ употребляютъ они узкія санки, въ которыя впрягаютъ оленей, или, какъ то дѣлаютъ особливо ближе къ Востоку живущіе, собакъ, либо и сами ихъ везутъ.

Промыслы ихъ состоятъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да въ содержаніи оленей. Звѣриная и рыбная ловля могутъ почестися общими упражненіями и главнѣйшими отраслями пропитанія. Ради *звѣринного промысла* кочуютъ они и зимою. Гуртами перебираются по льду небольшими артелями черезъ морской Вайгатской проливъ, для звѣринаго промыслу на необитаемомъ и самомъ Семоядю островѣ *Новой землѣ*. Въ странахъ ихъ водятся наиболше и къ наивящшей ихъ пользѣ *дикіе олени*, которыми они наипаче питаются, кожами ихъ одѣваются, покрываютъ свои юрты, спятъ на оныхъ, и такъ далѣе. Изъ прочихъ же звѣрей Сибирскихъ и Россійскихъ водятся у нихъ наиболше бѣлые и черные лисицы, бѣлые медвѣди и нѣкоторые другіе. Когда они, будучи на звѣриномъ про-

промыслѣ, далеко отъ мѣстъ своихъ отходятъ; то дѣлаютъ на снѣгу или на пескѣ въ разныхъ мѣстахъ помѣтки; и всякъ употребляетъ непремѣнно свою особливую, какъ будто заручительное клеймо: по чему семейство его удобно можетъ за нимъ слѣдовать и его отыскивать. На звѣриномъ промыслѣ употребляютъ они силки, ловушки, лукъ, стрѣлы, рогатины и гончихъ собакъ, кои хотя и не велики, но весьма сильны. Звѣроловныя хитрости производятъ весьма проворно и рачительно.

Сколь прилѣжно упражняются они всѣ вообще зимою въ звѣриномъ промыслѣ, столь рачительно производятъ и лѣтомъ *рыбную ловлю*. Они не меньше Остяковъ въ томъ искусны и заимствуютъ отъ сего промысла для нуждъ своихъ всякія выгоды.

Семояди вообще скудны: однакожъ почти у всякаго есть по нѣскольку, а у иныхъ по 100, и по 150 смирныхъ оленей. Они ѣздятъ на нихъ верьхомъ и впрягаютъ ихъ въ свои санки; ѣдятъ же только издохшихъ или изувѣченныхъ: однакожъ убиваютъ иногда для жертвоприношенія и здоровыхъ. Молока ни въ пищу, ни на сыръ не употребляютъ: по чему и скотъ у нихъ приращается.

Женьщины упражняются по примѣру Остячекъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ въ шитьѣ одѣянія, въ выдѣлкѣ кожъ, въ сушеніи рыбы и во всемъ прочемъ до хозяйства ихъ касающемся. Гдѣ ростетъ крапива, тамъ прядутъ они ее такъ, какъ Башкирки и другія, но не для тканья, а употребляютъ пряжу свою единственно на нитки, сѣти и веревки.

Всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ, кромѣ собакъ, кошекъ, горностаевъ, бѣлокъ и змѣй, ѣдятъ, не разбирая, дома ли или на звѣриной ловлѣ убиты, либо околѣли отъ какой ни есть болѣзни или порчи. Когда найдутъ на берегу своемъ мертваго кита, то почитаютъ сіе благодатію и благодарятъ за оную своихъ боговъ, по тому, что многіе люди питаются

таются онымъ нѣсколько дней во изобиліи. *Пищу готовятъ* столь же просто и неопрятно, какъ и Остяки. Четыре, пять и больше семей варятъ нерѣдко въ одномъ котлѣ, и при томъ ни когда его не чистя. Хлѣбъ вовсе имъ незнакомъ; да и дикихъ кореньевъ и плодовъ ѣдятъ мало: по чему мясо и рыба служатъ имъ вседневною и непремѣнною пищею. Соли не употребляютъ, и варятъ все просто въ водѣ. Не только на звѣриномъ промыслѣ, но часто и дома, ѣдятъ мясо какъ оленье, такъ и другихъ звѣрей, да и рыбы, сырые; а особливо парная кровь звѣрей почитается у нихъ лакомствомъ. Сушеной на солнцѣ рыбы ни когда не варятъ. Они любятъ веселость отъ *упоенія* происходящую, и по тому курятъ чрезвычайно много табаку, ѣдятъ по примѣру Остяковъ и другихъ народовъ мухоморы, а тѣ, которые могутъ посѣщать Россійскія селенія, вымѣниваютъ на мягкую рухлядь и вино. Вообще живутъ они ни мало не опрятнѣе и не лучше Остяковъ; токмо сіе у Семоядии не столько примѣтно по тому, что они повеселѣе и чаще переселяются на другія мѣста.

Семоядское *одѣяніе* въ разныхъ ихъ поколѣніяхъ не очень отмѣнно, и весьма походитъ на Остякское, а отъ части и на Якутское. *Зимнее одѣяніе* дѣлается обыкновенно изъ оленьихъ, лисьихъ и другихъ кожъ, опушается по большой части волосатымъ собачьимъ или волчьимъ брюшчатымъ мѣхомъ, отъ части и изъ подбрюшинъ гагаръ и другихъ водяныхъ птицъ; всегда одно на другое надѣвается, волосомъ или перьями на ружу, и подпоясывается около тѣла поясомъ. Перяныя одежи такъ, какъ у нѣкоторыхъ и кожаныя, окладываются часто по Якутскому обыкновенію въ мѣсто бахромки крашенымъ долгимъ волосомъ, которымъ украшаются такъ же и швы. Полы простираются до самыхъ икръ, а у нѣкоторыхъ только по колѣна. Штаны носятъ весьма короткія и узкія. Къ нимъ прикрѣпляютъ подвязками долгіе сапоги, которые дѣлаются на зиму изъ оленьихъ кожъ. Многіе дѣлаютъ штаны и сапоги изъ одного покрою, разцвѣчаютъ тѣ и другіе полосами изъ лисьяго или инаго какого мѣху, и укрѣпляютъ ихъ подъ колѣнками подвязочными ремешками, которые Западные или Архангелогородскіе

Семояди застегиваютъ мѣдными изъ города Архангельскаго получаемыми пряжками. Бѣлья у нихъ вовсе нѣтъ, но носятъ одѣяніе на голомъ тѣлѣ. *Лѣтняя одежа* шьется изъ рыбьихъ шкурокъ, которыя такъ, какъ и мягкую рухлядь, искусно женщины у нихъ выдѣлываютъ; въ переди не сходится, и по большой части на Якутской образецъ, то есть короткополая; по краямъ и швамъ нерѣдко развещряется узорчатымъ шитьемъ и опушается. Лѣтомъ ничего на голову не надѣваютъ; зимою же носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, которыя иногда такъ, какъ у Остяковъ, прикрѣплены бываютъ и къ одежѣ.

Женское одѣяніе столь мало разнится отъ мужскаго, что не всегда можно ихъ и распознавать, а особливо по тому, что много есть у нихъ и голобородыхъ мужчинъ. Однакожъ оно вообще чище, красивѣе и виднѣе. Обыкновенно украшается оно строченьемъ и недурными вичурами, которые нашиваются звѣриными жилами; также куньими, собольими и изъ бѣлыхъ лисьихъ мѣховъ опушками, такъ какъ и бахрамою изъ долгихъ волосъ. Часто выкладываютъ они одежу свою по краямъ и на рукавахъ суконными полосками, высокихъ или яркихъ цвѣтовъ, въ большой перстъ шириною, также бисеромъ и брякушками. Штаны носятъ обыкновенно кожаныя; прикрѣпляемые къ нимъ чулки дѣлаются изъ рыбьихъ, а на зиму изъ звѣриныхъ кожъ. Бабы заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя через плечи простираются вдоль груди; *дѣвки* же носятъ по три косы, висящія по спинѣ. По елику они носятъ одѣяніе не покупное, но собственнаго своего рукодѣлья, то дѣвки ходятъ не только не хуже, но по большой части еще и лучше бабъ. Лѣтомъ ни чего на голову не надѣваютъ; зимою же покрываютъ оную черными или иными какими теплыми шапками, которыя подвязываютъ подъ подбородкомъ.

Они берутъ за себя столько женъ, сколько купить могутъ, и даютъ за каждую отъ пяти до двадцати оленей. Больше такихъ, которые имѣютъ по одной женѣ; но у нѣкоторыхъ есть и двѣ, а у иныхъ и три: по чему многіе бѣдняки остаются холосты или принуждены бываютъ брать тѣхъ, на которыхъ

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vorwärts.
Femme Samojede par devant.

Самоядка спереди.
Eine Samojedin vorwärts.
Femme Samojede par devant.

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Samojedin im Somer Kleid.
Feme Samojede en habit d'été.

Самоедка въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Samojedin im Sōmer Kleid.
Fēme Samojede en habit d'été.

которыхъ никто и не глядитъ. Не хотя жениться на роднѣ, ищутъ всѣ себѣ невѣстъ въ другихъ поколѣньяхъ. По уплатѣ выкупу, привязывается крайне сопротивляющаяся невѣста къ санямъ и отвозится къ жениху въ юрту. Происходящіе тутъ свадебные обряды сходны съ Остякскими; да и самую сохранность и нецѣломудріе такимъ же порядкомъ награждаютъ они и наказываютъ. Мужъ называетъ жену *Ну*, (*хозяйка!*) а жена мужа *Хозова*, (*хозяинъ!*). Жены родятъ чрезвычайно легко, и безъ всякихъ почти мученій и припадковъ. А какъ скоро роды станутъ хотя нѣсколько тяжелы, то начинаютъ подозрѣвать на нихъ въ побочномъ соитіи съ другими мужчинами: по чему и стараются принудить ихъ при таковыхъ обстоятельствахъ къ признанію, дабы соблазнителей, которыхъ оправданія совсемъ не принимаются, принудить послѣ къ удовлетворенію, хотя въ прочемъ и бездѣльному. Мальчикамъ нарекаются имена спустя иногда и пять лѣтъ; а дѣвкамъ нерѣдко и вовсе оныхъ не даютъ.

Женской полъ по Семоядскому разсужденію *нечистъ*: по чему и поступаютъ они съ нимъ презрительно, а отъ части и безчеловѣчно. Жены претерпѣваютъ жестокость сію больше, нежели дочери, въ пользу которыхъ воспламеняется родительская любовь: по чему и упорство ихъ при выдаваніи ихъ за мужъ не всегда бываетъ притворное. Пока жены родятъ еще дѣтей, до тѣхъ поръ все могутъ надѣяться на пощаду, которая съ пріращеніемъ ихъ старости вовсе пропадаетъ. Они отнюдь не смѣютъ вмѣстѣ ѣсть съ своими мужьями, но питаются только тѣмъ, что послѣ ихъ останется. Въ юртѣ должны они сидѣть всегда на своей сторонѣ, и такъ же, какъ и Бурятки, никогда не ходятъ около огня, которому присвояется святость; да сверьхъ того мѣста, на которыхъ сидѣли они въ юртѣ или въ саняхъ, и вещи, кои они употребляли, такъ какъ и самихъ себя должны они окуривать надъ подожженымъ оленьимъ волосомъ. Во время перекочовки не должно имъ переходить чрезъ слѣдъ человѣка или оленя, но надобно оставаться на одной сторонѣ; при укладкѣ вещей въ сани и выкладкѣ изъ оныхъ не дозволено имъ ходить около оныхъ, но надлежитъ пролѣзать въ оныя промежъ жердей. Много есть у

 нихъ

нихъ и другихъ симъ подобныхъ суевѣрныхъ нелѣпостей. А особливо поступаютъ они съ женами своими крайне презрительно во время мѣсячнаго ихъ очищенія и первые восемь недѣль послѣ родовъ. Тогда не смѣютъ они ни къ вещамъ прикасаться, ниже мужьямъ что ни есть подавать; не ѣдятъ убитой недавно живности, и такъ далѣе. Сіе отчужденіе оканчивается торжественнымъ окуриваніемъ надъ подоженнымъ оленьимъ волосомъ.

Покойниковъ хоронятъ тамъ, гдѣ кто умретъ. Они надѣваютъ на умершаго самое лучшее платье, завертываютъ его въ оленью кожу, выносятъ изъ юрты не дверями, но въ боковой ходъ, и зарываютъ въ весьма мѣлкой могилѣ, которую при недостаткѣ нужныхъ къ тому орудій немалаго труда стоитъ имъ вырыть въ мерзлой и каменистой землѣ; по чему зимою зарываютъ иные покойниковъ только въ снѣгъ, а хоронятъ лѣтомъ; но лисицы и другіе хищные звѣри избавляютъ ихъ нерѣдко отъ сего труда. Въ могилѣ опрокидаютъ надъ покойниковою головою котелъ, да сверьхъ того кладутъ туда же ему про запасъ и другой домашній скарбъ, а особливо лукъ и стрѣлы. Послѣ погребенія укрощаетъ волшебникъ изшедшаго изъ покойника духа, дабы онъ не безпокоилъ живыхъ, не лишалъ бы ихъ самыхъ лучшихъ добычь, и такъ далѣе. Въ заключеніи убивается при могилѣ олень въ жертву, которая тутъ же и снѣдается. Зажиточные возобновляютъ сей обрядъ и нѣсколько кратъ. Поминаніе имени умершаго не служитъ у нихъ ни къ чему больше, какъ только къ обезпокоиванію онаго: и по тому говорятъ они объ умершихъ всегда обинякми и вскорѣ предаютъ ихъ забвенію.

Они содержатъ *языческой законъ* по *Шаманскому толкованію*, о которомъ буду говорить послѣ. *Идолами служатъ* имъ деревянныя куклы или страннаго вида камни. Порубежные съ Остяками приемлютъ и въ идолослуженіи ихъ участіе. *Священнослужителей* своихъ (*Тадибъ*) почитаютъ, и предоставляютъ имъ служеніе добрымъ и злымъ существамъ. Сами же они безпристрастны, да почти и безчувственны въ разсужденіи своихъ собственныхъ какъ нынѣшнихъ, такъ и будущихъ судебъ.

КОИБАЛЫ.

КОИБАЛЫ.

Народъ сей раздѣляется на пятнадцать колѣнъ, которыя однакожъ всѣ совокупно платятъ подушной окладъ только за 402 души; и слѣдовательно могутъ почестся малымъ остаткомъ прежней сильной орды. Они живутъ въ верьху Енисея, за Абаканомъ по обѣ стороны Енисея, неподалеку отъ Саянскихъ горъ въ Красноярскомъ уѣздѣ.

Разположенїе лица ихъ походитъ больше на Семоядское, нежели на Татарское. *Языкъ* ихъ есть такъ же смѣшанное со многими Татарскими словами Семоядское нарѣчїе.

Они упражняются больше въ *скотоводствѣ* и кочуютъ въ подвижныхъ юртахъ. У иныхъ водится лошадей по сту, по стольку же рогатаго скота, по знатнѣйшему числу овецъ, и по нѣскольку верблюдовъ. Овцы ихъ породы широкохвостой; однакожъ у нихъ небольшїе только саломъ оплывшїе хвосты. Скотъ принужденъ самъ себѣ отыскивать кормъ и зимою: но они пособляютъ нѣсколько слабой скотинѣ тѣмъ, что кучи сѣна, чечалками (*) сносимыя, берутъ въ юрты, и тѣмъ ее кормятъ. Многїе, да и большая половина, послѣдуя Рускимъ людямъ, пашутъ немного земли и умѣютъ при томъ употреблять Рускую соху. Нѣкоторые изъ такихъ землепашцовъ построили себѣ и деревянныя хижины; у таковыхъ водятся и куры, хотя въ прочемъ кочевые народы дворовой сей птицы и никогда не держатъ. *Звѣрной промыселъ* всѣ любятъ; да онъ и нарочито прибыточенъ въ ихъ странѣ.

Въ разсужденїи *домашняго скарбу*, *одѣянїя*, *пищи* и *нравовъ* мало разнятся они отъ Красноярскихъ Татаръ, ниже и по близости которыхъ они живутъ. Веревки и канаты, на укрѣпленїе юртъ и на другїя надобности, дѣлаютъ они изъ дикаго

 льну

(*) Lepus alpinus, Pallas.

льну и крапивы. Коибалки носятъ косы и шапки по примѣру Моголокъ, о которыхъ буду говорить послѣ.

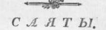
Бабы родятъ стоя на колѣняхъ, и при томъ такъ легко, что въ четвертой день принимаются уже и за обыкновенныя свои дѣла.

Коибалы содержали прежде языческой законъ по Шаманскому толкованію: но нынѣ всѣ уже *крещены*; да и отъ языческаго своего суевѣрія отъ часу больше уклоняются. Они хоронятъ теперь всѣхъ покойниковъ въ землѣ; въ прежнія же времена погребали только взрослыхъ людей, а дѣтей ставили, по Белтырскому обыкновенію, для истлѣнія на дерева. Роженицы почитаются и нынѣ еще четырнадцать дней нечистыми, и очищаются отъ сего оскверненія мытьемъ и окуриванiемъ себя иркнемъ (*).

САЯТЫ.

(*) Sabina.

САЯТЫ.

Саяты называются такъ же *Суїотами* и *Соїотами*; они живутъ на вышшихъ Саянскихъ горахъ на Югозападномъ концѣ Байкала у Монгальскихъ границъ, а отъ части и за оными на Китайскихъ земляхъ: по чему они намъ и не всѣ извѣстны. Число плашящихъ Россіи дань почти соотвѣтствуетъ количеству Конбалъ.

Единоплеменство Саятъ съ Семоядью доказывается ихъ *видомъ*, *языкомъ* и *житейскими обрядами*; но при томъ вѣроятно кажется, что они принадлежатъ и къ Тубинцамъ, у которыхъ во время завоеванія Сибири былъ храбрый Князекъ, по имени *Сонтъ*, которымъ самимъ, или можетъ быть и преемниками его, заведены они далѣе въ горы, и по предводителѣ своемъ назвали себя *Саятами*.

Какъ Россійскіе, такъ и Китайскіе Саяты, бѣдны и кочуютъ въ худыхъ берестою покрытыхъ лѣтнихъ юртахъ въ пустыхъ горахъ, и отъ части держатъ по немногу оленей, большая же половина ни какихъ животныхъ, кромѣ собакъ, у себя не имѣетъ, и живетъ бѣдно и неопрятно, получая пропитаніе отъ одной звѣриной и рыбной ловли, и нѣкоторыхъ дикихъ кореньевъ.

Законъ содержатъ всѣ *языческой* по *Шаманскому толкованію*. Въ *одѣяніи* же, *обрядахъ* и *нравахъ* ни мало не разнятся отъ *Конбалъ* и *Маторовъ*: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

МАТОРЫ.

МАТОРЫ.

Маторы называются сами *Матами* и *Маторъ-Аймаками.* По завоеванiи Сибири Россiянами, обрѣтены они въ нынѣшней своей области, то есть неподалеку отъ Саянскихъ горъ, на правой сторонѣ Енисея, выше Абаканскаго острога на рѣкѣ Тубѣ. Тогда подвластны они были Хану Золотой Орды; Россiи же начали платить дань въ 1609 году. Въ послѣдующiя времена бывали они въ подданствѣ то у Киргизцовъ, то у Соонгаръ. Какъ по сему обстоятельству, такъ и чрезъ сотрясанiе съ себя чужой власти совсемъ почти перевелось ихъ колѣно, которое уже и въ началѣ 17 столѣтiя было слабое. При бывшей въ 1760 году переписи, положено ихъ въ подушной окладъ только 30 душъ, да и сихъ истребила оспа такъ, что въ 1772 году считалось только десять семей въ остаткѣ. Сiи остальные пребываютъ между собою въ союзѣ, хотя и разсѣянно живутъ. *Саятамъ* они въ разсужденiи *языка, вида, древнихъ обрядовъ, житiя и идолослуженiя* такъ подобны, что какъ самихъ ихъ, такъ и тѣхъ почитаютъ Самоядскаго колѣна остаткомъ, къ роду Саятъ принадлежащимъ.

Скотоводцы они бѣдные; а въ землепашествѣ и вовсе не упражняются. Подвижныя свои юрты, составляемыя изъ жердей, которыя ставятся наискось, покрываютъ берестою, сверьхъ которой кладутъ зимою увядшую траву. Входъ въ юрты должно дѣлать всегда, по старинному обыкновенiю, въ Восточной сторонѣ.

Скуднымъ своимъ скотоводствомъ ни какъ они прокормиться не могутъ, но заимствуютъ больше пропитанiе отъ звѣриной ловли. Въ лѣтнее время ѣдятъ по большой части Сарану и другiе Сибирскими Татарами употребляемые дикiе коренья.

Съ лишкомъ за тридцать уже лѣтъ всѣ они *крещены.* Будучи еще язычниками увязывали они, какъ и Бельтыри, покойниковъ своихъ промежъ досокъ и клали ихъ для истлѣнiя на дерева.

ТУБИНЦЫ.

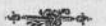
ТУБИНЦЫ.

Тубинцы, до завоеванія Россіянами Сибири, составляли многолюдное и храброе Семоядское колѣно, жившее на Восточной сторонѣ Енисея около рѣки Тубы, по которой оно и называлось симъ именемъ. Но оно во время войны отъ части истреблено, а отъ части разсѣялось не токмо по другимъ Семоядскимъ, но и по Татарскимъ народамъ. Между Качинскими Татарами есть и нынѣ еще одинъ *Тубинскій родъ* или Аймакъ: но онъ малолюденъ, и хотя наблюдаетъ между собою союзъ, однакожъ нынѣ ни языкомъ, ни житіемъ, ниже инымъ чемъ отъ Качинцовъ не отмѣненъ: по чему здѣсь на нихъ и ссылаюсь.

КАМАЧИНЦЫ.

Народъ сей называется и *Камачами.* Когда они въ 1629 году начали платить Россіи подать; то кочевали между рѣками Каною и Маною, изъ коихъ какъ одна, такъ и другая впадаютъ въ Красноярскомъ уѣздѣ въ рѣку Енисей съ правой стороны. Вѣроятно кажется, что наименованіе ихъ составлено изъ названій обѣихъ оныхъ рѣкъ. Нынѣ же живутъ они неподалеку отъ остроговъ, Абаканскаго при Енисеѣ, и Канскаго при рѣкѣ Канѣ. Въ то время, какъ покорены они Россійской державѣ, были они только малолюдный народъ, или лучше сказать остатокъ онаго.

Теперь они не столько людны, какъ *Койбалы*, которымъ они совершенно подобны въ разсужденіи вида, языка, одѣянія, обрядовъ и гнуснаго житія: по чему на нихъ и ссылаюсь. *Законъ* содержатъ еще *языческой* по *Шаманскому толкованію*, и оказываютъ великое почтеніе и повиновеніе своимъ идолослужителямъ и волшебникамъ (Канъ).

КАРА-

КАРАКАССЫ.

Каракассы принадлежатъ къ небольшимъ остаткамъ Красноярскихъ народовъ Семоядскаго племени. Статься можетъ, что они во время воинственныхъ безпокойствій собрались изъ св̂тлецовъ; по крайней мѣрѣ не упоминается объ нихъ съ уваженіемъ въ исторіи о завоеваніи Сибири. Нынѣ платитъ сіе поколѣніе подушной окладъ только за 22 семянистыхъ человѣкъ.

Они кочуютъ при *Тассевѣ*, вышедшей изъ *верьхней Тунгузки* рѣкѣ, въ гористой нѣсколько странѣ, и приписаны къ Удинскому острогу. *Подушный* ихъ *окладъ* (*Ясакъ*) разположенъ по деньгамъ: но они сверьхъ того исправляютъ еще и нѣкоторыя козацкія службы при Монгальской границѣ.

Языкъ ихъ *Семоядское* нарѣчіе, и при томъ не столько испорченное, какъ у многихъ другихъ остатковъ Семоядскаго племени.

Они бѣдны, и кромѣ нѣсколькихъ оленей ни чего добраго у себя не имѣютъ. *Юрты*, которыя составляютъ изъ колышковъ, покрываютъ звѣриными кожами. *Одѣяніе* дѣлаютъ себѣ изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ на Семоядской вкусъ. Въ мѣсто чулковъ обвертываютъ ноги жимолостною корою. Зимою носятъ теплыя шапки; лѣтомъ же ходятъ мужчины простоволосы, а женьщины покрываютъ голову лѣтними шляпками, нарочито пригожо изъ тростнику выплетенными.

Въ зимнее время питаются отъ одного звѣринаго промысла, лѣтомъ же дикимъ кореньемъ и рыбною ловлею. Какъ для того, такъ и для другаго перекочивываютъ они лѣтомъ по большой часпи черезъ каждые три дни къ другимъ рѣчкамъ или озерамъ.

Они правда всѣ *крещены*, но *держатся* больше нежели другіе обращенные къ православной вѣрѣ Сибиряки прародительскаго своего суевѣрія, которое есть Шаманское. Теперь нѣтъ у нихъ ни священнослужителей, ни волшебниковъ. Всякъ молится про себя Солнцу и Небесной Тверди съ воздыханіемъ, и приноситъ въ жертву отъ убитаго медведя и красной дичи голову да сердце, возноси то и другое къ Солнцу на кускѣ коры; при чемъ проситъ о удовлетвореніи его нуждамъ, и съѣдаетъ напослѣдокъ жертву. Знатнымъ горамъ и рѣкамъ оказываютъ они, какъ и другіе Сибиряки, почтеніе, и дарятъ или жертвуютъ имъ, когда къ нимъ приближаются, по немногу табаку, привезенную съ собою древесную вѣточку, лоскутокъ мѣху, или иную какую дрянцу; при чемъ отвѣшиваютъ и низкіе поклоны.

Теперь они *покойниковъ* своихъ *хоронятъ*. Въ прежнія же времена оставляли ихъ для истлѣнія на голой землѣ, положа головою къ востоку, или клали на сдѣланной изъ кольшковъ костеръ, либо и на дерева: при чемъ покрывали ихъ всегда хворостомъ; сожигали же токмо тѣхъ, которыхъ отмѣнно почитали.

НАРОДЫ

НАРОДЫ НЕИЗВѢСТНОЙ
или
СМѢШАННОЙ ПОРОДЫ.

Отякскія поколѣнья, кочующія по нижнему Енисею, начиная отъ верьхней Тунгузки, ниже и возлѣ Семоядъ, называются правда и живутъ одинаково съ Обскими Отяками: но языкомъ говорятъ совсемъ отмѣннымъ какъ отъ Отякскаго, такъ и отъ всѣхъ Сибирскихъ языковъ: по чему они и не безъ основанія почитаются *поколѣньями особаго народа*; хотя въ прочемъ и не обрѣтается ни какого извѣстія о ихъ произхожденіи ни у нихъ, ни въ исторіи. Между такъ называемыми *Красноярскими Татарами* говорятъ *Азаны*, *Котовцы* и *Аринцы* симъ же самимъ языкомъ; хотя и по весьма отмѣнному нарѣчію. Слѣдовательно они не Татара: ибо они окружены будучи Татарами и живучи съ ними одинаково, конечно бы говорили не инымъ какимъ, какъ Татарскимъ же языкомъ. Вѣроятно кажется, что они смѣшанные остатки Енисейскихъ Отяковъ, либо и отщетившіяся отъ нихъ толпы; по чему и не сомнѣваюсь помѣстить ихъ на *ряду* съ сими Отяками.

ЕНИСЕЙСКІЕ ОТЯКИ.

Въ самое то время, какъ Россійскія завоеванія въ началѣ седьмаго надесять столѣтія распространились до Енисея, жили Отяки Енисейскіе въ нынѣшнихъ своихъ пустыняхъ по обѣимъ сторонамъ Енисея и вышедшихъ изъ него рѣкъ, отъ вышней Тунгузки въ низъ за Мангазею или Нижнюю Тунгузку. Они и тогда уже обитали въ сосѣдствѣ Семоядъ и какъ будто бы прежемъ ихъ. Сіи Отяки не токмо покорились Россіи въ 1608 году, но и оказывали побѣдителямъ подъ предводительствомъ тогдашнихъ своихъ Князьковъ *Урмука* и *Намака*, всевозможное вспоможеніе въ преодолѣніи жившихъ въ верьхъ по Енисею такъ, какъ и Восточныхъ съ Отяками порубежныхъ народовъ.

Они *раздѣляются* на разныя волости и колѣна. По лѣвую сторону Енисея, начиная отъ Кеты, вышедшей изъ Оби рѣки, на Сѣверѣ находится прозванная по рѣкамъ Кассѣ и Сымѣ *Касимовская* волость; по правую же больше сторону Енисея стоятъ *Инбацкая* и *Пумпокольская* волости; къ сей послѣдней, которая и прежде была наизнатнѣйшая, давно уже присовокуплена и *Нацкая* волость. О подлинной величинѣ каждой волости не имѣлъ я случаю освѣдомиться. Однако они и вообще, судя по обширности ихъ пустынь, не многолюдны. Какъ въ 1731 году оказалась у нихъ оспа въ первые, то они едва не всѣ отъ оной перемерли. Болѣзнь сія свирѣпствовала у нихъ и послѣ того нѣсколько кратъ; но они при простой и безпечной своей жизни вскорѣ паки размножаются; и по тому думаютъ, что они теперь столь же людны, какъ и до оспеннаго разоренія были.

Мѣста ихъ часть Семоядскихъ же пустынь, и слѣдовательно крайне суровы, холодны и безплодны. Съ Семоядью и Обскими Отяками, которые называются у нихъ *Асъ Ярей*,

т. е. Обской народъ, имѣютъ они одинакія нужды и одинакія къ отвращенію оныхъ способы, и сходствуютъ совершенно особливо съ Обскими Отяками въ разсужденіи жилищъ и перемѣны оныхъ, также одѣянія, пищи, промысловъ, нравовъ, суевѣрія и всего вообще житія: по чему и ссылаюсь здѣсь на то, что сказано о сихъ Отякахъ, да и о самой Семояди. Оленей содержатъ они, какъ и тѣ, по немногу, и равно питаются всякою дичью и птицами безъ разбору, рыбою, дикимъ кореньемъ и плодами. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью, и платятъ съ души по стольку же. Между ими ведутся изъ стари *кузнецы*, которые плавятъ сами желѣзо по примѣру Абинцовъ, а по томъ дѣлаютъ изъ онаго, какъ умѣютъ, домашнія и звѣробитныя надобности. По сему ремеслу и прозвана одна Волость *Кузнецкою*. У нихъ есть еще и теперь такіе кузнецы.

АРИНЦЫ.

Аринцы.

Аринцы называютъ себя и *Аринами*; Татары же и Вотяки прозвали ихъ *Арами*, отъ Татарскаго слова *ара*, отдаленъ, или какъ Страленбергъ утверждаетъ отъ слова *ара*, шершень. Конечно лишились они въ военныя времена кореннаго своего названія.

Во время Татарскаго владычества поколѣніе ихъ было знатное и обитало на Западномъ или лѣвомъ берегу Енисея (которой называли тамошніе жители *Кемомъ*, а нынѣ видна тутъ одна только Западная рѣка, впадающая при городѣ Енисейскѣ въ Енисей) отъ устья Качи, гдѣ послѣ выстроенъ Красноярскъ, до самыхъ пороговъ или нынѣшней границы Енисейской провинціи. Отъ жестокости Татаръ, а особливо отъ частыхъ Киргизскихъ нападеній, уменьшилось было число ихъ такъ, что князекъ ихъ *Тутка*, когда въ 1608 году покорился Россійской державѣ, владѣлъ только стами тремя семей. Въ 1630 году соединились Аринцы съ одною волостью Енисейскихъ Остяковъ, которая по князькѣ ихъ *Весліѣ* называлась *Весловскою*, и передались по томъ Киргизцамъ. Возмущеніе сіе было для многихъ погибельно. Отъ бывшихъ между Киргизцами и Ханомъ Золотой Орды (Алтынъ Ханомъ) развратовъ разбѣжалось ихъ также не мало; нѣкоторые же приняли убѣжище къ Качинцамъ и тамъ женились: по чему нынѣ отъ сего въ прежнія времена знатнаго колѣна считается въ остаткѣ нѣсколько токмо семей, живущихъ обществомъ, на земляхъ Качинцовъ, подъ властію собственнаго ихъ старшины и наблюдающихъ между собою союзъ.

Въ Качинскихъ степяхъ живутъ смѣжно съ Аринцами три рода или Аймака, а именно *Ярынской* изъ 30, *Бухтынской* изъ 29, и *Кайдынской* изъ 16 душъ состоящій, которые походятъ на Аринцовъ такъ, что надобно ихъ неотмѣнно

почитать

почитать произшедшими отъ одного съ ними племени. Они имѣютъ такъ же общаго съ Аринцами начальника или Башлыка, и называются въ Красноярской воеводской канцеляріи вообще *Ярынскою волостью*.

Собственный ихъ языкъ есть весьма отмѣнное нарѣчіе языка Енисейскихъ, а особливо Пумпокольскихъ Остяковъ. Нынѣ же говорятъ они по Татарски Качинскимъ нарѣчіемъ. Какъ г. Статскій Совѣтникъ *Миллеръ* и старшій *Гмелинъ* были въ 1735 году при рѣкѣ Енисеѣ, то по Арински умѣлъ тогда еще говорить одинъ только человѣкъ, помощію котораго помянутый г. Статскій Совѣтникъ и умножилъ свой словарь или собраніе словъ разныхъ народовъ. А какъ славные сіи путешественники въ 1740 году ѣхали обратно изъ Восточной Сибири, то не было уже въ живыхъ и сего человѣка; и слѣдовательно купно съ жизнію его пресѣклась и живость Аринскаго языка.

Аринцы и соединенныя съ ними въ Ярынской волости поколѣнія живутъ во всемъ одинаково съ Качинцами. Жилище, пища, хозяйство и одѣяніе у нихъ точно такое же. Но Аринцы и Ярынцы гораздо бѣднѣе и кромѣ нѣсколькихъ лошадей, не имѣютъ ни какого скота: по чему и питаются по большой части звѣриною ловлею и дикими кореньями. Подушной окладъ очищаютъ такъ же мягкою рухлядью.

Вся вообще Ярынская волость исповѣдуетъ законъ Христіанской, но столь же мало просвѣщена, какъ и крещеные Татара: и для того утопаетъ въ наивеличайшемъ суевѣріи. Предки ихъ были язычники Шаманскаго толку; и объ нихъ повѣствуетъ Мессершмидъ въ рукописныхъ своихъ поденныхъ запискахъ, что они покойниковъ своихъ хоронили, снабдѣвали ихъ оружіемъ, и приносили въ жертву у могилы лошадь, которой мясо ѣли сами, а шкуру вѣшали на могилѣ. Клятвы почитаютъ они и нынѣ еще весьма страшными. Всякъ кленущійся у нихъ становится промежъ серны или дикой козы и собаки, и въ доказательство невинности своей угрызаетъ мед-

ведя въ голову. Однакожъ они и таковаго оправдавшагося у себя не терпятъ: но долженъ онъ странствовать по тѣмъ мѣстамъ, въ которыя покажетъ ему путь пущенная на волю и собакою преслѣдуемая дикая коза. Роженицы въ первые семь дней послѣ родовъ омываются троекратно; передъ возобновленіемъ же сожитія съ мужьями своими окуриваются хорошенько *ирвенемъ*, посвященною языческимъ божкамъ травою, и такъ далѣе.

АЗАНЫ.

Азаны и *Ассаны*, которые обыкновенно, но несправедливо, называются *Азанскими Татарами*, и причисляются къ *Красноярскимъ Татарамъ*, подобны судьбами своими и устроенiемъ Аринцамъ. Они такъ же, какъ и тѣ, составляли прежде сильное и храброе поколѣнье, но отъ подобныхъ безумiй число ихъ уменьшилось такъ, что нынѣ осталось уже ихъ не больше, какъ 10 или 12 семей.

Сей остатокъ почти истребленнаго уже народа утвердился на мѣстахъ предковъ своихъ при рѣкѣ *Усолкѣ*, вышедшей въ лѣвой сторонѣ изъ *Тассевы* (которая впадаетъ въ *Тунгуҗзу* съ лѣвой, а сiя въ *Енисей* съ правой стороны); гдѣ онъ подъ начальствомъ своего старшины или Башлыка пребываетъ между собою въ союзѣ и живетъ крайне бѣдно, точно по примѣру описанныхъ выше Красноярскихъ Татаръ.

Азанской языкъ есть весьма отмѣнное отъ языка Енисейскихъ Остяковъ и Аринцовъ нарѣчiе, которымъ однакожъ нынѣ уже не говорятъ, но вмѣсто того употребляютъ Татарской языкъ въ худомъ произношенiи. Славные Академическiе путешественники, г. Статскiй Совѣтникъ *Миллеръ* и покойный *Гмелинъ* старшiй, въ бытность свою въ тамошнихъ мѣстахъ между 1735 и 1740 годами нашли только двухъ или трехъ человѣкъ, которые могли говорить Азанскимъ языкомъ, нынѣ же онъ конечно уже и вовсе перевелся: однакожъ подобно Аринцскому, посредствомъ собранныхъ помянутымъ г. Статскимъ Совѣтникомъ съ великимъ трудомъ словарей, нѣсколько еще собдюденъ.

КОТОВЦЫ.

Какъ *Котовцы* въ 1628 году Россіи покорились, то колико ихъ было по такимъ же почти причинамъ, какія объявлены въ разсужденіи Аринцовъ и Азанъ, слабое. Нынѣ же они хотя еще и безсильнѣе, однакожъ многолюднѣе, нежели оба оные остатки народовъ вмѣстѣ: по чему и говорятъ еще собственнымъ своимъ *языкомъ*, который есть не иной какой, какъ Пумпоколо отяжской; токмо нарѣчіе онаго нарочито отмѣнно, и при томъ какъ отъ Аринцкаго, такъ и отъ Азанскаго весьма отошло: изъ чего явствуетъ, что они столь же несправедливо, какъ и оба прежніе остатки народовъ, причисляются къ Красноярскимъ народамъ.

Они кочуютъ близъ Восточнаго Енисейскаго берега, между Абаканскимъ и Канскимъ острогами, возлѣ Качинцовъ. Юрты ихъ совершенно сходны съ Качинскими. Въ разсужденіи одѣянія, пищи, житія и всего вообще устроенія походятъ такъ же на Качинцовъ, токмо гораздо ихъ скуднѣе. Скотоводство ихъ, относящееся къ лошадямъ, рогатому скоту и овцамъ, самое малое; и по тому они зимою отъ звѣриной ловли, а лѣтомъ отъ дикаго коренья, плодовъ и рыбной ловли имѣютъ свое пропитаніе. *Звѣриный промыселъ* выгоденъ въ лѣсистыхъ и гористыхъ ихъ мѣстахъ особливо по хорошимъ соболямъ, которые славны подъ именемъ *Канскихъ*. Они очищаютъ соболями въ Канскомъ острогѣ и подушной свой окладъ (Ясакъ).

Православную *Грекороссійскую вѣру* приняли не многіе, да и тѣ различаются отъ другихъ почти однимъ только именемъ Христіянъ и нѣкоторыми обрядами, которыхъ миновать не могутъ при рожденіи дѣтей, также при свадьбахъ и похоронахъ; да сверьхъ того рубахами. Прочіе же содержатъ *Шаманскаго толку языческой законъ*, и строго наблюдаютъ обряды Качинцовъ.

Качинцовъ. Всѣ вообще въ разсужденіи тѣла своего, пищи, юртъ, одѣянія, и всего житія, крайне неопрятны, да и чрезвычайно лѣнивы. Преисполненныя гадиною шубы, которыя надѣваютъ язычники на голое тѣло, почти прилипаютъ къ оному отъ грязи.

Рѣдко кто и изъ язычниковъ держитъ больше *одной жены*, по тому что по бѣдности своей не имѣютъ къ тому ни силъ, ни достатка. Изъ *обычаевъ* ихъ странно то, какъ они зимою спятъ, а именно: они ложатся въ юртѣ около огня попарно, такъ что головы лежатъ одна супротивъ другой, а ноги одного подъ руками у другаго. Въ семъ положеніи переворачиваются они и на другой бокъ за однимъ разомъ и не разрознивась.

МАНДЖУРСКІЕ НАРОДЫ.

Манджурскіе народы состоятъ изъ прямыхъ *Манджуръ* и *Тунгузъ*. Оба сіи народы по произхожденію своему единоплеменны; и сіе доказывается ихъ языкомъ, видомъ, обрядами и прочимъ такъ, какъ и собственными ихъ преданіями. Вообще они владѣютъ въ Восточной Сибири и въ Сѣверной Монгаліи, обширными пустынями и степями, нарочито еще многолюдны да при томъ настоящіе Манджуры и сильны: ибо одно изъ Княжескихъ ихъ колѣнъ владѣетъ наслѣдственно Китайскимъ престоломъ и управляетъ симъ государствомъ безпредѣльно.

До приходу Россіянъ въ Сибирь въ началѣ седьмагонадесять столѣтія, владѣли Манджуры всею *Дауріею* или Восточною Сибирью отъ Байкала до самыхъ Монгальскихъ горъ, также всѣми мѣстами около Амура, вышедшихъ изъ него рѣкъ Шилки и Аргуна, такъ какъ и побочныхъ рѣкъ, Сеги, Шингала, Науна и другихъ. Но они и прежде уже крайне обезпокоиваемы были вытѣсненными изъ Монгаліи на Западъ Бурятами. При рѣкѣ Селенгѣ и при верхнемъ Амурѣ стояло тогда *колѣно Даурское*, между Аргуномъ и Шилкою *Дучерское*, при среднемъ Амурѣ и впадающихъ въ него съ обѣихъ сторонъ рѣкахъ, Сегѣ, Наумѣ и другихъ *Ачарское*, около же устья Амура на берегу Восточнаго моря и его островахъ, а особливо на лежащемъ супротивъ устья Амура весьма великомъ островѣ Сагалымѣ улусы *Гилякскаго колѣна*.

Даурскіе Манджуры прихода Россіянъ не выжидали, но удалились Юговосточною стороною въ Китайское государство, а отъ части къ Амуру. Тутъ они съ братіею своею нѣсколько остепенились, и сдѣлали земляныя укрѣпленія, отъ коихъ произошли существующіе еще и нынѣ Китайскіе города *Айюнъ* и *Албазинъ*, первый на правомъ берегу Аргуна, а послѣдній на лѣвомъ выше устья Сеги. Они назвали сіи мѣста по Князькамъ своимъ Толгѣ *Толгинымъ* и Албазѣ *Албазинымъ*.

Во

Во время перваго Россійскаго похода къ Амуру около середины седьмагонадесять столѣтія, были Дауры и Дучеры подданные Китайскаго Богдохана, который тогда уже былъ Манджурской породы: по чему и вмѣшался какъ въ побѣгъ ихъ, такъ и въ защищеніе. Гиляки и прочіе Манджуры жили тогда независимо ни отъ какой власти, и покорились Россіи безъ всякаго сопротивленія. Примѣру ихъ послѣдовали многіе Дауры и Дучеры; но большая ихъ половина по повелѣнію Богдохана переведена съ Амура, которымъ Россія тогда всемъ владѣла, ближе къ Китаю, а особливо на рѣку Наумъ. Послѣ того старался Богдоханъ завладѣть Амуромъ, который ему и уступленъ, по силѣ заключеннаго въ Нерчинскѣ мира, со всѣми Россіи подать платившими Манджурами. Нынѣ служитъ между Китаемъ и Россіею границею *Становой Хребетъ*, простирающійся изъ Дауріи на Востокъ и Сѣверовостокъ, между рѣками Леною и Амуромъ, къ Восточному морю. Въ пограничныхъ горахъ кочуютъ не *Манджуры*, но Тунгузы, платящіе подать отъ части Россіи, а отъ части Китаю; иные же и вольно странствуютъ, ни чего не платя.

Не всѣ Манджурскія поколѣнья *ведутъ жизнь* одинаково. Иные живутъ по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузовъ отъ одной рыбной ловли, какъ н. п. *Ачары*, кочующіе при Наткѣ рѣкѣ, вышедшей изъ Амура въ правой сторонѣ. Сіи запрягаютъ въ мѣсто лошадей собакъ. У нѣкоторыхъ Гиляковъ, какъ слышно, усмирены и медведи такъ, что возятъ сани. Многіе упражняются единственно въ разведеніи оленей; другіе въ звѣриномъ промыслѣ; а еще большее число въ земледѣліи.

У ДаурскихъМанджуръ было такое междоусобное устроеніе, которое какъ будто бы составлено было изъ кочеваго и постояннаго на одномъ мѣстѣ житія, и при томъ весьма соотвѣтствовало человѣческой природѣ. Они жили, по письменнымъ извѣстіямъ и по преданіямъ нынѣшнихъ Дауръ, въ небольшихъ одномѣстныхъ хижинахъ, деревнями или семействами, но и не скучливы были перемѣнять мѣста свои, когда только усматривали невозможность удовлетворять впредь своимъ нуждамъ или вы-

годамъ

годамъ житейскимъ, какія могли бы они имѣть въ другихъ мѣстахъ. Они жили какъ между собою, такъ и съ сосѣдями мирно, и радѣли о скотоводствѣ, земледѣльствѣ, да и о самыхъ горныхъ работахъ.

Пашни свои засѣвають они, по примѣру Бухарцовъ, какъ огороды, раздѣляютъ ихъ глубокими стежками на гряды или полосы, и обводятъ ихъ рвами, дабы держалась въ оныхъ надобная на поливаніе вода. Для удобности въ поливаніи и для влажной рыхлой земли милѣе имъ были рѣчные берега. —— И нынѣ еще видно нѣсколько таковыхъ огородовъ на берегахъ разныхъ Даурскихъ рѣкъ, а особливо при Балгузинѣ и его рѣкахъ, на которыхъ имѣлъ жилища свои одинъ Манджурскій народъ, названный въ извѣстіяхъ *Баргутами*.

Сверхъ того производили многіе съ немалымъ раченіемъ *рудокопное* и *плавильное дѣло*. Нынѣшніе Даурскіе рудники при Аргунѣ, славные подъ именемъ *Нерчинскихъ*, и разработываемые теперь для одного Серебрянаго и Золотаго выходу, содержатъ въ себѣ такъ, какъ и вся Даурія довольно доказательствъ о томъ, что древніе Даурскіе Манджуры упражнялись въ рудокопномъ дѣлѣ. Многіе отъ части покинутые, а отъ части еще разработываемые рудники, суть продолженія начатыхъ ими работъ. Вѣроятно кажется, что и старые рудники и кучи огарковъ въ Саянскихъ горахъ въ Красноярской области при Енисеѣ, суть остатки трудовъ Даурскихъ или другихъ Манджуръ, а скарбы Абаканскихъ могилъ ихъ произведенія. Гдѣ находили они руду, тамъ заводили и плавильни: по чему при всѣхъ древнихъ, хотя нѣсколько знатныхъ рудникахъ, видны груды огарковъ. Они добывали и плавили руды всегда по небольшому количеству и, какъ видно по огаркамъ, наибольше мѣдную и желѣзную руду. Рудники были у нихъ по большой части поденные или верьховые. Плавильныя печи были у нихъ конечно не велики, и вѣроятнѣ кажется, что подобіе оныхъ сохранилось въ видѣ тѣхъ печей, въ какихъ Россійскіе кузнецы въ Восточной Сибири плавятъ сами свое желѣзо. Такія печи, (имѣющія въ прочемъ продолговаточетвероугольной

твероугольной видЪ, вЪ поперешникЂ почти вЪ сажень, а вЪ разсужденіи плавки расположенныя подобно такЪ называемымЪ высокимЪ печамЪ и снабдЂнныя ручными мЂхами) конечно найдены вЪ разныхЪ мЂстахЪ и послужили образцомЪ.

Даурскіе наши Манджуры были, такЪ какЪ нынЂшніе при АмурЂ и другіе, *язычники Шаманскаго толку*, о которомЪ буду говорить послЂ. *ПокойниковЪ* своихЪ они хоронили; а что они имЂли кЪ нимЪ почтеніе, о томЪ свидЂтельствуетЪ безчисленное множество могилЪ, какія видны еще и нынЂ при АргунЂ, ШилкЂ, ИнгодЂ, ОнонЂ и ея рЂкахЪ. Они дЂланы особенно, а больше по нЂскольку вЪ одномЪ мЂстЂ. ВЪ длину бываютЪ они обыкновенно отЪ 5 до 8, вЪ ширину отЪ 3 до 4, а вЪ глубину, какЪ видно при разрываніи по слоямЪ земли, до 6 футовЪ. ВЪ нихЪ находятЪ иногда остатки костей и ржавчатые кусочки желЂза, конечно отЪ оружія; дорогіе же крушцы, какЪ вЪ ЕнисейскихЪ могилахЪ, никогда не попадаются; по чему и не касается никто праха усопшихЪ. Большая половина сихЪ могилЪ завалены просто землею, нЂкоторые же и плитникомЪ. НынЂ они равны сЪ поверьхностію земли, но какЪ продолговатые четвероугольники обставлены сЪ Востока на ЗападЪ плитами стоящими на краю могилы и торчащими поверьхЪ земли на ладонь или и на пядень вЪ вышину. ВЪ ВосточномЪ концЂ стоитЪ обыкновенно вЪ одинЪ и два фута вышиною плоской или круглому столбу подобной необтесаной камень. На многихЪ могилахЪ стоитЪ и по серединЂ сей почестный столбЪ.

ТУНГУЗЫ.

Тунгузы называются сами *Евойенами*, по тому, что праотца ихъ звали *Евоеномъ*, также *Донками*, а иногда, по примѣру многихъ Сибиряковъ, и просто *людьми* (*Тунг. Бое*). Енисейскіе Остяки и Татара называютъ ихъ такъ, какъ и Россіяне, *Тунгузами*, произведши названіе сіе ломано отъ слова *Донки* или отъ *Тонгонъ*, наименованія ихъ Князька, либо и отъ Татарскаго слова *Тунгузъ*, свинья, которымъ названіемъ гордые Татара хотѣли конечно изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житіе. Въ прочемъ называютъ ихъ Манджуры *Ссоломами*, стрѣльцами, и *Орончонами*, оленоводцами, отъ слова *Оронъ*, олень, Монгалы же и Буряты *Хамъ Ногонами* и *Ссолонами*.

Пустыни ихъ простираются съ Запада на Востокъ, отъ *Енисея* за *Лену* до самаго *Амура* и *Восточнаго моря*. Отъ Юга къ Сѣверу живутъ они между 53 и 65 степенемъ Сѣверной широты; и слѣдовательно не касаются ни Соонгарскихъ границъ, ни береговъ Ледовитаго моря. Но они будучи весьма миролюбивы, не всѣми сими пустынями владѣютъ одни: но во многихъ мѣстахъ живутъ съ ними совокупно и въ смежности Остяки, Семояди, а особливо Якуты. Около Амура и за онымъ кочуютъ обще съ Манджурами и Китайскіе Тунгузы. Мѣста ихъ, выключая при Амурѣ лежащія, по большой части, какъ и Якутскія, лѣсисты, да при томъ болотны и гористы, равно холодны и суровы такъ, что мало гдѣ можно бы завести усадьбы по Европейскому вкусу.

Россіяне получили самое первое извѣстіе о Тунгузахъ отъ Енисейскихъ Остяковъ, и начали съ 1607 году стараться, чрезъ посылку изъ Мангазея Козаковъ, о покореніи оныхъ. Тогда подвластны были многія Тунгузскія поколѣнія вытѣсненнымъ недавно изъ Монголіи Бурятамъ. Во время Россійскихъ нападеній оказали Тунгузы больше мужества, нежели другіе Сиби-

Тунгузъ на охотѣ.
Ein Tungus im Jagd Kleid.
Un Toungouse en habit de chasse.

Тунгузъ на охотѣ.
Ein Tungus im Jagd Kleid.
Un Toungouse en habit de chaſse.

Сибиряки, и ни какое пораженїе не могло ихъ принудить къ оставленїю занятыхъ ими подъ жилища свои мѣстъ. Преодолѣнные бунтовали въ послѣдовавшїя времена нѣсколько кратъ; и въ 1640 году Ленскїе Тунгузы у собирателей подати выщипали бороды. Живущїе на Западной сторонѣ Байкала Тунгузы покорились Россїи не прежде, какъ въ 1643, на Восточной же сторонѣ и при Витимѣ обитающїе въ 1657 году.

Они *раздѣляются* по Восточному обыкновенїю на колѣна, а сїи на роды. Каждый родъ (Тагаунъ) производитъ начало свое отъ какого ни есть храбростїю, силою, изобилїемъ въ скотѣ и дѣтяхъ, а иногда и благоразумїемъ, прославившагося родоначальника, называется по его имени, и всѣ въ ономъ находящїеся считаются кровными между собою родственниками. Нѣсколько же таковыхъ родовъ считаются между собою родствомъ по своимъ родоначальникамъ, и соединяются по тому въ *колѣна*. Умѣющїе породу свою выводить прямою дорогою отъ знатныхъ родоначальниковъ, составляютъ ихъ дворянство (Отериканъ), изъ коего выбираютъ они наипаче семейственныхъ старшинъ (Даруга); въ случаѣ же недостатка въ добрыхъ дворянахъ, выбираютъ они ихъ изъ зажиточнѣйшихъ и отважнѣйшихъ людей. Въ прежнїя времена выбирало нѣсколько родовъ общаго себѣ *Сайзана*; а изъ числа сихъ бывалъ одинъ Князькомъ поколѣнья и назывался *Тоньїономъ* и *Тоїономъ*. Онъ подобенъ былъ въ разсужденїи власти Хану Татарской орды. Нынѣ же причитаются таковыя семейства совокупно и обще съ ихъ Даругасами, отъ Россїйскаго правительства въ семъ званїи утвержденными, такъ же съ нѣсколькими еще существующими Сайзанами, и еще меньшимъ числомъ Тоїоновъ, для большей удобности въ надзиранїи и собиранїи подати къ Округамъ, острогамъ и зимовьямъ, которыя мало по малу между народомъ симъ заведены.

По сему *раздѣленїю* принадлежало въ 1766 году, по численїю мужеска пола, въ *Якуцку* 16 родовъ, а душъ 1291; къ Охоцкому округу 27 родовъ, а душъ 1862; къ *Кучидайскому*, *Баунтскому* и *Баргузинскому* острогу и зимовьямъ на

на верьхней Ангарѣ 13 родовъ, а душъ 1025, которые всѣ кочуютъ на Сѣверовосточной сторонѣ Байкала и состоятъ подъ смотрѣнiемъ Россiйскаго управителя въ Баргузинѣ; въ *Нерчинскихъ* заводскихъ горахъ кочуетъ при Ингодѣ, Ононѣ, Шилкѣ и Аргунѣ до самаго Амура 15 родовъ, изъ коихъ *Дугатской* всѣхъ ближе къ Амуру. Всѣми ими управляетъ Князь *Кантимуровъ*, крестившiйся Монгалъ, въ званiи Тотона или Тайши, и имѣетъ непремѣнное жилище на Ингодѣ. При записѣ въ подушной окладъ показано ихъ 4341 душа. Изъ прочихъ Даурскихъ Тунгузовъ принадлежитъ 8 родовъ, а душъ 290 къ *Телембинскому* острогу, да 5 родовъ, въ коихъ считается 239 душъ, къ *Еравнинскому* острогу; въ прочемъ же приписано къ *Олекминскому* острогу 4 рода, а душъ 242; къ верьхнему и нижнему *Вилуйскому* зимовью 10 родовъ, а душъ 870; къ тремъ зимовьямъ же на *Маѣ*, вышедшей изъ Лены рѣкѣ, 8 родовъ, въ коихъ 595 душъ; къ *Колымскимъ* острогамъ 5 родовъ *Ламутъ*, кочующихъ по берегамъ Восточнаго моря; ихъ записано въ подушной окладъ 397 душъ. Всѣ сiи находятся въ *Иркуцкой* губернiи; шесть же кочующихъ при Тунгузкѣ родовъ платятъ подушной окладъ за 200 душъ въ *Енисейскѣ* и *Мангазеѣ*, и слѣдовательно принадлежатъ къ Тобольской губернiи.

Кромѣ сихъ въ пустыняхъ своихъ кочующихъ, странствуютъ еще и между другими язычниками небольшiя артели или частныя Тунгузскiя семьи, коихъ наберется около 1700. Сверьхъ того, по собственному показанiю Тунгузъ, кочуютъ по верьхней Ангарѣ, въ горахъ около вершины сей рѣки, нѣсколько совсемъ еще не переписанныхъ многолюдныхъ поколѣнiй. Въ горахъ къ *Амуру*, при *Удѣ*, Тунгузы отъ части и вовсе еще не считаны, а отъ части переписаны слегка. И по тому можно народъ сей почесть наизнатнѣйшимъ въ Сибири, не считая Китайскихъ Тунгузовъ, но полагая только число платящихъ подушной окладъ душъ втрое, въ замѣну женъ, дѣтей и выходцовъ.

Тун-

Тунгузы росту средняго, и никогда ни чрезвычайно малы, ни съ лишкомъ велики не бываютъ; при томъ статны и вертлявы. Лицо у нихъ не столько плоское, какъ у Калмыковъ, и краска въ немъ живая; глаза маленькіе и вострые, носъ небольшой и сухощавой, уши обыкновенной величины; волосъ черной и прямой, борода нарочито жидкая, а у иныхъ и совсемъ волосомъ не опушается; голосъ нѣсколько осиплой; въ прочемъ чрезвычайно зорки и чутки, но темъ тупее у нихъ чувствованіе и обоняніе. Дѣти совершенно походятъ на Калмычонковъ. Молодые женщины приманчивы по причинѣ изряднаго разположенія лица, чрезвычайной веселости и вѣжливости; старухи напротивъ того морщинами, копотью, и красными какъ огненный уголь глазами приводятъ въ ужасъ. Старики рѣдко бываютъ сѣды, и ходятъ до последняго конца такъ прямо, и какъ на ходу, такъ и въ дѣлахъ своихъ столь бодры, что сомнительно, не зная, почесть ихъ и устарѣлыми.

Сложенія они самаго многокровнаго. У нихъ всегда на языкѣ и на дѣлѣ то, что на сердцѣ. Лгать кажется имъ дурно: и сіе самое предохраняетъ ихъ отъ подозрѣнія и клятвъ. Воровство и обманъ почитается у нихъ столь позорнымъ дѣломъ, что они по таковымъ попреканіямъ размѣниваются часто стрѣлами. Довольствуясь самыми необходимыми надобностями, ни къ чему, кромѣ оныхъ, не имѣютъ пристрастія: и по тому пребываютъ при прародительскихъ своихъ нравахъ и житейскихъ порядкахъ, безъ дальнихъ прихотей или затѣй. Горести сего дня не разпворяютъ они попеченіемъ о заутрѣ; но паче дѣлятся со всякимъ кто бы у нихъ ни случился, последнимъ кускомъ безкорыстно, и съѣдаютъ оной съ веселостію. Да и въ такомъ случаѣ, когда нѣсколько дней сидятъ голодны за неимѣніемъ ни какого харчу, не унываютъ. Женитьба почти одно такое дѣло, при которомъ думаютъ они о будущемъ; да и въ томъ бываетъ имъ всегда удача, по тому, что они ни въ чемъ, слѣдовательно и въ самой любви, не разборчивы и къ неистовствамъ не склонны. Въ дѣлахъ ихъ видна осторожность, раченіе и способность. Они весьма скоро перенимаютъ другіе языки, и въ верьховой ѣздѣ, звѣриномъ

промыслѣ и стрѣлянiи изъ луковъ искусны. Въ мѣстахъ, гдѣ кочуютъ, знакомо имъ почти всякое дерево, всякой камень и проч. Слѣды звѣрей узнаютъ на утоптанномъ мхѣ, травѣ, или и просто по знакамъ на голой землѣ, гдѣ посторонний человѣкъ отнюдь не можетъ примѣтить ни чего особливаго. Когда хотятъ имѣть свиданiе въ другихъ мѣстахъ, то мѣста умѣютъ описывать такъ точно, либо дѣлаютъ пальцомъ на снѣгу или на землѣ такiе чертежи, что неошибнò, гдѣ надобно, сойдутся. Отважность ихъ, выходить съ обидчикомъ и изъ безделицы на поединочную изъ луковъ перестрѣлку, причемъ иной и жизни лишается, или устремляться на единѣ со стрѣлою и рогатиною на медвѣдя, составляетъ странную противность въ разсужденiи почти безчувственной ихъ холодности при крайнемъ недостаткѣ, ранахъ, потерѣ друзей, имѣнiя и проч. Они живутъ, кочуютъ, промышляютъ звѣрей, ловятъ рыбу и пасутъ скотъ по большой части уединенно, и какъ встрѣчаются, такъ и разлучаются между собою безъ радости и тоски. Богатые люди имѣютъ и у нихъ больше попеченiя, и не столько щедры: однакожъ за безсильныхъ стариковъ платятъ подушной окладъ охотно.

Языкъ ихъ есть Манджурское нарѣчiе, и при томъ мягокъ, для выговору удобенъ и слуху прiятенъ. Слова изображаются на письмѣ малымъ числомъ буквъ, которыя удобнѣе писать кистiю, нежели перомъ, съ верьху въ низъ. Но у нашихъ Тунгузовъ нѣтъ ни грамоти, ни школъ. Знанiя ихъ утверждаются только на преданiяхъ и относятся къ ихъ состоянiю. *Щетъ* ихъ простирается до 10, и по томъ удвоивается. У нихъ есть лѣтний и зимний годъ: но они сами годовъ не считаютъ. Лѣта жизни или какого ни есть бытiя считаютъ по тому, сколько разъ заплаченъ между тѣмъ Ясакъ; такъ н. п. кто тридцать разъ платилъ Ясакъ, тому отъ рожденiя тридцать лѣтнихъ и столько же зимнихъ годовъ, слѣдовательно шестдесятъ лѣтъ. Въ такомъ двойственномъ году считается тринадцать мѣсяцовъ или лунныхъ теченiй (Бега), которыя называютъ они по естественнымъ приключенiямъ, какъ н. п. Илкунъ (цвѣточной мѣсяцъ), Иринъ (плодоносной мѣсяцъ)

сяцъ) и такъ далѣе. При томъ названія мѣсяцовъ не у всѣхъ одинаковы, но по житію ихъ разнятся. Въ прочемъ не празднуютъ они ни лѣтняго Новаго года (Юани Ангани), ниже начала зимы (Туани Ангани).

Даругасамъ ихъ надлежало бы токмо наблюдать порядокъ и рѣшить маловажныя споры, о важныхъ же предлагать Ясашнымъ сборщикамъ: но спорющіеся охотнѣе размѣниваются стрѣлами, либо подвергаются осужденію, по старинному своему обыкновенію, своей братіи, судящей обыкновенно по естественной справедливости, нежели представляють предъ судъ начальства, дѣлающаго приговоръ на основаніи незнакомыхъ имъ законовъ, или налагающаго неупотребительныя у нихъ наказанія: по чему и нѣтъ между всѣми Нерчинскими преступниками ни одного Тунгуза. Поединочная изъ луковъ перестрѣлка (Кучигера) происходила прежде въ виду старостъ, которые опредѣляли мѣсто, отдаленіе и знаки, когда пускать стрѣлы. Нынѣ же принуждены они таковые поединки скрывать; по чему и отходятъ многіе безвѣстно на тотъ свѣтъ.

Убійство, когда произошло отъ ссоры, не уголовнымъ почитается у нихъ преступленіемъ. Убійцу сѣкутъ плетьми, и приказываютъ ему содержать сиротъ покойниковыхъ; въ прочемъ же не токмо не укоряютъ его братія злодѣяніемъ, но еще и величаютъ его храбрецомъ. За *драку* наказываютъ палочными по голой спинѣ побоями, и сіе истязаніе называется у нихъ Идогачиганъ. *Воровъ* бьютъ, взыскиваютъ съ нихъ похищенное, и они остаются навсегда въ презрѣніи. За *прелюбодѣяніе* наказуютъ одныхъ только мужчинъ. Любовникъ долженъ или взять за себя любимую имъ дѣвку, заплатя напередъ опредѣленной выкупъ, или претерпѣть побои. Когда кто изъ черни похититъ честь у богатой или пригожей дѣвки, то долженъ опасаться, чтобы братья ея и пріятели не разстрѣляли его изъ луковъ. Мужьямъ и женамъ драться не запрещено; и они пользуются при томъ одинакими правами; а кто кого ранитъ, того сѣкутъ при всемъ народѣ. Ежели женатые ужиться не могутъ, то разводятся какъ ни будь. Проводимыхъ женами мужчинъ у нихъ

нихъ довольно; да сто имъ и не въ диковину. Бабы сидятъ обыкновенно дома одни; ихъ посѣщаютъ мимоходомъ странствующіе звѣриные промышленики, варятъ у нихъ себѣ пищу; ѣдятъ оную вмѣстѣ; и какъ тѣ и другія въ выборѣ не щекотливы, то скоро соглашаются между собою и о другомъ. Ежели мужу станетъ уже не въ терпежъ; то поступается онъ женою ея дружку и беретъ за себя другую изъ его рода. Такозой нарочито часто происходящій у нихъ обмѣнъ называется на ихъ языкѣ *Донира*. *Родимыя пятна*, безпорядочное сложеніе тѣла, и густоту волосъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ у женъ, которая бываетъ въ прочемъ рѣдко, почитаютъ они произшедшими отъ дѣйствія діявола неустройствами: по чему и случающіся у нихъ по сей причинѣ нерѣдко разводы, которые должны однакожъ произходить всегда съ согласія старѣйшинъ.

Въ такихъ случаяхъ, когда не можно испытать истинны, берется на помощь *присяга* (Адакачанъ), которой есть у нихъ цѣлые три рода. Самая послѣдняя состоитъ въ томъ, что обвиняемый беретъ ножъ и размахивая онымъ противъ солнца, говоритъ: *ежели я виноватъ, то пусть солнце повелитъ болѣзнямъ разметываться въ моей внутренности такъ, какъ размахивается сей ножъ.* Тяжкая клятва заключается въ томъ, когда обвиняемый взлѣзши на свято почитаемую гору, какъ и. п. на Восточной сторонѣ Байкала на Шаманскую скалу, находящуюся неподалеку отъ теплыхъ водъ при рѣкѣ Фрелихъ, вскричитъ: *ежели я виноватъ, то пускай умру, или лишусь дѣтей и скота, не буду никогда на звѣриномъ промыслѣ щастливъ, ниже въ рыбной ловлѣ*; то есть говоритъ то, чѣмъ ему приказано клясться. Самая же большая присяга состоитъ въ томъ, что убивается собака возлѣ огню, прободается копьемъ, а потомъ или сожигается или прочь бросается, обвиняемому же даютъ испить нѣсколько ея крови, при чемъ долженъ онъ говорить: *кровь сію пью я на правдѣ; а буде лгу, то пускай погибну, сгорю или изсохну, какъ сія собака.*

Подать Сибирскихъ Тунгузъ, выключая Телембинскія поколѣнья, которыя въ мѣсто подати исправляютъ на Монгальской

гальской границѣ Козацкія службы, состоитъ въ парѣ соболей со всякой въ подушной окладъ записанной души; а каждый соболь считается въ рубль. Они могутъ такъ же отдавать въ казну, цѣною на два рубли, оленьи кожи и другую мягкую рухлядь, или продавъ оные платить наличными деньгами. Мягкую рухлядь цѣнятъ присяжные люди. Всякое поколѣнье или семейство очищаетъ гуртомъ свой подушной окладъ, раздѣляетъ оной самопроизвольно, заставляетъ щасливыхъ и здоровыхъ звѣриныхъ промышлениковъ платить за бѣдныхъ и престарѣлыхъ, и такъ далѣе. Даруги отдаютъ подать подъ весну казеннымъ приемщикамъ находящимся въ острогахъ или въ зимовьяхъ, куда посылаются около сего времени Козаки. Ежели сіи приемщики поступаютъ съ народомъ по честности и ласково, то великую получаютъ прибыль. Если н. п. подать еще не собрана, то приемщикъ или Козакъ оплачиваетъ оную въ казну изъ своихъ денегъ; а въ будущей срокъ получаетъ изъ одной честности отъ сихъ почти дикихъ людей обратно мягкою рухлядью не только самой долгъ исправно, но часто еще и сверьхъ того подарки. Тунгузская мягкая рухлядь, а особливо соболи при верьхней Ангарѣ промышляемые, по добротѣ своей славны. Ежели промыслы ихъ были удачны, то они не скупятся, но даютъ самое лучшее, да при томъ еще и не по долгу, но единственно по доброй волѣ.

Всѣ Сибирскіе, и слѣдовательно Россіи подвластные Тунгузы *кочуютъ* и разнятся между собою, смотря по тому, въ лѣсахъ ли или въ степяхъ живутъ; по чему и не противно называть однихъ *лѣсными*, а другихъ *степными Тунгузами*. *Лѣсные Тунгузы* раздѣляются паки, по ихъ житію, на *оленоводствующихъ*, *звѣроловствующихъ* и *рыбную ловлю производящихъ*. *Степные Тунгузы* держатъ лошадей, рогатой скотъ, овецъ и проч. За росто раздѣляются они на *конныхъ*, *оленьихъ* и *собачьихъ Тунгузовъ*, къ коимъ принадлежатъ звѣроловствующіе и въ рыбной ловлѣ упражняющіеся; и хотя сіе не изъявляетъ отмѣнности народа, однакожъ показываетъ его состояніе.

Оленьи Тунгузы кочуютъ съ своими стадами, въ коихъ бываетъ отъ 20 до 1000 оленей и свыше, въ высокихъ и лѣ-

систыхъ горахъ въ Дауріи около Баунтскаго озера, около Охоцка и при нижнихъ Ленскихъ рѣкахъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Содержаніемъ оленей удовлетворяютъ они всѣмъ своимъ надобностямъ по примѣру Лопарей и Самояди, по тому, что оныя состоятъ только въ необходимыхъ нуждахъ самой природы; сирѣчь довольствуются мясомъ, молокомъ и сыромъ, изъ кожъ шьютъ одѣяніе, спятъ на нихъ, и покрываютъ ими свои юрты, изъ рогу и костей дѣлаютъ посуду, изъ жилъ нити и проч. при томъ ѣздятъ на оленяхъ верьхомъ и запрягаютъ ихъ въ сани. Словомъ сказать, олени все ихъ добро и имѣніе. Они всегда сами себѣ промышляютъ кормъ, или получаютъ по нѣскольку только горстей мху, когда стоятъ привязаны или запряжены въ сани. Въ зимнее время ходятъ мужчины для звѣринаго промыслу и въ нарочито отдаленныя отъ юртъ ихъ и стадъ мѣста.

Звѣроловствующіе и рыбную ловлю производящіе Тунгузы все одни и тѣ же, и ни чемъ не разнятся; зимою ходятъ на звѣриной промыселъ, а лѣтомъ ловятъ рыбу. Для приволья какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, безпрестанно странствуютъ и рѣдко долѣе трехъ дней стоятъ на одномъ мѣстѣ. Собравшись побольше людей въ артель, странствуютъ по всѣмъ лѣсамъ обширныхъ своихъ пустынь по большой части какъ особенныя семьи, которыя, когда встрѣтятся случайно въ своей округѣ съ другими поколѣнья своего семьями, остаются правда на нѣсколько времени въ соединеніи однакожъ вскорѣ безъ дальнихъ околичностей паки разлучаются, кочуютъ вмѣстѣ съ другими, и такъ далѣе. Они крайне бѣдны и ни чего, кромѣ звѣроловной и рыболовной снасти, да и то небольшой, и нѣсколькихъ собакъ также одѣянія и юртъ, не имѣютъ. Сіе сказано о большой половинѣ; и изъ таковыхъ то мало сыщется такихъ семей, которыхъ бы, когда не имѣютъ въ запасѣ мягкой рухляди, не можно было тремя или пятью рублями до нага окупить: и по тому они не имѣютъ ни нужды, ни житейскихъ попеченій горестію растворенныхъ. Нѣкоторые имѣютъ по нѣскольку, а иные и до 10 смирныхъ оленей, которыхъ чрезвычайно берегутъ и рѣдко доятъ. Старые

рые люди и дѣвки ѣздятъ на нихъ верьхомъ; да на нихъ же перевозятъ и домашній скарбъ. Когда Тунгузы переправляются черезъ рѣки, то собаки и олени безъ принужденія слѣдуютъ за ними вплавь и никогда не разбѣгаются, хотя въ лѣсахъ и довольно попадается имъ дикихъ оленей, или когда и гонимы бываютъ хищными звѣрями или собаками. Для верьховой ѣзды имѣютъ они небольшія сѣдла изъ оленьихъ реберъ, на которыя кладутъ сверьху шубу; оленей же управляютъ словами, или рукою, а рѣдко веревочкою къ рогамъ привязанною.

Для приволья въ *рыбной ловлѣ* странствуютъ во все лѣто отъ одной рѣки, озера или иныхъ какихъ водъ къ другимъ; и ходятъ при томъ на звѣриной промыселъ, когда вздумается. Для рыбной ловли больше, нежели ради звѣринаго промыслу, живутъ въ округахъ, какія они между собою для всякаго поколѣнія опредѣлили. На воду пускаются они въ небольшихъ *лодкахъ* (Яу), состоящихъ изъ легкой деревянной основы, и такихъ же закраинъ, а обшитыхъ берестою, и при томъ такъ плотно, что вода ни какъ пройти сквозь оную не можетъ. Такія ихъ лодки въ низу нѣсколько плоски, съ обоихъ концовъ остры, длиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 саженъ, въ верьху шириною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 футовъ, тяжестію иногда меньше, а иногда и больше пуда, но со всемъ тѣмъ довольно крѣпки, и можно на нихъ не токмо одному, но четыремъ и пяти человѣкамъ ѣздить безопасно по рѣкамъ и большимъ озерамъ, да и на самомъ Байкалѣ, далеко отъ береговъ. Весла походятъ на лопаты; а гребутъ то тѣмъ, то другимъ. Вродники, неводы и сему подобная рыбачья снасть, имъ неизвѣстна. *Рыбу ловятъ* удами, которыя опускаютъ въ воду черезъ край идущей на гребле лодки, да и трехзубчатыми желѣзными вилами (Керонки), которыхъ концы, длиною въ палецъ, имѣющіе зазубрины, отстоятъ одинъ отъ другаго на палецъ, и прикрѣплены къ удилу длиною въ сажень. Въ ночное время ложатся они съ зажженнымъ подгнѣтомъ на брюхо на угасистыхъ мѣстахъ береговъ, или разъѣзжаютъ въ своихъ лодкахъ по водѣ. Искуство ихъ столь велико, что рыба кото-

рую запримѣтять и достать могутъ, рѣдко отъ вилъ ихъ уходишъ. Когда осенью бываетъ *омоли* (*) ходъ изъ Байкала въ нѣкоторыя рѣки, то дѣлаютъ они неподалеку отъ берега изъ прутьевъ сплетенную городьбу, и ставятъ въ рѣкѣ наискось, а сами стоятъ позади оной въ водѣ и выбрасываютъ на берегъ голыми руками пригоняемую къ городьбѣ по причинѣ великаго множества, и тутъ останавливающуюся рыбу.

Звѣриный же промыселъ производятъ различно. Они употребляютъ при томъ луки, стрѣлы, рогатины, силки, ловушки, а особливо самострѣлы, и приученныхъ къ гоньбѣ звѣрей собакъ. По причинѣ великаго множества настороженныхъ самострѣловъ не можно безъ Тунгузскаго проводника ходить или ѣздить по ихъ лѣсамъ. Провожатые же признаютъ сіи мѣста по надломленнымъ вѣтвямъ деревъ или по другимъ какимъ едва примѣтнымъ знакамъ. По елику они ходятъ на звѣриной промыселъ обыкновенно по одиначкѣ, и при томъ смѣлы, то не мало пропадаетъ ихъ отъ нещастныхъ приключеній, паденія съ горъ, увязыванія ногами промежъ выбившихся накипей, коими каменистыя горы усыпаны, также отъ быстроты рѣкъ, отъ хищныхъ звѣрей, и такъ далѣе. Ежели кто изъ звѣриныхъ промышлениковъ переломитъ себѣ ногу или увязнетъ такъ, что ни какъ самъ выбиться не можетъ; то удаленъ будучи отъ всякой помощи приближается медлительно или отъ мученія или отъ голоду къ концу своей жизни, ежели какой ни есть хищный звѣрь не прекратитъ скорѣе его страданія. Упражнявшійся щастливо въ звѣриной или рыбной ловлѣ Тунгузъ принимается за содержаніе оленей; оскудѣвшій же оленный Тунгузъ берется за звѣриный промыселъ и рыбную ловлю, либо разводитъ собакъ: но ни тотъ, ни другой не промѣняетъ лѣсовъ и горъ на чистые степи, или звѣринаго и другихъ промысловъ на скотоводство.

Степные Тунгузы находятся почти въ одной Дауріи приОнонѣ, Аргунѣ, Баргузинѣ и проч Они имѣютъ лошадей, которые составляютъ главное богатство, рогатой скотъ, овецъ, козъ

(*) Salmo gregarius.

козъ и верблюдовъ. Во всемъ своемъ хозяйствѣ и житіи, также въ юртахъ и прочемъ, уподобляются Бурятамъ, коимъ они послѣдовали, и уже во время Россійскихъ завоеваній жили съ ними въ сосѣдствѣ и упражнялись въ скотоводствѣ. Однакожъ они не столько заводны, какъ Буряты. Между Тунгузами не легко сыскать такого человѣка, который бы имѣлъ тысячу лошадей, пять сотъ рогатаго скота, до двухъ тысячь овецъ, около ста козъ и до пятидесяти верблюдовъ; между Бурятами же, о которыхъ буду говорить послѣ, былъ бы такой человѣкъ не въ диковину. Оскудѣвшій степный или конный Тунгузъ служитъ своей братіи или Россійскимъ мужикамъ изъ хлѣба и плашежа за него подушнаго окладу.

Между *лѣсными Тунгузами* есть и *кузнецы*: но другихъ ремесленниковъ нѣтъ ни какихъ. Наковальня, молотъ, терпугъ, клещи, которыя они такъ какъ и самое желѣзо вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у собирающихъ подушной окладъ Козаковъ, раздувальные мѣхи изъ тюленьихъ кожъ, подобные нашимъ, не выключая и самаго мѣшечка съ угольемъ, тяжестію вообще не больше, какъ въ полпуда: по чему всякій кузнецъ весь свой приборъ совокупно съ припасами удобно можетъ носить съ собою подъ пазухою. Ежели гдѣ надобно ему поработать, то складываетъ въ одно мѣсто нѣсколько каменныхъ обломковъ, дѣлаетъ изъ глины для мѣховъ трубу, и куетъ, сидя на землѣ, застунцы, копейца на стрѣлы, огнивы, ножи, пилы, копья, жестяныхъ идоловъ и сему подобное лучше, нежели бы подумать можно.

Женскія упражненія, сверьхъ варенія пищи, смотрѣнія за дѣтьми и такъ далѣе, состоятъ въ сушеніи рыбы, выдѣлываніи кожъ, шитьѣ одѣянія, крашеніи и сему подобномъ. *Мягкую рухлядь* выдѣлываютъ изрядно; а особливо *замша* ихъ отмѣнно хороша. Налимовыя и другія рыбьи шкуры выдѣлываютъ они не хуже Обскихъ Остяковъ. Шитье ихъ и вичуры, изъ разщипанныхъ жилъ и волосу выводимыя, также крашеніе кожъ, а особливо шерсти съ бѣлыхъ козъ и лошадей снимаемой, весьма не дурны.

Юрты (Аранъ) и *домашній скарбъ* лѣсныхъ Тунгузовъ не меньше просты, какъ и самое ихъ житіе. Они составляютъ изъ 10 или и 20 жердей или колышковъ столбъ, къ верьху уже сведенный и скрѣпляющійся тамъ зубцами, на землѣ же занимающій пространства въ поперешникѣ отъ 2 до 2½ саженъ. Сію изъ колышковъ состоящую решетку покрываютъ они наметами изъ вываренной и на подобіе холста сшитой бересты. Края оныхъ обшиваютъ какъ для красы, такъ и для крѣпости полосками изъ бересты же, какъ будто тесьмою. По самой серединѣ юрты виденъ очагъ, съ котораго поднимается дымъ сквозь полую вершину юрты. Въ мѣсто дверей раздвинуты двѣ жерди подалѣе одна отъ другой, и занавѣшены неприкрѣпленнымъ берестовымъ наметомъ, которой можно или отгопыривать или поднимать въ верьхъ. Когда они откочевываютъ на другія мѣста, то решетки покидаютъ, а наметы, свернувъ въ трубку, берутъ съ собою. Таковы ихъ юрты на взглядъ весьма недурны; но отъ стужи, какъ легко разсудить можно, худое убѣжище. Зимою ставятъ ихъ наибольше въ закрытіяхъ горъ, лѣтомъ же такъ близко къ водѣ, что въ иную не привычному человѣку страшно бы показалось и войти.

Домашній ихъ *скарбъ* состоитъ въ одномъ мѣдномъ либо чугунномъ котлѣ, въ щепяныхъ, берестовыхъ либо и кожаныхъ сосудахъ, въ плашаныхъ ящикахъ, украшенныхъ кожею и шитыми вичурами, въ мѣшкахъ (Чамбуллы), колыбеляхъ, лыжахъ, санях подъ собакъ, заступахъ, топорахъ, лодкахъ, снасти для звѣринаго промыслу и рыбной ловли, оружіи и прочемъ. *Заступы* ихъ длиною фута въ полтора, нѣсколько выгнуты, и обложены желѣзомъ только на концѣ. *Колыбели* суть не иное что, какъ открытые ящики изъ бересты, въ вышину почти на пядень, и обшитые кожею. Они сведены тупымъ угломъ, на подобіе креселъ; по чему перевязанное дитя сидитъ какъ будто прислонясь. А дабы голова у него не измялась, то вырѣзана на днѣ дыра. Надъ головою дитяти вѣшаютъ небольшихъ жестяныхъ идоловъ, какъ будто хранителей. Въ прочемъ можно таковую колыбель и съ дитятемъ вмѣстѣ посредствомъ ремня вѣшать въ юртахъ, на вѣтьяхъ деревъ, также прикрѣ-

лять къ сѣдлу или и черезъ плечо перевѣшивать. Юрты и домашній скарбъ степныхъ или конныхъ Тунгузовъ подобны Бурятскимъ, которыя описаны будутъ послѣ, а послѣдній сходствуетъ отъ части съ теперь только описаннымъ.

Одѣяніе ихъ сходно наибольше съ Якутскимъ, но тѣмъ паче отмѣнно отъ одеждъ почти всѣхъ прочихъ Восточныхъ народовъ. Кожаное платье или *шубы*, которыя носятъ они на голомъ тѣлѣ, коротенькія *штаны* и долгіе кожаные или теплые *сапоги*, почти совершенно подобны Якутскимъ: однакожъ одѣяніе ихъ обыкновенно еще короче и уже, да и сапоги свои не такъ часто, какъ Якуты, украшаютъ черными и бѣлыми полосами изъ необдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, но изпещряютъ ихъ красивымъ шитьемъ или стироченьемъ и бисеромъ. Въ штанномъ поясѣ есть снурокъ, которымъ прикрѣпляютъ они штаны къ поясницѣ; а въ переди виденъ небольшой въ пядень длиною запонъ, изъ желтой или темной выдѣланной кожи, которая отъ части вееплошь, а отъ части въ низу только съ краю изрѣзана въ узенькія полоски. По елику верьхнее платье, которое въ переди стягивается снурками, не совсемъ сходится, то привѣшиваютъ они по большой части красиво выстроченной, и корольками или раздувающимися крашенымъ волосомъ конскимъ или козьимъ выложенной нагрудникъ, который шириною въ верьху въ ладонь, а въ низу въ пядень, достаетъ до половины лядвей, и держится около шеи на веревочкѣ. Лѣтомъ же носятъ они платье по большой части въ разпашку и нагрудника не надѣваютъ. Благоговѣйные и суевѣрные носятъ на таковыхъ нагрудникахъ, а лѣтомъ и просто на груди, жестяннаго идола, во образѣ человѣка, звѣря, птицы и проч. представленнаго, и уповаютъ на его покровительство, ожидаютъ себѣ отъ него щастія въ звѣриномъ промыслѣ, и такъ далѣе. *Лѣтомъ* носятъ также многіе изъ нихъ штаны и сапоги изъ налимовыхъ и другихъ рыбьихъ шкуръ. Зимою носятъ небольшіе по икры только пущенные полусапоги изъ необдѣланной кожи съ оленьихъ или лосиныхъ ногъ, подъ которые подшиваютъ копченыя подошвы. *Зимнее одѣяніе* шьется по большой части изъ бѣлыхъ оленьихъ шкуръ, но не рѣдко и изъ другихъ звѣриныхъ кожъ, которыя волосомъ обращаются на ружу, однако

нако ни чемъ не полнѣе лѣтняго замшанаго платья. Они столько любятъ легкое, свободное и размашистое или странное на взглядъ платье, что кромѣ волосяной бахрамы, шириною въ ладонь, около обшивки платья находящейся, пришиваютъ нерѣдко еще и къ полсницѣ большие, пядени въ двѣ длиною, пуки изъ бѣлаго, краснаго или чернаго волосу, которые раздуваются отъ вѣтру такъ, какъ и бахрамы. Лѣтомъ ходятъ всѣ простоволосы; а зимою носятъ шапки изъ звѣриныхъ кожъ, а особливо изъ серныхъ головъ, на которыхъ оставляютъ какъ уши, такъ и молодые рога; отъ части же надѣваютъ на голову и небольшія скуфьи подобныя теплыя шапки, которыя, когда шерстью пускаются въ низъ, строчатъ волосами и расцвѣчаютъ бисеромъ. Волосы завязываютъ лѣсные Тунгузы на затылкѣ плотно, и такъ ихъ оставляютъ не заплетая; къ завязкѣ же прикрѣпляютъ красивую корольками унизанную накладку. Олены Тунгузы, когда волосы коротки, часто ихъ и не перевязываютъ. У многихъ видны *на лицѣ*, какъ у Американцовъ, Гренландцовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, а именно на щекахъ, на лбу, и на подбородкѣ синими точками выведенныя *изображенія*, представляющія протяженія, дуги или безпорядочные виды; тщеславные родители вышиваютъ ихъ шестилѣтнимъ и десятилѣтнимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ намоченными сперьва слюною, а потомъ около котла въ сажѣ вычерненными нитками, которыя продѣваются сквозь кожу токмо на пролетъ. Лицо крайне отъ таковаго шитья разгорается; но синие пятнышки или точки никогда не пропадаютъ. Теперь дѣлается сіе единственно изъ пышности; а въ прежнія времена, какъ и Иродотъ утверждаетъ въ разсужденіи Ѳракіянъ, означало оно героевъ. Многіе перевѣшиваютъ лѣтомъ черезъ плечо для пуганья мухъ пучокъ конскаго волосу, и при томъ носятъ при себѣ мягкую и блестящую кожу съ селезнихъ головъ, для вытиранія оною изъ глазъ мошки.

Женщины носятъ такое же точно *платье*, какъ и мужчины, и не больше ихъ наблюдаютъ чистоту и въ разсужденіи своего тѣла. Бабъ и дѣвокъ по платью ни какъ разпознавать

Тунгузъ.
Ein Tungus.
Un Toungouse.

Тунгузъ.
Ein Tungus.
Un Toungouse.

Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла.
Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
Un Toungouse en habit de chaſse par derrière.

Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла.
Ein Tungus im Jagd Kleid rückwärts.
Un Toungouse en habit de chaſse par derrière.

вать не можно. Бабье одѣянïе обыкновенно бываетъ нѣсколько пополняе, также по большой части красивѣе и опрятнѣе мужскаго. Нѣкоторыя носятъ около шеи узкïя решетки изъ пронизокъ, покрывающïя нѣсколько и грудь. Иные прицепляютъ къ платью, послѣдуя обычаю Якутъ, наперстки и другïя брякушки (Удинъ). Лѣтомъ носятъ многïе совсемъ изъ рыбьихъ шкурокъ, по вышеописанному порядку, сдѣланное платье. Женщины трудятся надъ всемъ темъ, что принадлежитъ къ одѣянïю, чрезвычайно рачительно, и оказываютъ въ шитьѣ и строченьѣ большее искуство, нежели какого бы чаять можно было отъ сихъ непросвѣщенныхъ людей. Молодые, изрядно одѣтые Тунгузы и Тунгузки собою статны, миловидны, веселы, смѣлы въ поступкахъ, и нарочито пригожи. Шаманы и Шаманки при совершенïи своего идолослуженïя наряжаются совсемъ отмѣнно: но объ нихъ буду говорить послѣ.

Степные или *конные Тунгузы* живутъ и одѣваются лучше и нѣжнѣе, совершенно сообразно Бурятамъ; и при темъ заплетаютъ они по Монгольскому обыкновенïю волосы на макушкѣ, а въ прочемъ бреютъ всю голову.

Они ѣдятъ всѣхъ четвероногихъ звѣрей, не изключая и хищныхъ, также ласточекъ, мышей, словомъ сказать все безъ разбору, да и самую падальщину, когда только не съ лишкомъ вонявтъ; всѣхъ птицъ и рыбъ: но змѣи, ящерицы, лягушки, насѣкомые и черви кажутся имъ гнусны. Изъ царства растѣнïй запасаютъ они себѣ въ пищу разные коренья, вырываемые ими въ изобильномъ количествѣ изъ норъ водящихся въ странѣ ихъ особаго рода мышей (*), также отмѣнную свою сарану (**), комки изъ тарлыку (***), совиной стрѣлы или молочайнику (****), разныя дикорастущïя ягоды, а изъ травъ больше дикïе роды пращу.

(*) Mus œconomicus. Pall.
(**) Lilium Martagon & pomponium.
(***) Polygon vivipar.
(****) Sangvisorba.

Зимній запасъ лѣсныхъ Тунгузовъ состоитъ кромѣ того что достаютъ они ежедневно на охотѣ, въ замороженныхъ, сушеныхъ на солнцѣ, или копченыхъ рыбахъ, въ мясѣ такимъ же образомъ отъ порчи сохраняемомъ, въ мерзлыхъ дикорастущихъ ягодахъ, а у оленьихъ Тунгузовъ еще и въ сырѣ. Запасъ хранятъ отъ части въ вырытыхъ въ землѣ погребахъ, а отъ части въ небольшихъ голубятнямъ нашимъ подобныхъ чуланахъ, которые они для безопасности отъ хищныхъ звѣрей строятъ выше земли на одну или и на двѣ сажени на лѣсинахъ срубленныхъ деревъ.

Пищу готовятъ себѣ просто и неопрятно. Мяса, какое бы ни было, отнюдь сырого не ѣдятъ; варятъ же просто въ водѣ почти всегда безъ соли, или жарятъ, держа надъ огнемъ на деревянныхъ рожнахъ. Ѣства ихъ *Силло* есть не иное что, какъ мясо смѣшанное съ дикими кореньями. Кровяныя колбасы дѣлаютъ совсемъ просто, а именно: выворотя кишку, наполняютъ ее безъ всякаго чищенья кровью, а по томъ варятъ. Когда они изрубленныя потрохи вмѣстѣ съ кровью кладутъ въ кишки, то колбасы ихъ называются тогда *Нимни*. *Жиръ* и *сало* ѣдятъ изъ горсти голое безъ хлѣба и соли. *Копченое мясо* и *рыбы*, равно то и другое на солнцѣ сушеное, ѣдятъ безъ всякаго варенія. Самая мерзкая ихъ ѣства есть жареное или вареное *мѣсто роженицъ*, которое они въ первомъ случаѣ *Силамою*, а въ другомъ *Едехалою* называютъ. Отцы почитаютъ его наилучшимъ кускомъ, да и матери отвѣдываютъ; при томъ созываютъ для отвѣдыванія сей ѣствы одныхъ только наивеличайшихъ другей, къ которымъ въ семъ случаѣ не всякъ бы чужой человѣкъ пожелалъ быть причисленъ. Когда они отъ принимающихъ подать Козаковъ могутъ вымѣнить на мягкую рухлядь муку, то варятъ изъ оной жидкую соломату.

Они *пьютъ* всегда чистую воду, весною по нѣскольку березоваго соку, мясные и рыбные отвары, и вареную съ пьяною травою (*) съ серебариными листочками, и съ шелухою кедровыхъ шишекъ, воду безъ всякой другой примѣси. Дабы слюна

(*) Rhododendr. davric.

на служила лѣтомъ къ утоленію жажды, то жуютъ лиственичной клей. У лѣсныхъ Тунгузовъ, кромѣ табаку, нѣтъ въ употребленіи ничего пьянаго, да и тотъ курятъ изъ маленькихъ Китайскихъ трубокъ, перемѣшавъ съ мхомъ: по чему и бываютъ во всю жизнь свою трезвы. Охоцкія и другія сѣверныя поколѣнья употребляютъ для веселости духа такъ, какъ Остяки и Якуты, *мухоморы*. Степные и зажиточнѣйшіе оленьи Тунгузы пьютъ лѣтомъ *перекващенное молоко*, а первые и вино изъ молока выкуренное. *Перегонный приборъ* весьма сходствуетъ съ тѣмъ, какой у насъ употребляется. Они ставятъ на котелъ наполненной кислымъ молокомъ деревянное дупло, по серединѣ котораго находится решетчатая доска, у коей на верхней сторонѣ сдѣланы жолобочки, склоняющіеся къ боковой дупла скважинѣ. Съ наружи покрываютъ они дупло на верьху войлоками, а скважины около котла замазываютъ глиною. Поднимающіеся отъ разложеннаго подъ котломъ огня сквозь решетку крѣпкіе пары, собираются въ жолобочкахъ и стекаютъ боковою скважиною, къ коей придѣлана труба, проводящая ихъ въ сосудъ.

Въ *обхожденіи* они отнюдь себя не принуждаютъ. Они говорятъ не много, да и то безъ околичностей. Будучи по природѣ люди добрые, всегда ве селы и рѣдко одинъ другаго обижаютъ. Прозьбъ у нихъ вовсе нѣтъ, но всякъ требуетъ того, чего желаетъ, и вѣрно получаетъ, когда только есть что дать; либо въ то же самое время слышитъ отказъ безъ огорченія. Нѣжности вышшаго степени имъ не знакомы: однакожъ свойственна имъ какъ будто холодная, но дѣльная дружба. Они иногда и нѣсколько лѣтъ не видавшись, не здоровкаются; да и разстаются по большой части безъ прощанья, и слушаютъ безъ примѣтнаго сострадания, когда говорятъ о нещастіяхъ, да и о самой смерти ихъ друзей. До старости же дожившіе друзья увидѣвшись послѣ долговременной разлуки обнимаютъ другъ друга, и при томъ иногда такъ плотно, что въ лицѣ оба посинѣютъ; иногда же и цѣлуются. Женской полъ и у Тунгузъ гораздо чувствительнѣе мужескаго; иногда стоитъ немалаго труда воздержать молодыхъ вдовъ отъ самоубійства, и такъ далѣе. *Ласковыя* ихъ слова суть слѣдующія: дружокъ (Ника), дитетка (Ута),

батюшка

батюшка (Аменикань), матушка (Онимикань), старичокъ и добринькой (Катшумь). Употребительнѣйшія же *ругательства* суть: воръ, бѣсъ, (Буни), проклятой (Чилкуръ). За подарки почти и не благодарятъ: но при всемъ томъ оказываются весьма услужливыми провожають своихъ благодѣтелей нѣсколько дней долѣе, и доставляютъ имъ иногда и на свой счетъ забавы, которыя въ естественномъ ихъ состояніи почитаются наибольшими. Сколько они голодъ сносить могутъ, столько напротивъ того и ѣдятъ здорово, да при томъ безвременно. Во время ѣды сидятъ на землѣ на цыпкахъ. Кто бы ни пришелъ, всякаго угощаютъ, хотя и послѣднимъ кускомъ. Ни передъ ѣдою, ни послѣ оной не молятся. Для прогнанія отъ себя летающей въ превеликомъ множествѣ мошки, которая крайне безпокоитъ, перевѣшиваютъ часто, кромѣ махала и селезьихъ головъ, какъ о томъ сказано выше, небольшіе горшечки, въ которыхъ курится гнилое дерево, черезъ плечо такъ, что курево сіе то въ переди, но назади виситъ, смотря по дѣлу ихъ и по вѣтру: и такъ они безпрестанно бываютъ въ дыму, отъ чего около носу нарочито смугла бываетъ у нихъ кожа.

Чистота не въ великой у нихъ чести. Они никогда не умываются, и ни какой посуды не выполаскиваютъ, но за велико считаютъ и то, когда вытрутъ овчиною, которую вытаскиваютъ иногда и изъ колыбели. Когда у себя или у дѣтей выискиваютъ вшей, то гадину сію глотаютъ. Они не гнушаются и дѣтскими нечистями; сопливые ихъ носы берутъ къ себѣ въ ротъ, и высосавъ возгри глотаютъ; многo у нихъ и другихъ таковыхъ мерзостей. У людей живущихъ столь соотвѣтственно простотѣ человѣчества, не могутъ быть наблюдаемы наши понятія о стыдливости. Дѣти, будучи уже и нарочито взрослы, ходятъ не рѣдко совсемъ нагіе; да и совершеннолѣтніе обоихъ половъ, однако не дѣвки, сидятъ также возлѣ огню нагіе до половины, то есть имѣютъ на себѣ одни только коротенькія штаны, или попрыгиваютъ въ такомъ же состояніи и въ своихъ юртѣ. По привычкѣ и по тому, что почти всѣ взрослые женаты, обычай сей безвреденъ и не соблазнителенъ.

Лѣсные

Лѣсные Тунгузы при естественномъ, трезвомъ и ненатужномъ житіи своемъ не прельщаются ни деньгами, ни крушцами, выключая желѣзо, ниже другимъ чемъ, надобнымъ намъ по житейскимъ нашимъ обрядамъ и прихотямъ. Напротивъ того дѣтей, здоровья и старости желаютъ. Они *любятъ дѣтей* чрезвычайно: но сіи бываютъ имъ на старости и питомцами. Однако они не плодородны: мало такихъ матерей, которые имѣютъ четверыхъ дѣтей; а сіе произходитъ можетъ быть частію отъ суроваго житія и отъ того, что долго кормятъ дѣтей грудью, то есть иногда и до пятаго года. Бабы ихъ родятъ легко, и начинаютъ тотъ часъ послѣ родовъ ходить; да и откочовываютъ вмѣстѣ съ мужьями, которые почитаютъ ихъ четыре недѣли послѣ родовъ нечистыми. Кто ни будь изъ пріятелей нарекаетъ младенцу безъ всякихъ обрядовъ вѣры имя, какъ н. п. *мальчикамъ: Шеминга, Уркунду, Лавинка, Атунга*, и такъ далѣе; а *дѣвкамъ: Аланнуръ, Огокъ, Тунгилби* и проч. Младенцы лежатъ въ колыбеляхъ нагіе, и обсыпаны во кругъ истертымъ гнилымъ деревомъ; покрываютъ же ихъ шубнымъ лоскутомъ.

Многоженство у нихъ не запрещено, и многіе имѣютъ женъ по пяти, однакожъ больше такихъ, у которыхъ по одной только женѣ. По елику всякъ старается, какъ можно скорѣе, завестись своимъ хозяйствомъ; то сочетаніе для обоихъ половъ нужно, и совершается въ весьма молодыхъ лѣтахъ; по чему пятнадцатилѣтніе мужи и двенадцатилѣтнія бабы и вдовы у нихъ нерѣдки. Невѣстъ они выкупаютъ. Степные и конные Тунгузы даютъ *за невѣсту выкупу* (Шурунъ) отъ 20 до 200 всякаго скота; оленій Тунгузъ даетъ отъ одного до 20 оленей; рыболовствующій Тунгузъ платитъ за избраннаго своего тестя года по 2, по 3 и больше подушной окладъ. Приданое (Иши) равняется почти противу четвертой доли выкупу; невѣста же даритъ отъ себя жениха платьемъ, которое служитъ свидѣтельствомъ въ разсужденіи искуства ея въ выдѣлываніи кожъ и шитьѣ. По исполненіи рядной начинаютъ женихъ и невѣста спать вмѣстѣ, безъ предварительныхъ торжественныхъ обрядовъ; когда же они переходятъ

жить въ новую юрту, что бываетъ празднество. Конные Тунгузы ѣдятъ при томъ съ друзьями своими и пріятелями лошадь, оленьи оленя, а рыболовствующіе дикаго звѣря, какого къ сему случаю убить удастся, какъ н. п. волка или лисицу. Въ случаѣ же неудачи въ звѣриномъ промыслѣ убиваютъ собаку; по крайней мѣрѣ даетъ обѣщаніе поднять таковой столъ жениховъ отецъ или свекоръ.

Увеселенія ихъ при брачныхъ поѣздахъ и въ праздники состоятъ въ повѣствованіи вымышленныхъ приключеній, которыя они иногда и воспѣваютъ, въ пѣсняхъ о звѣриномъ промыслѣ, о любви и проч. въ пляскѣ по досчатой скрыпкѣ (Куръ) о трехъ струнахъ; мужчины же забавляются наиболѣе бѣганьемъ въ запуски, выпереживаніемъ на лошадяхъ, и стрѣляньемъ изъ луковъ.

Болѣзней у сихъ крѣпкихъ, умѣренныхъ, веселыхъ и безпечныхъ людей мало, а собственныхъ и вовсе нѣтъ: однакожъ рѣдко кто и у нихъ доживаетъ до глубокой старости. Старики лѣтъ въ 70 весьма у нихъ рѣдки. Рдѣніе глазъ отъ дыму, и цынга отъ непривычки къ спокойному житью, суть обыкновенныя тягости въ старости. Нѣсколько кратъ, да и за тридцать лѣтъ предъ симъ, весьма пагубна для нихъ была оспа. Идолослужители ихъ суть совокупно и врачи; стараются же пособить домашнимъ лѣкарствомъ, приношеніемъ жертвы и волшебствомъ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ одѣяніи, и надѣляютъ ихъ табашною и другою надобностью; мужчинамъ же даютъ и оружіе. Когда отъ покойника не было особливаго завѣщанія, то погребаютъ его тамъ, гдѣ умеръ; Шаманы и другіе хотятъ истлѣть на чистомъ воздухѣ, по чему и покрываютъ ихъ только камнями и хворостомъ, у первыхъ же вѣшаютъ еще и барабанъ; нѣкоторые, напротивъ того, желаютъ преданы быть погребенію или возлѣ родственниковъ или возлѣ какого ни есть любимаго дерева. Похороны отправляютъ пріятели безъ всякихъ обрядовъ; а по томъ одинъ послѣ другаго потчуютъ

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ съ лица.
Ein Tungusischer Schamann am Argun Fluss vorwärts.
Devin toungouse auprès de l'Argoun par devant.

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунь съ лица.
Ein Tungusischer Schamann am Argun Fluss vorwärts.
Devin toungouse auprès de l'Argoun par devant.

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунъ сзади.
Ein Tungusischer Schamann am Argun Fluss rückwarts.
Devin toungouse auprès de l'Argoun par derrière.

Тунгуской Шаманъ при рѣкѣ Аргунъ сзади.
Ein Tungusischer Schamann am Argun Fluss rückwarts.
Devin toungouse auprès de l'Argoun par derrière.

чуютъ покойника, ставя на могилу его пищу и питье: и сiе называется у нихъ *Шитуралъ*.

Законъ содержатъ *языческой* по *Шаманскому толкованiю*. Верьховное или всеобщее божество называютъ *Боа*, дiавола *Буги*, а идолослужителей и волшебниковъ *Шаманами*.

ВОСТОЧ-

ВОСТОЧНЫЕ СИБИРСКIЕ НАРОДЫ.

Ближайшая къ Сѣверу матерая земля Сибири извѣстна стала Россiянамъ въ послѣдней половинѣ шестаго надесять столѣтiя, и завоеванiе оной по причинѣ отдаленности, суровости мѣстъ и дикости тамошнихъ жителей, не могло производить иначе, какъ токмо медлительно. По 1690 годѣ извѣстна была Камчатка по одному только слуху; занятiе же оной воспослѣдовало въ 1696 году. Въ 1710 году найдены Курильскiе острова. Въ 1727 году воспрiяло начало свое Камчатское морское путешествiе подъ предводительствомъ *Беринга*, продолжавшееся до 1741 года. Во время онаго Восточные, а отъ части и Сѣверные берега Сибири, острова на морѣ между Сибирью и Америкою, а особливо Курильскiе, также Японiя, да и самая матерая земля Америки, отъ части ближе опредѣлены, отъ части открыты, отъ части же и посѣщаемы были. По томъ бывали въ мѣстахъ сихъ и на островахъ Россiйскiе промышленики, Козаки и Купцы, и мало по малу обложены нѣкоторые подушнымъ сборомъ. Чуцкой мысъ, называемой и Шелатскимъ, и вообще Анадырская страна, прежде Камчатки стала извѣстна, и въ 1738 году и послѣ по большой части войскомъ состоявшимъ подъ предводительствомъ Маiора *Павлуцкаго* пройдена и завоевана: но дикiе тамошнiе жители не всѣ пребыли въ повиновенiи.

Тѣ же самыя обстоятельства, которыя противуполагали препоны завоеванiю и удержанiю сихъ странъ, препятствовали и приобрѣтенiю точнаго объ нихъ свѣденiя, по елику они по большой части не виданы были испытателями никогда. Все знанiе объ нихъ основано на изустныхъ преданiяхъ, которыя однакожъ въ отношенiи къ народамъ сихъ странъ, по елику устроенiя ихъ и странные въ жизни обряды и самимъ воинамъ и купцамъ гораздо примѣтнѣе, нежели качество холодной,

ной, суровой и къ житiю Европейцовъ почти вовсе неспособной земли, не столько не совершенны, какъ въ разсужденiи онаго естественнаго состоянiя. *Стеллеръ*, *Крашенинниковъ* и *Миллеръ*, всѣ трое члены здѣшней Санктпетербургской Академiи наукъ, сообщили объ нихъ наипространнѣйшiя и лучшiя извѣстiя: однако и разныхъ неученыхъ путешественниковъ сказки о томъ вѣрны и полезны. Я почерпну и внесу сюда изъ таковыхъ извѣстiй все то, что до предмѣта моего касается.

Между сими народами *Юкагиры* съ *Якутами*, *Чукчи* съ Сѣвернѣйшими *островскими жителями*, *Камчадалы* съ нѣкоторыми *Курильцами* и Восточными островскими жителями, въ языкѣ и житiи нарочито сходствуютъ, а *Коряки* составляютъ какъ будто бы межоумокъ между Чукчами и Камчадальскими народами. Но у всѣхъ столь великая разность въ языкѣ, житiи, нравахъ и прочемъ, что и сходства почти не примѣтно: по чему безъ точнѣйшихъ до произхожденiя ихъ касающихся извѣстiй или рачительныхъ испытанiй не можно ни чего положительно сказать о ихъ единоплеменствѣ и породѣ относительно къ ихъ предкамъ. Я же по намѣренiю моему, касающемуся до нынѣшняго ихъ состоянiя, описываю ихъ здѣсь по порядку подъ именемъ *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ* больше въ разсужденiи ихъ смежности, нежели по старинному древнему ихъ единородству.

ЮКАГИРЫ.

Юкагиры и нынѣ еще нарочито знатный народъ, кочующій въ ближайшихъ къ Сѣверу Якутскихъ мѣстахъ и около самаго Ледовитаго моря, въ Восточной сторонѣ *Лены*, отъ *Ямы* до самой *Колымы*.

Они, по народной молвѣ, почти столь же давно, какъ и Якуты, извѣстны были Россійскимъ завоевателямъ Сибири: но какъ они жили въ ближайшихъ къ Сѣверу, въ суровѣйшихъ и непроходимыхъ странахъ, то первые Юкагиры не прежде, какъ въ 1639 году начали платить подушный окладъ: чему противились и вооруженною рукою. Лошади совсемъ имъ были неизвѣстны: у Якутъ напротивъ много оныя попадаются. И по тому думать надобно, что они издавна уже живутъ въ сихъ холодныхъ, болотистыхъ и гористыхъ мѣстахъ.

Нынѣ кочуетъ при нижней *Ямѣ* пять Юкагирскихъ колѣнъ, платящихъ подушный окладъ за 287 душъ въ *Устьямское Зимовье*, которое отстоитъ отъ Якуцка на 1184 версты къ Сѣверу. При нижней *Индигиркѣ* и *Алазеѣ*, вышедшихъ изъ Ледовитаго моря рѣкахъ, около *Удядинскаго Зимовья* кочуютъ четыре поколѣнья, которыя приписаны къ *Алазейскому Зимовью*, отстоящему отъ Якуцка на 1369 верстъ въ Сѣверосѣверновосточную сторону. При нижней *Колымѣ* живетъ 20 колѣнъ, изъ коихъ семь называются Юкагирами и состоятъ изъ 677 душъ. Они отдаютъ подушной окладъ въ зимовьяхъ при Колымѣ, изъ коихъ нижнее лежитъ въ 1914 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверовосточную сторону во 100 верстахъ выше устья Колымы, впадающей въ Ледовитое море. Весь народъ платитъ подать за 964 души. Но ихъ въ пустыняхъ такъ трудно отыскивать, что число неперечисланныхъ мужчинъ, также женъ и дѣтей, по крайней мѣрѣ въ четверо превозходитъ, въ отношеніи ко всему народу, помянутое количество.

Въ разсужденіи *вѣда* и употребительныхъ у нихъ обрядовъ походятъ они на *Якутъ*, въ житіи же сходствуютъ съ *Семоядью*. *Одѣяніе* ихъ такимъ же образомъ составлено. Въ языкѣ ихъ много Якутскихъ словъ, но отнюдь не столько, чтобы можно было почесть его Якутскимъ нарѣчіемъ; ни они Якутъ, ни сіи ихъ никакъ не разумѣютъ. Идолослуженіе ихъ сходствуетъ съ Якутскимъ. Они кажутся быть особымъ и отдѣленныхъ народомъ еще и по тому, что живутъ совсемъ отщетясь и не имѣя ни какого обращенія съ другими народами.

Они *кочуютъ*, какъ и Якуты, въ юртахъ, и заимствуютъ себѣ пропитаніе отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли и содержанія оленей. Нѣкоторое поколѣніе, которое Коряки называютъ *Антялами*, имѣетъ, какъ слышно, вспошь пѣгихъ оленей. *Вѣстъ* у нихъ такія же, какъ и у Якутъ.

Они *любятъ* больше, нежели другіе Сѣверные жители, *упоеніе* и бреженіе, и употребляютъ на такой конецъ *табакъ* да *мухоморы*, по примѣру другихъ Сѣверныхъ Сибиряковъ. Они ѣдятъ не только отъ одного до четырехъ мухоморовъ, но и, какъ повѣствуетъ *Стеллеръ*, почитаютъ и мочу упившихся къ произведенію таковаго же дѣйствія способною: по чему оную и сберегаютъ. Отъ употребленія мухоморовъ не примѣтно сильнаго въ крови волненія: но въ нервахъ производятъ они столь великое дѣйствіе, что нѣкоторые во время бреженія безпрестанно трясутся. Какъ Юкагирскіе, такъ и Тунгузоламутскіе Шаманы принимаютъ всегда передъ своимъ упоеніемъ по доброму глотку таковой мочи. Въ прочемъ бываютъ такіе упійцы на старости глупы. Во время упоенія думаютъ про себя, что они люди большіе, толстые и богатые; иные поютъ также лежа на спинѣ красивыя пѣсни о любви или звѣриномъ промыслѣ; другіе мелютъ пустошь о будущемъ, и такъ далѣе. Будучи въ наивеличайшемъ упоеніи кричатъ и шумятъ, пока не уснутъ. Инымъ совсемъ не можно употреблять мухоморовъ, по тому, что послѣ оныхъ сами на себя остервеняются. Таковое дѣйствіе производятъ они, какъ слышно, и всегда, когда кто въ упоеніи коснется женскаго пола; по чему трезвые и отвращаютъ отъ того упоенныхъ.

КАМЧАДАЛЫ.

Полуостровъ *Камчатку* составляетъ каменистый и безплодный хребетъ горъ, простирающїйся отъ матерой земли Коряковъ между Восточнымъ моремъ, также Пенжинскимъ морскимъ заливомъ и Охоцкимъ моремъ въ Южной сторонѣ, на Западъ, и въ кряжѣ Курильскихъ Острововъ на многихъ мѣстахъ моря до самой Японїи продолжается. Сїя земля, находящаяся между 51 и 62 степенемъ Сѣверной широты, не столько по Сѣверному, сколько по Восточному своему положенїю, которое по новѣйшей картѣ находится подъ 174 степенемъ, и по причинѣ каменистой подошвы, холодныхъ ключей, недостатка въ плодородной землѣ, и дѣйствїя стужи особливо лѣтомъ, крайне неспособна ни для хлѣбопашества, ни для скотоводства; она едва можетъ быть обитаема привыкшими къ Европейскому житїю людьми, и по справедливости почитается наисуровѣйшимъ мѣстомъ обширной Россїйской Имперїи. Небольшое число Россїйскихъ усадьбъ на семъ полуостровѣ составляютъ остроги; да и тѣ разсѣяны, смотря по тому, какъ требуетъ того надзиранїе за Камчадалами, ссылочными людьми и торгами, и стоятъ казнѣ не дешево. При всемъ томъ суровыя сїи горы, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли искони коренныхъ жителей, а именно *Коряковъ* въ Сѣверной сторонѣ къ матерой землѣ, и *Камчадаловъ*, живущихъ на лежащемъ ближе къ Югу полуостровѣ. О Корякахъ буду говорить послѣ, а теперь опишу Камчадаловъ.

Камчадалы называются сами *Ительменнами*, т. е. *жителями*. Полуостровъ ихъ названъ Камчаткою по рѣкѣ *Камчаткѣ*, находящейся въ Западной его сторонѣ, а сїя получила наименованїе свое конечно отъ прозванїя храбраго Ительмена *Кончата*, жившаго при оной.

Произхож-

Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ.
Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
Un Kamtchadale en habit d'hiver.

Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ.
Ein Kamtschadal im Winter-Kleide.
Un Kamtchadale en habit d'hiver.

Камчадалка въ простомъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
Une Kamtchadale en habit ordinaire.

Камчадалка въ простомъ платьѣ.
Eine Kamtschadalische Frau in gewöhnlicher Kleidung.
Une Kamtchadale en habit ordinaire.

Произхожденіе ихъ по недостатку въ бытейственныхъ сведеніяхъ и по причинѣ собственнаго ихъ незнанія въ разсужденіи бывшихъ прежде съ ними перемѣнъ, сомнительно. По языку, виду и житію кажутся они особливымъ, съ нѣкоторыми жителями ихъ морей единоплеменнымъ народомъ. Кромѣ Коряковъ, нѣкоторыхъ островскихъ жителей, а нынѣ и Россіянъ, не извѣстны имъ ни какіе другіе народы. Домашнія ихъ надобности совсемъ отмѣнны отъ скарбу другихъ народовъ, и толико просты, колико не велики собственныя ихъ нужды, подавшія имъ поводъ къ изобрѣтенію оныхъ. Не меньше отмѣнно и самое ихъ житіе. Все сіе свидѣтельствуетъ, что они искони владѣютъ своими мѣстами.

Они *раздѣляются* и *называются* по рѣчкамъ, при которыхъ живутъ, и отъ коихъ рѣдко переселяются къ другимъ. Ради удобности въ собираніи подати и смотрѣніи за ними приписаны они къ разнымъ острогамъ. Къ *Большерецкому острогу* принадлежало въ 1760 году 1196 записныхъ душъ, которыя живутъ въ 22 острожкахъ. Къ Верхнему и *Нижнему Камчатскому острогу* причислено 25 острожковъ, а душъ 938; къ *Тагильскому же острогу* 26 острожковъ, а душъ 940. Ежели въ разсужденіи неточнаго счисленія, также женщинъ и дѣтей, положить число душъ противу вышеписаннаго въ трое или въ четверо; то количество народа будетъ при всемъ томъ для толико обширной страны весьма малое, и тѣмъ паче, что въ разсужденіи ближайшихъ къ Сѣверу остроговъ положены въ счетъ и принадлежащіе къ нимъ Коряки. При томъ же и оспа въ 1768 и 69 годахъ, слѣдовательно нѣсколькими лѣтами позже переписи, великое ихъ множество переморила.

Камчадалы обыкновенно *росту малаго*, широкоплечи, головасты; лицо у нихъ продолговатое и нѣсколько плоское, носъ низменный, глаза маленькіе, губы тонки, ноги коротки, бороды не велики. Они весьма нечувствительны ко всякимъ перемѣнамъ погоды и жизни; на ногахъ же крѣпки и ходятъ скоро. У женщинъ въ лицѣ кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черныя, руки и ноги тонкія; да они и вообще статны.

Народъ сей имѣетъ *воображеніе проницательное* и память добрую, да при томъ чрезвычайную склонность и способность къ подражанію. Пѣсни ихъ и сказки преисполнены остроумными и забавными вымыслами. Что бы ни увидѣли, все поддѣлаютъ, и умѣютъ наипаче передразнивать иностранцовъ въ разсужденіи рѣчей и помаваній. Прародительскіе обычаи не строго наблюдаютъ; но какъ они никогда почти не разсуждаютъ, отъ содѣланныхъ прежде злодѣяній ни кемъ не предостерегаются, не думаютъ ни мало о слѣдствіяхъ или предбудущемъ, и такъ далѣе, то больше послѣдуютъ худымъ, нежели добрымъ примѣрамъ, и развращаются. Они чрезвычайно любопытны: по чему сны и толкованія оныхъ много дѣлаютъ имъ хлопотъ. Главная ихъ страсть похоть и веселость, которой рѣдко не сотовариществуетъ безпечность и безпристрастіе къ прочимъ приятностямъ житейскимъ, да и къ самой жизни. Бѣдность ихъ не тревожитъ; на звѣриной промыселъ ходятъ для утоленія единственно голоду, и при томъ удаляются отъ хижинъ своихъ не далѣе, какъ на такое пространство, чтобы можно было возвратиться къ бабамъ ночевать. Не нѣжность вкуса, но изобиліе въ пищѣ и хмѣль напитковъ, ихъ прельщаетъ. Они завидуютъ блаженству своихъ предковъ, которые жили въ такія времена, что бродили въ хижинахъ по самыя ладышки въ помояхъ, а нынѣ де и подошва едва подмокнетъ. Въ похоти скоту подобны; и по тому мужчины, во преки обыкновенію Восточныхъ народовъ, добровольно рабολѣпствуютъ женамъ. Похотливое сонтіе съ мальчиками производатъ почти явно. Не меньше любострастенъ и женскій полъ, который полюбовниками своими не только хвалится и допущаетъ иностранцовъ награждать себя за всѣ услуги удовлетвореніемъ ихъ похоти, но и употребляетъ неестественныя угожденія страсти. *Стеллеръ*, жившій долго въ Камчаткѣ, почитаетъ причиною таковой ихъ неутолимой похоти ежедневное ядение почти гнилой рыбы, икры, сала, разныхъ родовъ луку, и сверьхъ того праздность.

О *чести* и *стыдѣ* не опредѣленныя имѣютъ они понятія: и по тому отъ суровыхъ поступокъ больше, нежели отъ ласковыхъ, становятся вѣжливѣе, услужливѣе и меньше плутоваты. *Одна похоть да роздолье въ житіи* возбуждаютъ въ нихъ зависть: и по тому крадутъ токмо женъ да собакъ: но за таковыя покражи бывали между ими прежде не рѣдко и войны. Они крайне *болтливы*, мстятъ только сокровенно, и приходятъ въ отчаяніе и отъ самой малой опасности; не уповая на грядущую жизнь, бываютъ склонны отвращать зло настоящее, хотя въ прочемъ и суемысленное, самоубійствомъ. Не только осужденные на казнь, но и негодующіе, предпочитаютъ смерть горестной жизни или сопряженному съ казнію болѣзнованію. Устарѣлые и изувѣченные Камчадалы еще склоннѣе, нежели древніе Сѣверные народы, которые стариковъ своихъ побивали, поднимать на самихъ себя руки. Болѣзненныхъ страданій сносить не могутъ. Когда родятся близнецы, то охотно одного изъ нихъ убиваютъ. То же дѣлаютъ и съ уродами. Беременныя женщины, которыя много имѣютъ дѣтей, или чувствуютъ себѣ отъ нихъ помѣху въ неистовой своей страсти, изводятъ ихъ умышленно, и такъ далѣе. Смерть же, хотя и мучительную сносятъ злодѣи и больные весьма спокойно.

У Камчадалъ нѣтъ ни грамоти, ни заручительныхъ знаковъ, ни ученія, ниже иныхъ какихъ знаній, кромѣ тѣхъ, къ какимъ руководствуютъ необширныя ихъ дѣла и природа. Они имѣютъ собственной *языкъ*, котораго корень походитъ на отрасль Монгольскаго языка, и которому трудно учиться по тому наипаче, что они названія вещей внѣ области ихъ находящихся не заимствуютъ изъ другихъ языковъ, но сами выдумываютъ, сообразуясь природѣ или обстоятельствамъ, по которымъ они имъ попадаются. Они такъ, какъ и мы, *считаютъ* до десяти, а по томъ повторяютъ. По большой части и на первомъ десяткѣ берутъ уже на помощь пальцы. Неизчислимость изъявляютъ они чрезъ сжиманіе пальцовъ, или тѣмъ, что хватаются за волосы.

Лѣтній

Лѣтній годъ состоитъ изъ лѣтняго и зимняго годовъ, которые они раздѣляютъ по луннымъ теченіямъ (Тава), а сіи называютъ по естественнымъ явленіямъ, какъ и п. *кокушкинъ мѣсяцъ* (Конкуачъ), когда начинаетъ кричать кокушка, и такъ далѣе. Дней не считаютъ. Годы числятъ по новѣйшимъ и важнымъ для нихъ приключеніямъ, какъ то по бывшимъ мятежамъ, по свирѣпствованію оспы, и такъ далѣе.

Союзъ наблюдаютъ между собою *по семьямъ*. Всякое семейство живетъ въ особомъ острожкѣ при какомъ ни будь ручьѣ или рѣчкѣ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ. Молодые поселяются въ тѣхъ острожкахъ, гдѣ женятся. Большой острожокъ раздѣляется на части, но все при томъ же ручьѣ или рѣчкѣ. Старѣйшій или коренный острожокъ пользуется нѣкоторыми преимуществами по тому, что въ немъ жилъ сынъ родоначальника Камчадаловъ и божества ихъ *Кутки*. Старшинѣ острожка оказывается нѣкоторое, однакожъ малое, повиновеніе. Они наказываютъ только воровъ да убійцъ, первыхъ тѣмъ, что прижигаютъ у нихъ пальцы, по чему ихъ признаютъ и презираютъ; послѣднихъ же выдаютъ обиженнымъ, которые часто поступаютъ съ ними жестоко.

Въ прежнія времена бывала часто между нѣсколькими острожками, наипаче изъ похищенія женъ, *междоусобная брань*, по случаю которой произошли небольшіе владѣльцы (Тоюнъ), которые прошивниковъ побивали, а женъ, собакъ и имѣніе брали себѣ въ добычу. А особливо воевали они часто Коряковъ, и иногда выигрывали, а иногда и сами побѣждаемы были. Они никогда не осмѣливались завѣдомо вступить съ непріятелями своими въ сраженіе, но такъ, какъ во время мятежей бываетъ, нападали на нихъ нечаянно въ ихъ жилищахъ или выманивали ихъ изъ выгодныхъ мѣстъ. Въ острожкѣ, на которой бывало такое нападеніе, кололи иногда мужья своихъ женъ, а потомъ боясь горшей участи, и самихъ себя. Собственныя ихъ *оружія* суть *лукъ*, *стрѣлы* и *копья* съ завостреными костьми, да сверьхъ того дубины.

Нынѣшнее

Нынѣшнее ихъ *устроеніе*, которое таковыхъ междоусобныхъ браней не терпитъ, такое же, какъ и у большой половины прочихъ Сибирскихъ народовъ. Они состоятъ подъ смотрѣніемъ Россійскихъ начальниковъ, и даютъ заложниковъ или аманатовъ. *Подать* ихъ состоитъ въ одномъ соболѣ съ души, въ мѣсто котораго принимаютъ отъ нихъ такъ же въ казну и другую мягкую рухлядь, либо и сладкую траву, инако Сибирскимъ борщомъ (*) называемую для куренія вина.

Они живали всегда такъ, какъ и нынѣ, въ *одномѣстныхъ селитьбахъ*, которыя укрѣпляли прежде земляными или каменными стѣнами, либо палисадами: по чему и названы оныя отъ Россіянъ острожками; да и нынѣ такъ же называются, хотя укрѣплять и запрещено. Остатковъ прежнихъ деревень такое у нихъ множество, что должно думать, что Камчадалы были прежде нѣсколько кратъ многолюднѣе нынѣшняго. Всякій хозяинъ обще съ домочадцами своими имѣетъ по одной зимней и лѣтней юртѣ. *Зимнія хижины* вырываются подобно четвероугольнику въ землѣ, глубиною отъ 3 до 5 футовъ, обносятся палисадами и имѣютъ плоскія стропилы, покрываемыя хворостомъ, сѣномъ и землею. Входомъ служитъ отверстіе, сквозь которое по подрубленному ступенчато бревну въ низъ опускаются и въ верьхъ вылѣзаютъ, и которое такъ, какъ и другое насупротивъ сего отверстіе для выходу дыму и проходу воздуха, служитъ и вмѣсто окна. *Лѣтнія хижины* (Пемъ) объ нѣсколькихъ углахъ или круглы, и подобно нашимъ голубятнямъ стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ, вышиною отъ земли сажени на двѣ. Столбы нѣсколько одинъ къ другому понаклонились, по чему хижина подобна видомъ кеглю. Стѣны и потолокъ деревянныя; кроютъ же длинною травою. По єлику хижины не велики, то стоятъ по нѣскольку рядомъ и соединены между собою доскою, служащею въ мѣсто перехода. Вѣтръ по большой части шатаетъ ихъ не мало. Подъ таковыми же хижинами, которыя по причинѣ топкой земли нужны, привязываются собаки.

(*) Heracleum Sibiricum. L.

Хозяйство у нихъ чрезвычайно бѣдное. Въ зимнихъ хижинахъ отдѣлены спальныя мѣста жердями. Въ мѣсто постели служитъ сдѣланная изъ травы рогожа. *Лодки* ихъ (Коачтата) и ладьи (Байдара) устроены изъ дерева и рыбьей кости. *Собачьи санки* такъ, какъ у Остяковъ и Тунгузъ, узки, длинны, легки съ подобнымъ ящику коробомъ. *Лыжи* ихъ такія же, какъ и другихъ Сѣверныхъ обывателей. *Мѣшки* дѣлаютъ изъ кишокъ большихъ морскихъ звѣрей; а *сосуды* изъ дерева и бересты. Въ старыя времена точили они себѣ топоры и ножи изъ камней, въ мѣсто иголокъ употребляли рыбные кости, и такъ далѣе. Нынѣ же имѣютъ порядочные котлы, топоры, ножи, иные лакированные Японскіе либо и крушцовые сосуды, булавки и сему подобное.

Стряпущія, да *погреба* ведутся у нихъ больше по старинному обыкновенію. Они по примѣру Тунгузъ и другихъ язычниковъ, ѣдятъ всякихъ звѣрей, птицъ и рыбъ: однакожъ не только ящерицъ и проч. но такъ же собакъ и мышей ѣсть не любятъ. Мертвые киты, тюлени и другіе морскіе звѣри кажутся имъ отмѣнно вкусны. Дикое коренье и всякіе плоды употребляютъ такъ, какъ и нѣкоторыя травы не только лѣтомъ, но и зимою въ пищу. Рыбу, мясо и коренье сушатъ на солнцѣ въ прокъ на зиму. По елику у нихъ нѣтъ скотоводства, то они не столько, какъ скотоводствующіе народы, имѣютъ и поводу ѣсть падальщину. Приуготовленіе пищи странное и мерзкое. Весною ѣдятъ внутреннюю березовую и ивовую кору, которую изрубивши мѣшаютъ съ икрою. Калъ ихъ походитъ въ сіе время на гущу кожевеннаго квасу. *Солега* варится изъ дикихъ плодовъ, коренья и сладкой травы, вмѣстѣ съ саломъ или жиромъ. *Іокала* есть не иное что, какъ сушеныя на солнцѣ рыбьи спинки, которыя не варя ѣдятъ. *Икру* сушатъ на солнцѣ же въ прокъ. *Чуприками* называютъ они крѣпко копченыя и почти прожареныя, а *Гурготами* такія рыбы, которыя въ вырытыхъ въ землѣ ямахъ перегнили такъ, что ихъ оттуда черпаютъ. Они воняютъ чрезвычайно, но при всемъ томъ Камчадальскому вкусу не противны. *Соль* мало у нихъ употребляется, а хлѣбъ и вовсе имъ незнакомъ.

Обыкновенное ихъ *питье* чистая вода, весною березовый сокъ, а лучшее уваръ изъ полушечной травы или луговаго чаю, мяса и рыбьей шелухи. Для *упоенія*, которое мужчины крайне любятъ, женщины же напротивъ того жалуютъ трезвыя увеселенія и иногда не упиваются, употребляли прежде одни только *мухоморы*, о которыхъ упомянуто такъ же при описаніи Остяковъ и Юкагиръ, и которыя пьютъ Камчадалы съ уваромъ изъ листочковъ помянутаго луговаго чаю. Нынѣ же курятъ на такой конецъ *табакъ* и достаютъ отъ Козаковъ выдуманное ими вино изъ сладкой травы и раздавленныхъ плодовъ куреное.

Старинное *одѣяніе* обоихъ половъ во многомъ отмѣнно отъ нынѣшняго, по тому что они къ собственной своей одежѣ присовокупили много чужаго. *Камчадалъ одѣтый по прародительски* ходитъ въ хижинѣ, (а прежде ходили они такъ же лѣтомъ на звѣриной и рыбной промыселъ) препоясавшись кожанымъ нарядно вышитымъ поясомъ, безъ штановъ; въ переди виситъ сумка, а назади кожаной запонъ, по голому тѣлу; слѣдовательно онъ почти нагой. Нынѣ же носятъ они подъ поясомъ рубахи. *Штановъ* надѣваютъ теперь по двое, которыя шьются по кости и завязываются подъ колѣнками; нижнія или такъ сказать портки дѣлаются изъ выдѣланной кожи, а верьхнія, кои достаютъ до самыхъ пятъ, изъ мягкой рухляди, которую волосомъ пускаютъ къ верьху. Ноги обвертывали они прежде травою, или носили и сапоги на голой ногѣ; нынѣ же есть у нѣкоторыхъ и чулки. *Обувь* дѣлаютъ изъ тюленныхъ либо и оленьихъ кожъ, пуская шерстью на ружу, или изъ рыбьихъ шкуръ; праздничную же изъ разныхъ кожаныхъ лоскутковъ и крашеной гладкой кожи составляютъ и красиво строчатъ: та и другая привязывается около ладыжекъ. *Верьхнее одѣяніе* состоитъ въ двояхихъ шубахъ, которыя они прежде носили на голомъ тѣлѣ, нынѣ же надѣваютъ подъ нихъ рубахи изъ холста, китайки, камки или шелковой матеріи: всѣ сіи товары покупаютъ у Россіянъ. *У нижнихъ шубъ*, которыя они почти одни только надѣваютъ, и кои называются у нихъ *парками*, есть въ верьху такой точно, какой бываетъ у рубахъ, воротъ, сквозь который едва проходитъ голова. Рукава и полы по колѣна. Шу-

бы сїи дѣлаются изъ оленьихъ или тюленьихъ кожъ, выкрашенныхъ съ нутреной или закожной стороны ольховою корою въ темной цвѣтъ; въ подолѣ разпещрены по Тунгузскому обыкновенію красивымъ шитьемъ и обложены не только бахрамою, но и долгими волосяными пучками. Они носятъ ихъ на обѣ стороны, однакожъ больше волосомъ къ тѣлу. *Верьхняя шуба* (Кукланка) подобна такъ же рубахѣ, токмо разпашная въ верьху и въ низу; дѣлается же изъ оленьихъ, а больше изъ собачьихъ кожъ. Она полнѣе нижней шубы или *Парки*, и достаетъ до самыхъ ладыжекъ. Около воротника видна косматая собачья шерсть, и такъ же, какъ въ подолѣ и около рукавовъ, широкой оторочкой или вичурами разпещренной, всегда бахрамою обшитой рубецъ, да сверьхъ того во многихъ мѣстахъ прикрѣпленные волосяные пучки, дабы тѣмъ страннѣе казалась шуба ихъ взору. На зади виситъ теплая сумка, для надѣванія, по примѣру Остяковъ, на голову. Въ переди же держится лоскутъ собачьей кожи, которымъ покрываютъ ночью лице. Все вообще кожаное обращаютъ шерстью на ружу. Голову покрывали въ прежнія времена зимою *шапкою* изъ птичьихъ перьевъ или изъ мягкой рухляди, либо ремнемъ, отъ котораго висѣли въ низъ лоскутья какого ни будь мѣху; а лѣтомъ *заслоночною шляпою* изъ дерева, коры или перьевъ, по примѣру Американцовъ на находящейся отъ Камчатки къ Востоку матерой землѣ. Нынѣ же носятъ многіе Рускія шапки.

Женщины ходятъ въ штанахъ, (а нынѣ сверьхъ того въ рубахахъ и чулкахъ) въ башмакахъ, сапагахъ, Паркахъ и Кукланкахъ, подобныхъ мужскимъ. У *Кукланокъ* ихъ виситъ на зади хвостъ. Они обыкновенно оторачиваютъ ихъ дорогою мягкою рухлядью и разпещряютъ красивыми вичурами; носятъ же на обѣ стороны. Рукавицъ и ночью не скидываютъ. *Дѣвки* заплетали прежде волосы, по примѣру Татарокъ, въ нѣсколько маленькихъ косъ, которыя кругомъ затылка висѣли; нынѣ же разчесавши волосы, заплетаютъ на затылкѣ въ одну косу, которую украшаютъ лентами, корольками и прочимъ, и носятъ головную повязку. *Бабы* заплетали такъ же волосы въ нѣсколько косъ, которыхъ концы сводили вмѣстѣ въ одну главную косу,

66.

Камчадалка въ хорошемъ платье.
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
Une Kamtchadale en habit de fete.

Камчадалка въ хорошемъ платье.
Eine Kamtschadalische Frau zierlich gekleidet.
Une Kamtchadale en habit de fête.

Камчадалка въ великолѣпномъ убранствѣ
Eine Kamtschadalin im größten Schmuck.
Une Kamtchadale dans sa plus grande parure.

Камчадалка въ великолѣпномъ убранствѣ.
Eine Kamtschadalin im grösten Schmuck.
Une Kamtchadale dans sa plus grande parure.

косу, и увеличивали сїю накладными волосами. Нынѣ же повязывают голову платкомъ, или надѣваютъ Руские кокошники. Около шеи носили въ старыя времена ремень съ разными брякушками, а нынѣ съ пронизками.

Теперь многїе, когда захотятъ пощеголять, наряжаются совсемъ по Руски, мужчины въ цвѣтные суконные кафтаны, кои нерѣдко бываютъ и съ пуговками, въ сапоги и проч; бабы же въ шелковыя рубахи съ манжетами, въ сарафаны, туфли, шелковые платки, и проч. Такой нарядъ стоитъ мужу и его семьѣ въ Камчаткѣ около 100 соболей или лисицъ. Въ старину никогда они не умывались; нынѣ же многїя женщины уже бѣлятся гнилымъ деревомъ и пережженою слюдою, и румянятся особою морскою травою и жиромъ.

Мужчины препровождаютъ большую часть времени въ безпечной и похотливой праздности. Въ прочемъ же *упражняются* въ звѣриной и рыбной ловлѣ, да сверьхъ того въ домашнихъ подѣлкахъ. *Звѣриный промыселъ*, который надѣлялъ ихъ соболями, лисицами и всякою дичью, становится отъ часу хуже; одному человѣку надобно прилежно потрудиться, чтобы промыслить въ зиму лисицъ до десяти, и такъ далѣе. Въ *рыбной ловлѣ*, при которой употребляютъ свои суденышки, неводы изъ кропивной пряжи и трехзубчатыя вилы, подобныя Тунгизскимъ, весьма они проворны, и умѣютъ пользоваться ходомъ рыбы. Они строятъ свои суденышки и хижины, дѣлаютъ сани и щепяную домашнюю посуду, рубятъ дрова, обдѣлываютъ луки и стрѣлы и вооружаютъ сїи послѣднїя желѣзцами отъ разбитыхъ чугунныхъ котловъ, которыя разковываютъ безъ помощи огня, рѣжутъ траву на рогожи, и варятъ во преки обыкновенїю другихъ народовъ, ѣствы. Другъ другу пособляютъ и служатся чемъ могутъ, не изъ прибыли, но по приязни. *Корякамъ промѣниваютъ* соболей, лисицъ, бѣлыя собачьи шкуры и сушеные *мухоморы* для упиванья, на оленьи и другїя кожи. Многїе нанимаются служить Россїйскимъ купцамъ и козакамъ въ морскихъ путешествїяхъ къ островамъ, и какъ

судовщики или корабельные служители, звѣриные промышленники и толмачи, становятся имъ весьма полезны.

Женщины выдѣлываютъ кожи, прядутъ крапивныя нитки, плетутъ рогожи и кузовы, сушатъ рыбу, дѣлаютъ рыбій клей, собираютъ коренье, ягоды и травы, а особливо Сибирской борщъ, и *проч. Кожи выдѣлываютъ* на чисто по большой части выскабливая мездру, намазывая саломъ и икрою, и выжимая руками. Оленную же замшу выдѣлываютъ въ ольховомъ щелоку и квасу. Они весьма искусны въ *шитьѣ* и строченьѣ платья звѣриными жилами или нитками; при чемъ употребляли сперва костяныя шилья, но томъ Японскія, нынѣ же Россійскія иглы. *Крапивная пряжа* употребляется только на неводы и канаты. *Клей рыбій* достаютъ съ киновыхъ и другихъ рыбьихъ шкуръ. Когда имѣетъ кто оленей, то смотрѣніе за ними, такъ какъ и кормленіе собакъ, препоручается женамъ же.

При всемъ ихъ подражаніи Россіянамъ, ведутся еще у нихъ многія и отъ части *странныя* обыкновенія, изъ коихъ нѣкоторыя относятся къ состоянію суровой ихъ страны. Они и теперь еще охотнѣе вытираютъ огонь изъ дерева, нежели высѣкаютъ посредствомъ булата, кремня и трупу. Что касается до способа ихъ вытирать огонь изъ дерева, то оный состоитъ въ томъ, что вертятъ они палочку промежъ ладоней въ небольшой дырочкѣ какого ни будь дерева до тѣхъ поръ, пока не загорится, и употребляютъ при томъ избитую траву въ мѣсто трупу. По слику *собаки* единственная ихъ дворовая скотина; то они почитаются у нихъ за велико и содержатся въ знатномъ количествѣ. Они кормятъ ихъ рыбьими костями, и остатками какъ отъ рыбъ, такъ и отъ дичи. Собаки ихъ велики, сильны и весьма на волковъ похожи. Кромѣ гоньбы, употребляютъ ихъ зимою и въ упряжку. Одна собака везетъ на себѣ около двухъ пудъ грузу. Въ сани впрягаютъ они обыкновенно отъ четырехъ до осьми собакъ попарно; гдѣ нѣтъ тропы, тамъ долженъ извощикъ итти въ передъ на лыжахъ. При подъемѣ на гору надобно ему и безъ того итти

ти пѣшкомъ; а подъ гору бѣгутъ собаки и сами такъ скоро, что едва можно усидѣть. Они переѣзжаютъ на таковыхъ своихъ бѣгунахъ безъ остановки часовъ въ пятнадцать больше 100 верстъ. Камчадалы спятъ на травяныхъ рогожахъ и шубахъ нагіе, и прикрываются одеждою. Во всемъ своемъ *поведеніи* крайне они неопрятны, и по едину лѣнивы и безпечны, то часто терпятъ великую нужду. Они не чистятъ и той посуды, изъ которой ѣли собаки. По большой части заводны они изрядно и вшами, которыхъ по Тунгузски глотаютъ. Почти всѣ запущаютъ ногти, и нечистотою какъ будто облѣплены. Прежде, нежели начали они покупать у Россіянъ котлы и чугунные горшки, не умѣли они иначе *варить себѣ пищу*, какъ токмо опуская каленые камни въ ушатъ наполненной рыбою или мясомъ. *Женщины вымываютъ* себѣ, кромѣ бѣлилъ и румянъ, *въ красоту* еще и то, когда облѣпятъ лицо верьхнею кожицею медвежьихъ кишокъ. Они иногда и занавѣшиваются, или по крайней мѣрѣ отворачиваютъ рожу отъ незнакомыхъ мужчинъ. Въ прежнія времена ѣли тогда, когда было вздумается, а нынѣ наблюдаютъ обѣдъ и ужинъ; всякую ѣству ѣдятъ холодную и тѣмъ предохраняютъ зубы свои отъ поврежденія. Всякъ беретъ часть свою на дощечкѣ передъ себя и управляетъ оную въ ротъ рукою. Они *дрожорливы*, да и *пьютъ* много. Всякъ ставитъ возлѣ ночлега своего сосудъ съ водою, которой по утру всегда бываетъ пустъ. Сколь ни бѣдны, однакожъ *гостямъ рады*: но при томъ поступаютъ странно. Хозяинъ крѣпко натапливаетъ зимнюю свою хижину и потчуетъ гостя худою своею ѣствою. Чемъ больше онъ плюетъ, тѣмъ прилежнѣе онъ ему подкладываетъ. По томъ всемъ, что бы у него ни нилось, поступается гостю. Но и то надобно сказать, что безъ нужды никто въ гости къ нимъ не заглядываетъ; при томъ же ходятъ съ гостинцами, и потъ, кто сего дня хозяинъ, будетъ скоро и самъ въ гостяхъ. У народа не купеческаго и обмѣномъ товаровъ не промышляющаго обыкновеніе сіе полезно. Понеже *убіеніе медвѣдя* почитается мужественнымъ и славнымъ дѣломъ, то потчуетъ герой гостей своихъ полосами изъ медвѣжьяго жиру вырѣзанными, отъ коихъ гости одинъ за другимъ кусаютъ по кусочку, и такъ далѣе.

Въ

Въ *обхожденіи* старается мужескій полъ понравиться женскому пламенною любовію, услужливостію и покорностію. Мужчины обходятся между собою холодно, безъ поклоновъ, здоровканья, подаванія рукъ, цѣлованья и безъ всякихъ другихъ вѣжливостей. Въ ссорѣ называютъ другъ друга собакою (Когта), сорвавшимся съ висѣлицы (Кодахчичъ), бѣсомъ (Кана), прелюбодѣемъ (Кайкчичъ); а особливо попрекаютъ другъ друга несовершеннымъ угожденіемъ похоти.

Забавы ихъ состоятъ въ ѣдѣ, питьѣ, пѣніи, играніи на дудкахъ изъ травяныхъ стволиковъ, плискѣ и сказкахъ. *Пѣніе* есть женская забава. Голосъ у нихъ изрядный, и поютъ обыкновенныя, а иногда и такія пѣсни, какія взбредутъ имъ на умъ. *Пляска* весьма сходна съ Остякскою, и не меньше смѣхотворна. Нѣкоторые переняли оную у Курильцовъ. Въ иныхъ плискахъ пляшутъ оба пола вмѣстѣ и притомъ поютъ. *Разсказы* же ихъ суть повѣствованія о бытіяхъ или сказки о божкахъ, богатыряхъ, звѣриныхъ промышленникахъ и предкахъ.

Женитьбы происходятъ безъ всякихъ торжественныхъ или законныхъ обрядовъ. Женитьба называется у нихъ поимкою невѣсты. Всякому невозбранно брать столькихъ женъ, сколько хочетъ; но какъ мужья у бабъ въ порабощеніи, то рѣдко кто посягаетъ больше, нежели на одну жену. Любовникъ оказывается въ хижинѣ невѣстиныхъ родителей весьма услужливымъ; но услуги его, когда онъ не полюбится, не принимаются. Потомъ унаравливаетъ онъ случай поймать невѣсту, то есть, положить ошейкой свой уборъ въ ея штаны; при чемъ получаетъ отъ защищающихъ ее бабъ добрые толчки. Съ сего самаго времени начинаютъ они безъ всякой свадьбы жить вмѣстѣ, и остаются въ хижинѣ невѣстиныхъ родителей. Такое качество молодыхъ женщинъ, по какому Калмычки у Киргизцовъ предпочитаются, столько же не нравится Камчадаламъ, какъ, по Уллоеву повѣствованію, Бразильцамъ и другимъ Американцамъ, да и самимъ Ѳракіянамъ, какъ пишетъ Иродотъ. И потому дѣвки обходятся съ Рускими людьми безъ всякой укоризны такъ ласково, что въ прежнія времена бывало у иного

Козака

Шаманъ Камчатской.
Ein Schamann in Kamtschatka.
Devin de Kamtchatka.

Шаманъ Камчатской.
Ein Schamann in Kamtschatka.
Devin de Kamtchatka.

Козака и по цѣлой серали. Для вдовы до тѣхъ поръ не сыскивается новый мужъ, пока она чрезъ соитiе съ мужчиною не очистится отъ грѣха; и какъ при томъ Камчадалы боятся, чтобы чрезъ то не умереть подобно первому мужу, то Козаки обыкновенно очищаютъ таковыхъ вдовъ отъ мнимаго грѣха. Женатые мужчины и замужнiя бабы живутъ правда весьма неспокойно: однакожъ при всемъ томъ терзаются ревнивостiю, убиваютъ или отравляютъ другъ друга, и такъ далѣе. Разумнѣйшiе промѣниваютъ своихъ женъ, когда они посторонимъ дружкамъ милѣе, нежели имъ. По единому они въ упоенiи похоти подобны скоту; то, кромѣ родителей и дѣтей, ни какихъ родственниковъ не щадятъ.

Многiя *женьщины ненавидятъ беременность*: но иныя и дѣтей желаютъ нетерпѣлио, и въ такомъ намѣренiи прибѣгаютъ къ суевѣрнымъ средствамъ, глотаютъ паутину или заставляютъ волшебницъ дѣлать свои хитрости и колдовства; сiе произходитъ торжественно и какъ будто замѣняетъ свадьбу. Въ прочемъ Камчадалки нарочито *плодородны* и родятъ дѣтей до десяти; да притомъ и роды имъ легкiя. *Имена* даютъ дѣтямъ прихожiе приятели. Употребительныя же названiя суть: *Коско*, *Пакангуръ*, *Алгана* и проч. Къ дѣтямъ оказываютъ безумную любовь и во всемъ потачку: по чему они родителей своихъ не только не почитаютъ, но и сурово съ ними поступаютъ.

Они по большой части *здоровы* и бодры: но многiе изувѣчиваютъ себя, когда сорвутся съ горы, опрокинутся съ собачьими санями, и отъ многихъ другихъ нещастныхъ приключенiй. *Болѣзни* имъ крайне противны, и по тому за больными худо смотрятъ. Обыкновенныя же ихъ болѣзни суть: цынга, отъ которой ѣдятъ свѣжiя ягоды и сырыя рыбы, кровавые вереды, французская немочь, которая была у нихъ еще до прибытiя Руских людей, параличь, ракъ, желчь, и гноенiе глазъ отъ смотрѣнiя на снѣжную бѣлизну. Въ прежнiя времена *прививали* они дѣтямъ *оспу* такимъ образомъ, что дѣлали имъ на лицѣ царапину обмоченною въ оспенной гной рыбьею костью.

Но какъ у нихъ долго не бывало оспы, то перевелось и сїе обыкновенїе. Въ 1768 году занесена она къ нимъ паки давно уже выздоровѣвшимъ отъ сей болѣзни Козакомъ: и тогда примерло отъ оной почти двѣ трети всѣхъ вообще Камчадалъ.

Когда бывало *умретъ* кто въ хижинѣ, то покидали оную, боясь, что судїя преисподней прїйдетъ въ оную, и кого ни увидитъ, всѣмъ тѣмъ надобно умереть. По причинѣ же трудности, состроить новую хижину, безъ топоровъ и прочаго, выносили они больныхъ на дворъ. Нынѣ обыкновенїе сїе не столь уже общее: однакожъ они не охотно живутъ въ такой хижинѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Въ прежнїя времена съѣдаемы были умершїе внѣ юрты собаками; но теперь сїе рѣже случается, по тому, что почти всѣхъ покойниковъ загребаютъ въ землю, а дѣтей кладутъ въ дуплистыя дерева. Могильники пролѣзаютъ дважды, дабы возпрепятствовать смерти въ ея преслѣдованїи, сквозь выщепленной кругъ, и взявъ двѣ птицы, какїя бы ни были, одну сожигаютъ, а другую ѣдятъ. Потомъ поминая покойника съѣдаютъ одну рыбу, а перышки сожигаютъ.

Древнїй и собственный ихъ *законъ Шаманскїй*, а идолослуженїе ихъ подобно наиболѣе Якутскому. Высочайшаго Бога называютъ они *Дустаехтичъомъ* или *Кутхою*, сатану *Канною*, идоловъ, которые стоятъ въ хижинахъ супротивъ отдушинъ и не иное что суть, какъ *деревянныя куклы*, Нузаучами и *Камулами*, а волшебниковъ *Гуйслагасами*.

По причинѣ небольшаго къ собственной своей неправой вѣрѣ уваженїя, а къ высочайшему Существу почтенїя, такъ какъ и по склонности къ подражанїю, мало по малу большая ихъ половина обращена къ Христїанскому закону. Но они столь же легкомысленные Христїане, каковы были и язычники, не любятъ и не боятся Бога, шутятъ провидѣнїемъ или вышнимъ промысломъ и въ желанїяхъ своихъ нарочито затѣйны. Царствїя же небеснаго, какъ такого обиталища, кое не обѣщаетъ удовлетворенїя ни одному ихъ желанїю, не ставятъ они и подавну ни во что.

Корякъ.
Ein Koräke.
Korèk.

Корякъ.
Ein Koräke.
Korèk.

КОРЯКИ.

Коряки называются и сами симъ именемъ. Таковое ихъ названіе происходитъ конечно отъ слова *Кора*, которое на ихъ языкѣ значитъ оленя. Они *живутъ* и кочуютъ около склонившейся наиболше на Сѣверъ части *Пенжинскаго* морскаго залива, да и въ самой Сѣвернѣйшей Камчаткѣ, до самаго Анадыра, на Западѣ отъ Оломоны рѣки, вышедшей изъ Колымы, до Восточнаго моря, обще и въ смежности съ Камчадалами, Тунгузами, Ламутами и Чукчами, въ крайне суровыхъ, болотныхъ, гористыхъ, отъ части и безлѣсныхъ пустыняхъ.

Бывшія съ сими дикими людьми до Россійскаго завоеванія *произшествія* остаются въ совершенномъ невѣденіи, по елику у нихъ нѣтъ ни грамати, ниже инаго какого ученія. Самое то обстоятельство, что они въ бывшихъ съ Южными ихъ сосѣдями перемѣнахъ не имѣли участія, а еще больше великое ихъ сходство со многими Островскими Восточнаго моря жителями и ближайшими Американцами и по ту сторону пролива морскаго, подаетъ поводъ думать, что они такъ, какъ и Чукчи и по таковымъ же причинамъ, владѣютъ искони своими берегами. Статься можетъ, что всѣ сіи народы суть больше ни что, какъ Американскіе поселяна, либо что они при прорывѣ моря и при произхожденіи островов отъ оныхъ отдѣлены: но для точнѣйшаго подтвержденія сей догадки требуются бытійственныя извѣстія и обстоятельнѣйшія свѣденія о народахъ по ту сторону морскаго пролива, каковыхъ однакожъ по сіе время имѣемъ мы еще мало, да и надѣяться вскорѣ на полученіе оныхъ дальней надежды не имѣемъ.

Корякскій языкъ имѣетъ съ языкомъ *Чукчъ* и нѣкоторыхъ островскихъ жителей столь много общаго, но при томъ такъ же отмѣннаго и собственнаго столько, что съ равною справедливостію можно его почитать и нарѣчіемъ онаго, и совсемъ осо-

бымъ языкомъ. Слова протяжны, но выговариваются коротко, и произношеніе оныхъ слуху противно. *Время* раздѣляютъ только по годовымъ перемѣнамъ, не уважая при томъ лунныхъ теченій.

Росту они *малого*; голова и глаза у нихъ небольшія, лицо круглое и сухощавое, носъ короткой, а ротъ большой. Волосы какъ на головѣ, такъ и на бородѣ черны, и при томъ на сей послѣдней жидки; брови навислыя. *Умъ* у нихъ коснительной и тупой; въ прочемъ же гордятся своею землею и устроеніемъ, смѣлы, недовѣрчивы и мстительны. Въ дѣлахъ они рачительны, искренны, дружны и начальникамъ вѣрны.

До покоренія ихъ Россіи не знавали они, что то есть *верьховный начальникъ* или Государь; одно только богатство служило основаніемъ преимуществу. Нынѣ же есть у нихъ такія, какъ и у другихъ Сибирскихъ народовъ *учрежденія* и *распоряженія*; платятъ *подушной окладъ* мягкою рухлядью, и такъ далѣе. Однакожъ они не столько, какъ описанные по сіе время народы, подчинены властямъ, и сіе справедливо наибольше въ разсужденіи кочующихъ Коряковъ: по чему они не точно переписываются и въ подушной окладъ вносятся. Сколько же видно по таковымъ переписямъ, что они числомъ душъ равняются съ Комчадалами.

Они *раздѣляются*, примѣняясь къ тому, какъ живутъ, на *усадебныхъ* и на *кочевыхъ*. Тѣ и другіе числомъ между собою почти равны, говорятъ разными нарѣчіями, и поступаютъ одни съ другими рѣдко по братски, а иногда и прямо по непріятельски.

Усадебные, которые кочевыхъ далеко превосходятъ кротостію нравовъ, владѣютъ склонившимися больше на Югъ мѣстами своея области около Пенжинского залива, а отъ части и въ самой Камчаткѣ. *Хижины* ихъ совершенно подобны Камчадальскимъ, все же прочіе ихъ распорядки по большой части такіе же, какъ и у Камчадалъ. *Одѣяніе* ихъ малымъ чѣмъ отмѣнно

жѣнно отъ настоящаго Камчадальскаго. Но *женщины Корякскія* вышиваютъ у себя на лицѣ по примѣру Тунгузокъ линеи и фигуры. *Пища* и приготовленіе оной такое же, какъ и у Камчадалъ, и при томъ ни мало не чище.

Главное ихъ упражненіе состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ, и какъ тотъ, такъ и другой промыселъ, а особливо первой, производятъ съ большимъ раченіемъ, нежели Камчадалы, да и ѣствы варятъ не мужчины, какъ то дѣлаютъ Камчадалы, но бабы. Остальную добрую *мягкую рухлядь* промѣниваютъ они кочевымъ Корякамъ на оленьи кожи, изъ коихъ шьютъ одѣяніе. Каждая семья имѣетъ обыкновенно по нѣскольку, однакожъ не больше *оленей*, какъ сколько надобно имъ для путешествій. *Женскій полъ* шьетъ одѣяніе, выдѣлываетъ кожи, варитъ и сушитъ съѣстное, и такъ далѣе, по Камчадальскому обыкновенію.

Въ обхожденіи они угрюмы, однакожъ дружны, всякаго охотно принимаютъ и угощаютъ наилучшимъ, что въ домѣ случится, но ни кого, по примѣру Камчадалъ, не принуждаютъ къ неумѣренному себя отягощенію. Въ *хижинахъ* ихъ чрезвычайно жарко, и по тому бабы ходятъ въ нихъ нагишомъ. Зимою ѣздятъ по примѣру Лопарей и другихъ народовъ въ небольшихъ санкахъ, въ кои запрягаютъ оленей. Поводъ прикрѣпленъ къ гребню, который жметъ оленю шею, когда за оной потянутъ. Часто впрягаютъ они рядомъ и по два оленя, и могутъ тогда переѣзжать въ день верстъ по полтора ста. Лѣтомъ путешествуютъ пѣше, по тому что нѣтъ у нихъ обыкновенія ѣздить верьхомъ на оленяхъ.

Кочевые Коряки странствуютъ въ лежащихъ наиближе къ Сѣверу своихъ мѣстахъ около *Анадыра*, смежно съ *Чукчами* и другими народами; но не рѣдко простираютъ кочевья свои и до самой Камчатки. Нравы у нихъ суровые и дикіе: и по тому не удобно ихъ содержать въ послушаніи. И самое подозрѣніе ихъ бываетъ опасно.

Юрты ихъ составлены изъ гнутыхъ жердей или кольшковъ, подобно Барабинскимъ, только поменьше, и покрываются оленьими кожами. По срединѣ утверждены четыре небольшие столба, къ коимъ привязываютъ собакъ; а сіи нерѣдко опоражниваютъ и висящій по срединѣ надъ огнивищемъ котелъ. *Одѣяніе* носятъ такое же, какъ и усадебные Коряки или Камчадалы; разность же состоитъ только въ томъ, что сіи бреютъ голову и выщерьбливаютъ бороду почти до гола.

Главное ихъ *упражненіе* есть *содержаніе оленей*, да сверьхъ того звѣриный промыселъ. Въ производствіи рыбной ловли не очень они проворны. У нихъ по большой части бываетъ оленей по 50 и по 100, а у иныхъ по одной и по нѣскольку тысячь, съ коими кочуютъ они, не разбирая приволья въ разсужденіи лѣсу или воды, въ болотистыхъ или мшистыхъ мѣстахъ и горахъ безпрестанно. Оленицъ они не доятъ, и по тому ни творогъ, ни сыръ имъ незнакомъ. И самый богатый человѣкъ рѣдко когда убиваетъ здороваго оленя, но довольствуется больше падалщиною или изувѣченными оленями, по чему стада у нихъ становятся весьма велики: но и на содержаніе хозяевъ надобно не малое число оленей. Бѣдные служатъ у богатыхъ, и пускаютъ въ ихъ стада для пастьбы небольшое число своего собственнаго скота. Всякій звѣрь, какого кто ни промыслитъ, почитается безъ изъятія изрядною ѣствою. Сверьхъ того собираютъ бабы дикое коренье и плоды; и все сіе съѣдаютъ они тогда же, когда промыслятъ, не сохраняя въ прокъ.

Кочевые Коряки гораздо суровѣе, жесточае, воинственнѣе и опаснѣе, нежели усадебные. Часто ходятъ они на разбой и для другихъ шалостей къ смирнѣйшей своей братіи или къ сосѣдямъ. Передъ таковыми предпріятіями придаютъ они себѣ обыкновенно смѣлость и безчувственность мухоморами. *Оружіе*, какое употребляютъ на звѣриномъ промыслѣ и на войнѣ, состоитъ въ лукѣ, стрѣлахъ, копьяхъ, дубинахъ, а воинственное ихъ искуство въ нападеніяхъ. Воровать, грабить и убивать почитается у нихъ тогда только порокомъ, когда производится въ томъ же самомъ родѣ или семействѣ, гдѣ тако-

Корякъ въ уборномъ платьѣ.
Ein Koräk im Staats Kleide.
Un Korek en hábit de fête.

Корякъ въ уборномъ платьѣ.
Ein Koräk im Staats Kleide.
Un Korek en hâbit de fête.

Корячка.
Eine Koräkin.
Une Koräkienne.

Корячка.
Eine Korákin.
Une Korâkienne.

вой злодѣй живетъ, а не въ другомъ какомъ поколѣнѣ или не у чужаго какого человѣка. Самымъ большимъ удовольствіемъ считаютъ они переходить отъ одного мѣста къ другому, и осматривать оленные свои стада, которыя, когда размножатся, раздѣляютъ. Они часто, да и по большой части, столь велики, что и считать не можно: однакожъ хозяинъ тотъ часъ примѣтитъ, когда какого оленя недостаетъ.

Коряки вообще имѣютъ по *нѣскольку*, а иные отъ трехъ до четырехъ *женъ*, которыхъ не покупаютъ, но такъ же, какъ и Камчадалы, выслуживаютъ либо похищаютъ. Богатые, не уважая кровнаго родства, остаются при богатыхъ, а бѣдные при бѣдныхъ. Усадебные держатъ своихъ женъ въ хижинѣ, а кочевые раздѣляютъ ихъ по разнымъ стадамъ для смотрѣнія за оными. *Кочевые* крайне мучатъ женъ своихъ *ревнивостію*. Иная жена и умираетъ отъ свирѣпости напрасно ревнующаго мужа; то же самое происходитъ и съ побочными дружками. И по тому стараются бабы казаться прямо мерзкими, не чешутъ головы и не умываются, ходятъ кругомъ вымаравшись и оборвавшись, и проч: ибо мужья почитаютъ на вѣрно, что они наряжаются только для полюбовниковъ. *Усадебные отмѣнны*, напротивъ того, *чрезъ непомѣрно великую поноровку*. Они считаютъ себѣ то за удовольствіе, когда жены ихъ нравятся другимъ, и когда посторонніе люди къ нимъ ласкаются: по чему и должны они наряжаться какъ можно получше. Они отдаютъ чужимъ людямъ женъ своихъ и дочерей въ наложницы, и почитаютъ приняте оныхъ знакомъ сущаго дружества; отрицаніе же отъ таковаго доброхотнаго даянія вмѣняютъ себѣ въ огорченіе. Сіе обыкновеніе, свойственное имъ обще съ нѣкоторыми Южными Американцами, и о которомъ упоминаетъ такъ же какъ *Варухъ*, такъ и *Иродотъ* въ разсужденіи древнихъ Вавилонянъ, неприятно у Коряковъ для гостя по тому, что долженъ онъ полоскать ротъ мочою, которую наложница въ виду его изпускаетъ въ чашку и подноситъ ему для таковаго полосканія.

Дѣтямъ даютъ *имена* старухи. Они не пеленаются и въ колыбеляхъ не бываютъ; сосутъ же грудь обыкновенно до третьяго

третьяго году. Кочевые Коряки дарятъ дѣтей скотомъ: по чему они съ малыхъ лѣтъ учатся порядочно со скотомъ водиться. Роженица первые десять дней послѣ родовъ ни кому не кажется.

За *больными* смотрятъ они прилежно, и стараются пособить имъ своимъ волшебствомъ.

Кочевые Коряки *сожигаютъ* всѣхъ, усадебные же большую половину *покойниковъ*. Они дѣлаютъ костры, къ коимъ отвозятъ умершихъ на саняхъ, запряженныхъ оленями, и сожигаютъ ихъ тамъ въ наилучшемъ одѣяніи совокупно съ оружіемъ и домашнимъ скарбомъ. Запряженныхъ въ такіе подъ покойника сани оленей убиваютъ, ѣдятъ ихъ мясо, а остатки бросаютъ въ огонь. На поминкахъ убиваютъ также оленей.

Коряки содержатъ *языческой законъ по Шаманскому* толкованію, и въ обрядахъ своихъ сходствуютъ наиболыше съ Камчадалами.

ЧУКЧИ.

Чукотская баба въ обыкновенномъ одеждѣ.
Eine Tschuktschin angekleidet.
Feme Tchouktchiene en son habit ordinaire.

Чукотская баба въ обыкновенномъ одеждѣ.
Eine Tschuktschin angekleidet.
Feme Tchouktchiene en son habit ordinaire.

Чукотская баба кожи выдѣлывающая.
Eine Tschucktschin das Leder zubereitend.
Femme Tchouktchienne faconnant des peaux.

Чукотская баба кожи выдѣлывающая.
Eine Tschucktschin das Leder zubereitend.
Femme Tchouktchienne façonnant des peaux.

ЧУКЧИ.

Чукчи, которые столь же обыкновенно, да при томъ и сами, называются *Чухотскими людьми*, въ видѣ, житіи, нравахъ и языкѣ такъ подобны *Корякамъ*, что должно ихъ почитать единоплеменнымъ съ ними колѣномъ. Они *владѣютъ* Сѣверовосточнымъ угломъ Сибири къ Ледовитому и Восточному морю, начиная отъ Колымы и Анадыра; и сія занимаемая ими страна называется *Чуцкимъ* или *Шелацкимъ носомъ*. *Земля ихъ* по положенію своему и качеству холодна, болотна, камениста, безлѣсна, неплодородна и крайне сурова и дика. Лѣто тамъ короткое, но дни долгіе; зима продолжительная и ночи долгія; и она для Европейцовъ съ матерой земли непроходима и къ житью не способна.

Они на равнѣ съ страною своею крайне *дики*, *суровы*, *необузданны и жесточае всѣхъ Сибирскихъ народовъ*; у нихъ нѣтъ ни грамоты, ни ученія, и по тому они еще и по сіе время совершенно не покорены, и подушной окладъ платятъ только отъ части. По сей же самой причинѣ остаются въ великомъ сомнѣніи какъ бывшія съ ними произшествія, такъ прямая ихъ сила и внутреннее устроеніе. Они нѣсколько кратъ побѣждаемы были Россійскимъ оружіемъ, но паки сотрясали съ себя власть и опятьже не хотятъ терпѣть принужденія. По вѣроятности считаютъ ихъ до 3500 ратныхъ людей. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и описаніе оныхъ, по елику оно долженствуетъ содержать въ себѣ токмо то, что заподлинно уже извѣстно, не можетъ быть полное и совершенное.

Они *раздѣляются* на два главныя колѣна, а именно на *Чуцкое* и *Шелагенское*, къ коимъ принадлежатъ также многіе островскіе жители Сѣверныхъ и Восточныхъ ихъ береговъ, кои дѣйствительно *Чукчи* же, но не причислены къ вышепоказаннымъ.

Росту они *малаго* и тонки; лице у нихъ нѣсколько плоское, и чрезвычайно походитъ на Корякское. Но они гораздо дичае, суровѣе, гордѣе, необузданнѣе, смѣлѣе, вороватѣе, лукавѣе и мстительнѣе кочевыхъ Коряковъ: словомъ сказать, они съ природы только же злые и опасные люди, колико Тунгузы добры. Двадцать Чукчей прогонятъ вѣрно пятдесятъ человѣкъ Коряковъ, и они бы ихъ всѣхъ перевели, если бы Россійскіе остроги ихъ не обуздывали. Самые ближніе къ нимъ остроги всегда въ опасности, и по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ стоятъ правительству такъ дорого, что недавно разсудило оно за благо оставить въ запустѣніи Анадырской острогъ, наипревнѣйшее Россійское въ тамошнемъ мѣстѣ поселеніе, изъ коего и Комчатка завоевана.

Въ поколѣніяхъ наблюдаютъ они между собою союзъ по *родамъ*: но выборныхъ начальниковъ не имѣютъ, а послѣдуютъ со всякою необузданностію знатнѣйшимъ богачамъ и удальцамъ, пока намѣренія и дѣла оныхъ сходствуютъ съ собственными ихъ затѣями.

Большая половина сего народа живетъ во *всегдашнихъ* зимнихъ хижинахъ или землянкахъ, подобно Камчадаламъ. Въ лѣтнее, а иногда и въ зимнее время, откочевываютъ они отъ оныхъ для пастбы оленей, также для звѣринаго промыслу, рыбной ловли и разбоевъ: при чемъ дѣлаютъ себѣ повсюду маленькія хижины, подобныя Камчадальскимъ лѣтнимъ юртамъ. Иные не имѣютъ ни какихъ *другихъ*, кромѣ таковыхъ легкихъ хижинъ, а иные живутъ такъ же въ горныхъ пещерахъ, которыя занавѣшиваютъ съ приходу звѣриными кожами.

Одѣяніе ихъ и пища, такъ какъ и приуготовленіе оной совокупно съ домашнимъ скарбомъ, подобны настоящему Камчадальскому и Корякскому; токмо еще дичае и суровѣе. Они вынизываютъ у себя также, по примѣру Тунгузъ, на лицѣ и на рукахъ линеи и фигуры.

Посуды

Посуды они не имѣютъ ни желѣзной, ниже другой какой крупшовой, но довольствуются, какъ старинные люди, каменными ножами, костяными шилами, деревянными и кожаными сосудами, и такъ далѣе. *Оружїе* ихъ состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ, копьяхъ къ костяными наконечниками, и пращахъ. *Байдары* ихъ, въ коихъ ѣздятъ они по морю и къ островамъ, составлены изъ китовыхъ ребръ и обтянуты тюленьими кожами такъ, что могутъ они въ оныхъ затягиваться по примѣру Гренландцовъ, Ескимосовъ, и нѣкоторыхъ другихъ Американцовъ. Байдары сїи бываютъ длиною до двухъ саженъ, узки и плоскодонны.

Мяса и рыбы ѣдятъ не сырыя, но обыкновенно копченыя. Дикїе плоды и коренья ѣдятъ всегда сырыя. Оленицъ не доятъ, и по тому у нихъ, какъ и у Коряковъ, нѣтъ ни творогу, ни сыру. Наибольше же питаются они всякою дичью и птицами, околѣлыми оленями, (ибо здоровыхъ, сколько бы оныхъ у нихъ ни было, убивать не любятъ) морскими звѣрями, выброшенными на берегъ китами и раковинами. Всседневное ихъ *питье вода*. Когда вздумаютъ *лодпить*, то варятъ въ оной *мухоморы*; и поелику они ростутъ у нихъ столь же мало, какъ и у Коряковъ, то вымѣниваютъ ихъ у Камчадалъ на оленьи кожи.

Главный ихъ *промыселъ* состоитъ въ содержанїи оленей, да при томъ въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Олени* составляютъ ихъ богатство; у иного есть ихъ до 10000, а у нѣкоторыхъ и больше 50000: по чему они по большой части усадебныхъ Коряковъ и Камчадалъ одѣваютъ ихъ кожами, а на промѣнъ получаютъ наилучшую мягкую рухлядь, или что имъ полюбится. Однакожъ у многихъ и вовсе нѣтъ оленей. Такїе живутъ совокупно и питаются отъ звѣринаго промысла, рыбной ловли, также китами, моржами и другими морскими звѣрями. Козаки называютъ таковыхъ бѣдныхъ *Чукотскими пѣшими*. Женщины ихъ упражняются въ томъ же, въ чемъ и Корячки.

Во *нравахъ* и *обыкновенїяхъ* сходствуютъ отъ части съ островскими жителями, кои будутъ описаны послѣ. *Зимнїя*

хижины дѣлаютъ они пространныя, и по большой части живутъ вмѣстѣ нѣсколько семей, коихъ мѣста отдѣлены жердями. Съ общаго огнивища поднимается дымъ въ верьхъ сквозь потолокъ: но хижины ихъ крайне дымны и такъ жарки, что бабы и въ самыхъ холодныхъ ихъ мѣстахъ сидятъ совсемъ нагія. Каждое отдѣленіе хижины имѣетъ свой собственной рыбьимъ жиромъ налитой свѣтильникъ съ сдѣланною изъ моху свѣтильнею. *Ночлѣги* ихъ возвышены, на подобіе скамьи или ионашей, и усланы кожами. Во время перекочовки ѣдутъ какъ и Коряки на саняхъ, запряженныхъ оленями. Къ стужѣ привычны они такъ, что ежели не въ зимнихъ хижинахъ находятся, то довольствуются по большой части теплотою свѣтильниковъ, рыбьимъ жиромъ наливаемыхъ. У нихъ такъ же, какъ и у Коряковъ, не смѣетъ ни кто *красть* или убивать въ своемъ родѣ; внѣ же онаго производить то и другое не токмо не возбранно, но еще и честно. За такую дѣвку, которая не оказала еще проворства своего въ воровствѣ, ни кто и не сватается; ограбленіе сосѣдей служитъ производителю онаго въ превеликую славу. При *заклинаніяхъ* и клятвенныхъ обязательствахъ берутъ они Солнце въ поруки. Побѣдителямъ даютъ въ залогъ своей покорности своихъ священнослужителей. При всей своей дикости великіе они хлѣбосолы. Гостей своихъ хотя и не обременяютъ ѣствами, однакожъ убиваютъ оленя, чего для себя собственно никогда не дѣлаютъ; или извиняются по крайней мѣрѣ, что на тотъ случай, какъ гости пожаловали, олень ни одинъ не палъ, или не разтерзанъ медвѣдемъ и проч. При томъ такъ же, какъ и Коряки, даютъ гостямъ наилучшихъ своихъ красавицъ въ наложницы, которыя подносятъ имъ, какъ и Корячки, для питья свою мочу.

Въ разсужденіи *сватовства, воспитанія дѣтей, увеселеній* и *похоронъ* происходитъ у нихъ то же самое, что и у Коряковъ. Они содержатъ такъ же *Шаманской законъ* безъ порядочныхъ понятій о богахъ, добродѣтеляхъ, порокахъ, будущемъ и проч. къ жизни не прилѣпляются, не перенося житейскихъ горестей крайне склонны къ самоубійству; а сіе самое и преодѣлѣлію оныхъ не малымъ служитъ препятствіемъ.

КУРИЛЬЦЫ.

Курилецъ.
Ein Kurill.
Kourilien.

Курилецъ.
Ein Kurill.
Kourilien.

КУРИЛЬЦЫ.

Острова, лежащїе отъ Южнаго мыса полуострова *Камчатки* до самой *Японїи*, простираются рядомъ съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ и, какъ кажется, воспрїяли начало свое о Камчатскаго хребта горъ, коего долины покрыты моремъ, и по тому между собою раздѣлены. Всѣ они вообще гористы, и на нѣкоторыхъ есть такъ же, какъ и въ Камчаткѣ, огнедышущїя горы и горячїе ключи; на иныхъ есть и лѣса, а иные совсемъ безлѣсны; воздухъ же на всѣхъ умѣренной. Острова сїи называются вообще *Курильскими*: но ни количество оныхъ, ни названїя, ниже обширность и качества, точно еще не извѣстны. Двадцать съ небольшимъ острововъ имѣютъ названїя, какъ на примѣръ: *Сумчу*, лежащїй отъ Камчатки только въ 15 верстахъ, длиною въ 50, шириною въ 30 верстъ; *Поромузу*, ближайшїй къ Сумчу, обширностїю вдвое; *Уйско* еще пространнѣйшїй; *Матмай*, лежащїй отъ Японїи только въ 30 верстахъ, и еще больше приближенный по Таскому проходу къ Западной Китайской матерой землѣ, при томъ по Японїи наивеличайшїй; и многїе другїе. Большїе острова всѣ населены; нѣкоторые же изъ малыхъ совсемъ пусты. По положенїю своему и качеству весьма они между собою различны. Въ лѣсахъ ближайшихъ къ Сѣверу острововъ ростетъ лиственица и дубъ, въ склонившихся на Югъ натуральныя тростия винограды, лозы и такъ далѣе. На нѣкоторыхъ водятся медвѣди, лисицы, песцы, дикїе бараны и другїе звѣри. На берегахъ всѣхъ сихъ острововъ вообще появляются морскїе бобры, моржи, тюлени, киты и другїе морскїе звѣри.

Жители сихъ острововъ не на всѣхъ называютъ себя одинакимъ именемъ, и при томъ нарочито между собою разнятся нѣкоторые какъ въ видѣ, такъ и языкѣ. Больше называются они *Кушами*, отъ чего можетъ быть произошло и названїе *Курильцы*; ближайшїе же къ Югу островскїе жители называются обыкновенно

быкновенно *Киккурильцами.* Нѣкоторые островяне походятъ языкомъ, видомъ и нравами на Японцовъ, иные же на Камчадалъ; но есть и такіе острова, коихъ жители произошли отъ обоихъ сихъ коренныхъ народовъ. Сѣвернѣйшіе острова повинуются Россійской, а Южнѣйшіе Японской власти; многіе независимы, да и подвластные отъ части токмо наблюдаютъ долгъ подданныхъ. Они не всегда даютъ аманатовъ или заложниковъ; равно и подать платятъ не всякой годъ, да и не за одинакое число душъ: по чему и не можно знать сущаго ихъ количества. Въ 1766 году записано въ подушной окладъ изъ всѣхъ Россіи подать платящихъ островскихъ жителей только 262 души.

Настоящіе *Курильцы,* которые сходны нѣсколько съ Японцами, *росту малаго,* лицомъ круглы и нѣсколько плоски, однакожъ не дурны; волосы у нихъ черные, бороды большія, и тѣло нарочито обросло волосами. Въ поведеніи своемъ человѣколюбивы, честны, постоянны, вѣжливы и привѣтливы; но въ нещастіяхъ малодушны и къ самоубійству склонны. *Языкъ* ихъ, которымъ говорятъ протяжно, слуху пріятенъ.

Мужчины упражняются въ ловлѣ морскихъ звѣрей, птицъ, китовъ и проч. также въ звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. *Лодки* строятъ изъ дерева своихъ лѣсовъ, или и изъ выбрасываемаго моремъ на берегъ, и гребутъ однимъ весломъ, которое съ обѣихъ сторонъ имѣетъ по одной лапѣ. *Женьщины стараются* о приготовленіи пищи, одѣянія и проч. а на Сѣверныхъ островахъ прядутъ такъ же крапиву и шкутъ. Южные островскіе жители, которые превосходятъ Сѣверныхъ разумомъ и лучшими нравами, производятъ въ Японію небольшіе торги китовымъ жиромъ, мягкою рухлядью, орлиными перьями для оперенія стрѣлъ, и другими товарами; получаютъ же въ оборотъ Японскую крушцовую и лакированную посуду, котлы, сабли, разныя матеріи, наряды, щепетные товары и табакъ.

Живутъ они въ землянкахъ, обшитыхъ внутри тесомъ и подобныхъ Камчадальскимъ: но оныя поопрятнѣе и украшены отъ части Японскимъ домашнимъ скарбомъ. *Ѣдятъ* же морскихъ

скихъ звѣрей, всякую дичь, птицъ, рыбъ, дикія коренья и плоды. отъ части и морской капустникъ; а на Южнѣйшихъ островахъ и Японскія сахарныя закуски, и проч.

Одѣяніе сѣверныхъ островскихъ жителей нарочито походитъ съ виду на Тунгузское, и дѣлается изъ лебяжьихъ, гагарьихъ и другихъ водяныхъ птицъ шкуръ, также изъ тюленьихъ и иныхъ морскихъ и дикихъ звѣрей кожъ. Волосы подрѣзываетъ до самаго затылка. Шляпы ихъ сплетены изъ камышу. Южнѣйшіе островяне почитаютъ большія бороды, волосъ на головѣ не подрѣзываютъ, а губы чернятъ до половины. Одѣяніе ихъ по Китайскому вкусу долгое, и дѣлается изъ подбрюшинъ водяныхъ птицъ, также изъ мягкой рухляди, китайки или и изъ шелковыхъ матерій; подпоясываются же Японскими саблями. *Женское одѣяніе* подобно мужскому. Женщины подрѣзываютъ волосы только на лбу, дабы свободнѣе было смотрѣть, и чернятъ губы всплошь. Оба пола вышиваютъ по Тунгузскому обыкновенію на лицѣ и на рукахъ у себя фигуры. Они столько любятъ чужіе образцы въ разсужденіи нарядовъ, что иногда и странно одѣваются. Употребляемые ими Японскіе наряды стоятъ имъ наилучшихъ морскихъ бобровъ и лисицъ. По елику они любятъ пестроту и при томъ не бережны, по чему платье скоро марается; то ни когда не видно, чтобы они къ стати или по крайней мѣрѣ чисто были одѣты.

Устарѣлымъ людямъ оказываютъ преимущественное почтеніе, всякаго человѣка почитаютъ, и обходятся особливо со своими пріятно. Гостей другихъ острововъ принимаютъ, наряжась и вооружившись, дружески, здоровкаются преклоненіемъ колѣнъ и обниманьемъ, и при томъ цѣлуются; у иныхъ же и слезы съ глазъ катятся. Старшій изъ гостей повѣствуетъ въ рѣчи бѣвшія какъ съ самимъ имъ, такъ и съ родственниками его произшествія; что всѣ слушаютъ стоя. Хозяинъ разсказываетъ и съ своей стороны то же, и по томъ увѣряютъ себя взаимно о дружественномъ соучаствованіи. Въ угощеніяхъ, одѣяніяхъ и жилищахъ ихъ мало видно чистоты. Для

забавы они поютъ, пляшутъ и говорятъ быль. Когда говорятъ, то наблюдаютъ при томъ кроткость, вѣжливость, скромность и правду. По елику они сами не лгутъ и не обманываютъ, то не хотятъ терпѣть, чтобы и ихъ проводили.

Женитьбы ихъ нарочито походятъ на Камчадальскія. Съ невѣстами сживаются они тайно, и по томъ ихъ увозятъ. Рогатой мужъ вызываетъ своего помощника на поединокъ, который долженъ съ нимъ или повѣдаться или побиться; въ послѣднемъ случаѣ даютъ они попеременно другъ другу по три удара. Роды тамошнимъ *женамъ*, какъ слышно, тяжелы. Дѣтямъ даютъ имена повивальныя бабки безъ всякихъ обрядовъ. *Покойниковъ* своихъ хоронятъ; сѣверные же островскіе жители зарываютъ ихъ зимою только въ снѣгъ.

Законъ содержатъ *языческой* по *Шаманскому толкованію. Идоловъ* своихъ (Югутъ) дѣлаютъ изъ составленныхъ красиво щепокъ, и ставятъ ихъ въ хижинахъ.

ВОСТОЧ-

ВОСТОЧНЫЕ ОСТРОВСКИЕ ЖИТЕЛИ.

Морской проливъ между матерою землею Азiи на Сибирскомъ берегу, и Америкою, такъ какъ и находящееся отъ Камчатки въ Юговосточной сторонѣ море, преисполнены островами разной величины. Ближайшiе изъ сихъ острововъ со времени восприятiя Россiею въ свое владѣнiе отдаленнѣйшей Восточной Сибири не неизвѣстны; но обрѣтенiе большаго ихъ количества началось во время Государя Императора *Петра Великаго*. Первое на то поступленiе возпослѣдовало чрезъ славную *Камчатскую морскую експедицiю*; по томъ разъѣзжали по сему морю отважные купцы, козаки и промышленики, и умножали открытiя съ году на годъ: однакожъ не прежде, какъ съ 1760 году начали подробнѣе и поименно освѣдомлятся о сихъ островахъ. Въ послѣднiе 10 или и 15 лѣтъ на основанiи благотворенiй, какiя въ нынѣшнее славное царствованiе ЕКАТЕРИНЫ II оказаны въ таковомъ намѣренiи торговымъ людямъ и мореходцамъ, сдѣлано гораздо больше новыхъ открытiй, нежели во всѣ прежнiя времена.

При всемъ томъ можно думать съ вѣроятностiю, что въ водахъ сихъ есть не меньше и неизвѣстныхъ еще по нынѣ острововъ: о найденныхъ же, по елику они, выключая нѣкоторые токмо осмотренные во время помянутой морской експедицiи, не виданы никогда испытателями природы, извѣстiя наши весьма недостаточны. Нечистота моря, суровое состоянiе острововъ, трудность въ доставленiи нужныхъ съѣстныхъ припасовъ, звѣроловный и торговый промыселъ нашихъ мореходцовъ и многiя другiя обстоятельства долго еще и въ будущiя времена будутъ противуполагать затрудненiя Астрономическимъ опредѣленiямъ ихъ положенiя, также натуральной исторiи и точнѣйшему познанiю тамошнихъ жителей. Однакожъ я to удовольствiе читателей сообщу здѣсь въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдалъ

я по сїе время при описанїи другихъ народовъ, наивѣрнѣйшїя и главнѣйшїя обстоятельства, почерпнутыя мною изъ полученныхъ по сїе время отъ части другими людьми, а отъ части и самимъ мною занятыхъ отъ мореходцовъ извѣстiй: при чемъ однакожъ и отъ краткости не отступлю.

Изъ сихъ острововъ ближайшiе къ Сѣверу, которые г. *Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ Штелинъ*, въ краткомъ извѣстiи объ оныхъ, называетъ вообще *Сѣвернымъ Архипелагомъ*, по причинѣ суровости своей и положенiя меньше всѣхъ извѣстны въ разсужденiи обширности ихъ и состоянiя. Нѣкоторые изъ нихъ такъ близки къ Сѣверовосточному углу Сибири, что Чукчи могутъ туда ѣздить на малыхъ своихъ ладьяхъ. Южнѣйшiе къ Камчаткѣ, на широтѣ отъ 56 до 61 степени, посѣщаемы бываютъ отъ части нашими промышленниками: по чему и имѣемъ мы извѣстiя о ихъ состоянiи и жителяхъ.

Нѣкоторое количество сихъ острововъ простирается съ Западоюгозапада на Востокосѣверовостокъ рядомъ отъ Камчатки къ матерой землѣ *Америки*. Острова сiи называются вообще *Лисьими*, по тому, что много на нихъ водится черныхъ и красныхъ лисицъ. Отмѣнно же достойны примѣчанiя острова: *Беринговъ* или такъ называемый *Командерскiй*, лежащiй въ 250 верстахъ отъ устья рѣки Камчатки на Востокъ длиною верстъ на 80; *мѣдный островъ*, къ берегамъ котораго прибиваетъ изъ моря мѣдныя частицы; *Умнакъ*, обширностiю верстъ на 250; *Уналашка*, еще пространнѣе, со многими другими не много меньшими, и великимъ числомъ малыхъ. Изъ знатнѣйшихъ острововъ *Кадьякъ* близокъ къ матерой землѣ Америки.

Другой рядъ острововъ простирается съ Сѣверосѣверовостока на Югоюгозападъ, и какъ будто пересѣкаетъ крестообразно Лисьe острова. Сихъ острововъ не много, и при томъ они не велики, но изрядно населены и подобны Лисьимъ. Они называются *Алеутскими островами*: но запросто разумѣются подъ симъ названiемъ иногда и всѣ тѣ острова, къ коимъ суда наши приставаютъ. Знатнѣйшiе называются: *Аттакъ*, *Семичи* и *Шемiя*.

Нѣко-

Нѣкоторое число ближнихъ острововъ, простирающихся отъ Алеутскихъ въ Сѣверовосточную сторону, называются *Андреновскими*. Нѣкоторые изъ нихъ и знатны, какъ н. п. Аякъ, Тагалокъ и другіе: но по положенію своему много имѣютъ общаго съ Сѣверными островами. О многихъ же далѣе къ Сѣверу и къ Югу разсѣянно лежащихъ островахъ, на коихъ по большой части никто еще не бывалъ, и которыя частію и обширны, умалчиваю.

Всѣ въ разсужденіи *внѣшняго состоянія* между собою подобны. Они каменисты, гористы, болотны, и крайне суровы; есть на нихъ также и огнедышущія горы. Въ отношеніи же къ *произведеніямъ* ихъ весьма они между собою разнятся по отмѣнности ихъ положенія. На Сѣвернѣйшихъ есть лѣса и въ нихъ водятся звѣри; Южнѣйшіе же безлѣсны и имѣютъ степныхъ звѣрей, какъ то лисицъ и другихъ. Около береговъ всѣхъ сихъ острововъ показываются, однакожъ не у всѣхъ въ равномъ множествѣ, морскіе бобры, сивучи, морскіе коты, тюлени и другіе морскіе звѣри. На берегъ выбрасываетъ море Американской лѣсъ, морской капустникъ, раковины, и сему подобное.

Нѣкоторые острова, изъ коихъ иные и немалы, совсемъ ненаселены, или имѣютъ временныхъ только жителей; иные также худо, а другіе нарочито изрядно заселены. Но ни на которомъ еще нѣтъ по нынѣ Россійскаго селенія. Есть острова обширностію въ 50 и больше верстъ: но на нихъ живутъ только семьи двѣ, четыре, либо и шесть; и сіе самое обстоятельство весьма полезно для промысла морскихъ звѣрей, потому, что ни кто ихъ не пугаетъ и они спокойно выходятъ на берегъ. На другихъ равной величины островахъ живетъ семей по сту и больше. Поголовное счисленіе народа у сихъ людей не въ обыкновеніи; они сами себя не считаютъ, да и Козакамъ дѣлать того не дозволяютъ, которые не только управиться съ ними не въ состояніи, но ищутъ еще и сами дружества таковыхъ островскихъ жителей для собственной своей безопасности, для удобности въ звѣриномъ промыслѣ, и для большей выгоды въ производимыхъ ими вымѣнахъ товаровъ. Нарочито великое число

сло Козаковъ погибло уже въ разныя времена отъ свирѣпости или отъ одного только подозрѣнія сихъ островскихъ жителей. Въ 1766 году записано ихъ въ подушной окладъ только 367 человѣкъ; хотя въ прочемъ легко можно изчислить, что и на нѣсколькихъ токмо ближнихъ островахъ было тогда больше 1000 взрослыхъ мужчинъ.

Острова, посѣщаемые нашими кораблями, коихъ ежегодно по два, а иногда и по три, но въ случаѣ великихъ затрудненій противоборствующихъ таковому снаряду, и ни одинъ изъ Охоцка не отправляется, даютъ больше доброволно нѣкоторую *подать*, а именно по черной лисицѣ, или по морскому бобру, либо на столько же по цѣнѣ другой мягкой рухляди, съ души, и берутъ при отдачѣ свидѣтельства въ полученіи. Но на иные острова можно токмо ѣздить года черезъ три, черезъ четыре, либо и черезъ пять лѣтъ; и тогда даютъ они правда наддачу, однакожъ небольшую. Подать ихъ походитъ больше на даръ, приносимый ими въ знакъ преданности своей, нежели на сущую дань. Самою главною выгодою можно почесть набогащеніе Россійскихъ подданныхъ, которые крайне скоро разживаются, если токмо посланные къ таковымъ островамъ суда совершатъ путь свой благополучно. Самое большое количество острововъ по нынѣ еще въ совершенной пребываетъ независимости и пользуется естественною вольностію. Но они черезъ звѣриной промыселъ и промѣнные торги могутъ быть столько же полезны, какъ и покоренные.

Между разумными островскими жителями есть конечно въ разсужденіи породы, вида, душевныхъ качествъ, нравовъ, языка и проч. не меньше отмѣны, какъ и между народами, обитающими на матерой Сибирской землѣ: но полученныя по нынѣ извѣстія столь недостаточны, что не можно по нимъ положить разности на основаніи сихъ и другихъ признаковъ и между извѣстными островами, ниже раздѣлить ихъ по единоплеменнымъ колѣнамъ и однихъ отъ другихъ отличить. Жители Алеутскихъ, Лисьихъ и Андреяновскихъ острововъ, видомъ, житіемъ и прочимъ такъ между собою сходны, и при

томъ

томъ какъ Корякамъ, такъ и Сѣвернымъ Американцамъ, только подобны, что предки ихъ, какъ кажется, были единоплеменцы тѣхъ и другихъ. Да и въ языкѣ ихъ столь мало разности, что приученый къ толмаченью Алеутскій мальчикъ можетъ исправлять сіе на многихъ отъ части и отдаленныхъ островахъ. Напротивъ того на другихъ, иногда и не очень дальнихъ островахъ, видно въ языкѣ, нравахъ и въ видѣ жителей гораздо больше отмѣннаго. Они сами даютъ себѣ разныя имена, которыя бываютъ совокупно и названіями ихъ острововъ. Жители острова *Кадьяка* называются *Канагистами*; и сіе наименованіе сходствуетъ нѣсколько съ названіемъ Гренландцовъ и Екимоксовъ въ Лабрадорѣ, кои именуются *Каралитами*.

Островяне сіи по большой части *малорослы*, костью крѣпки, однакожъ тонки; лицо у нихъ нарочито плоское, кожа бѣлая, волосъ черной и прямой, борода жидкая, глаза, уши, носъ и ротъ обыкновенной величины, да и вообще они статны, крѣпки, и совершенно сообразны своему климату и суровости обитаемыхъ ими острововъ. Они *одарены изряднымъ* природнымъ *разумомъ*, но оный нѣсколько коснителенъ. Оказываютъ же они его природными понятіями о правдѣ и кривдѣ, удовлетвореніемъ своихъ нуждъ и при многихъ недостаткахъ своихъ острововъ, понятностію дѣтей въ изученіи чужихъ языковъ, и многими другими обстоятельствами, довольно явственно. Они чрезвычайно скромны и безпристрастны: но ежели тихость ихъ нарушится подозрѣніемъ, обидами или инымъ чемъ, то бываютъ необузданны, дики, мстятъ наижесточайшимъ образомъ, не уважая ни оскорбленія, ни удовлетворенія, и прекращаютъ часто жизнь свою и по причинѣ небольшихъ мученій, либо опасаясь какого ни есть нещастія, самоубійствомъ, при коемъ бываютъ толико же безчувственны, какъ и Восточные Сибирскіе народы. Они правда дерзки, однакожъ не вѣроломны, не воровааты, и не любятъ ни грабежей ни убійствъ. Хотя они и погубляютъ такого иностранца, которой приневоливаетъ женъ ихъ къ прелюбодѣянію; однако спокойному чужому же человѣку вручаютъ ихъ напротивъ того изъ одной учтивости. Къ нимъ

можно

можно вкрадываться въ любовь такъ, что откроютъ совершенно и умыслы своей брани.

Сіи суровые, и необузданные простаки, живутъ между собою въ совершенномъ равенствѣ, безъ предводителей и начальниковъ, безъ законовъ и наказаній, безъ уваженія прошедшаго и будущаго. Хитрой и удалой человѣкъ руководствуетъ однакожъ нерѣдко цѣлыми артелями, а особливо когда дойдетъ дѣло до удовлетворенія или мщенія. При томъ и старѣйшина въ малой или большой хижинѣ, хотя и не видитъ къ себѣ почтенія, однакожъ и другимъ не уступаетъ. Вожда такъ, какъ и родоначальника, называютъ они *Тогономъ* и *Туйгуномъ*. Между собою хранятъ они союзъ по семействамъ и по родамъ, и стоятъ за себя какъ при защищеніяхъ, такъ и въ случаѣ нападеній. Жители одного острова почитаютъ себя всегда единородными и думаютъ, что островъ общее рода ихъ имѣніе. Небольшія артели чужихъ людей принимаютъ хорошо; многолюднымъ же толпамъ сопротивляются, пока или ихъ не истребятъ или сами не погибнутъ. Всякъ пользуется свободно тѣмъ, въ чемъ имѣетъ нужду; равно почитаетъ себя и хозяиномъ всего, что бы то ни было; а отъ сего произходятъ споры, хотя они въ прочемъ и миролюбивы.

У нихъ нѣтъ ни какого ученія, ни грамоты, ни заручительныхъ знаковъ, ни лѣтосчисленія, ни свѣденія о прежнихъ ихъ бытіяхъ; словомъ сказать, они не знаютъ ни чего другаго, кромѣ того, что до житія ихъ касается. Они считаютъ, какъ и мы, до десяти, и по томъ удвоиваютъ. На Алеутскихъ островахъ считаютъ такъ: *Тагатакъ*, одинъ; *алагъ*, два; *канкусъ*, три; *зечи*, четыре; *та*, пять; *ату*, шесть; *оу-лу*, семь; *калсе*, восемь; *шисетъ*, девять; *асокъ*, десять; и такъ далѣе. Солнце называется *Агайя*, луна *Тугилагъ*, вода *Тана*, вѣтръ *Качикъ*, огонь *Кигенагъ*, человѣкъ *Тайяха*, баба *Аягутъ*, дерево *Ига*, и проч.

Промыслы и дѣла свои производятъ единственно во удовлетвореніе естественныхъ нуждъ для сохраненія жизни, безъ всякаго

всякаго при томъ помышленія о удобности, чести, богатствѣ, будущемъ и проч. по чему они и не отстають отъ оныхъ ни по какимъ обстоятельствамъ. По елику одни острова не имѣютъ съ другими сообщенія, то жители каждаго живутъ про себя; а отъ сего происходитъ различіе въ житіи и въ разныхъ изобрѣтеніяхъ къ облегченію ихъ нуждъ, или въ заимствованіи пользы отъ того, что уже есть, и въ приведеніи онаго еще въ лучшее состояніе. У нихъ *нѣтъ* ни какого *скота*, ниже собакъ: по чему и стрѣляютъ козачьихъ собакъ такъ, какъ и другую дичь. Звѣриный промыселъ, также ловлю птицъ и рыбъ, производятъ только по нуждѣ, и во всемъ, не выключая ниже строенія хижинъ и дѣланія домашнихъ надобностей, берутъ женъ на помощь. Дикихъ звѣрей убиваютъ стрѣлами или ловятъ. Рыбу запружаютъ въ ручьяхъ наноснымъ валежникомъ и ловятъ ее небольшими коробами или костяными вилами, либо и голыми руками; употребляютъ такъ же и костяные уды на веревочкахъ изъ кочерыгъ морскаго капустника, кои бываютъ длиною саженъ по осьмидесяти и вытягиваются. На морскихъ звѣрей нападаютъ обыкновенно, когда они спятъ, или убиваютъ ихъ и стрѣлами въ водѣ, разъѣзжая на своихъ ладьяхъ. Женьщины сушатъ мясо и рыбу, выдѣлываютъ птичьи подбрюшины по большой части черезъ выминанье, рыбьи шкуры, мягкую рухлядь и кожи, подобныя замшѣ, шьютъ одѣяніе, и проч. Въ выдѣлкѣ сей не столько они знающи, какъ всѣ почти Сибирячки; въ шитьѣ же и строченьѣ вичуровъ весьма искусны. Ежели островъ избыточествуетъ какою ни есть надобностью, а другою недостаточенъ; то островяне мѣняются вещьми безъ дальнихъ разщетовъ. Иногда покушаются они и выживать благополучнѣйшихъ островянъ; и дѣло сіе производятъ по большой части не иначе, какъ черезъ истребленіе оныхъ. Съ того времени, какъ стали пріѣзжать къ нимъ Рускіе люди, цѣна иныхъ вещей совсемъ у нихъ перемѣнилась. Сами носятъ они хуждшую мягкую рухлядь, лучшую же, а особливо морскихъ бобровъ и черныхъ лисицъ, промѣниваютъ на лоскутья матерій, также на нитки, иголки, и другія мѣлочи, а больше на бисеръ. Кто имѣетъ

изрядную

изрядную хижину, много бабъ, хорошую лодку и пригожее по ихъ вкусу одѣяніе, тотъ считаетъ себя не меньше Князька.

Оружіе ихъ и *домашній скарбъ* совсемъ по мысли старинныхъ людей: сюда принадлежатъ лукъ, стрѣлы, дротики, копья, пращи, щиты и дубины, все безъ желѣза, коего не велѣно къ нимъ возить, дабы не сдѣлать чрезъ то сихъ людей опаснѣйшими: но они всѣ сіи орудія дѣлаютъ смертоносными посредствомъ завостреныхъ костей или камней. Изрядно оперeные, фута въ три длиною, дротики могутъ они, какъ и Гренландцы, метать саженъ за тридцать. Когда попадается имъ въ руки желѣзо, то куютъ холодное каменьемъ и дѣлаютъ копейца, отъ которыхъ раны по причинѣ шероховатой и нечистой отдѣлки, бываютъ крайне опасны. Байдары ихъ бываютъ длиною саженъ по шести, и могутъ поднимать иныя человѣкъ до сорока; хотя въ прочемъ дѣлаются только изъ наноснаго дерева или и изъ китовыхъ ребръ; работу производятъ завостреными каменьями съ великимъ трудомъ и не гладко; обшиваютъ же моржовыми и тюленьими кожами. Обыкновенные Каноты или лодки разполагаются только для одного или двухъ человѣкъ, и бываютъ вѣсомъ фунтовъ въ тридцать.

Жилища ихъ подобны Камчатскимъ, но по большой части обширнѣе. *Зимняя землянка* (Уллаа), которая походитъ также и на Гренландскую, гдѣ она называется *Иглоюъ*, длиною бываетъ отъ 10 до 50 саженъ, шириною отъ 3 до 5 саженъ, а глубиною въ землю сажени на полторы; въ нутри раздѣлена жердями, въ верьху решетчатая, и покрыта травою, сверьхъ которой навалена земля. Решетки же таковыя дѣлаются изъ жердей, а сіи изъ наноснаго лѣсу. Въ таковъ потолокѣ для лазѣнья по лѣсницамъ, для проходу дыму, и для свѣту бываетъ отъ четырехъ до шести отверстій, а иногда и больше; въ нутри же по самой срединѣ видно одно либо и больше огнищъ промежъ столбовъ, которыя у всѣхъ въ употребленіи: однакожъ сколько можно въ меньшемъ количествѣ; по чему въ землянкахъ ихъ рѣдко водится огонь. *Ночлѣги* покрыты

травяными

травяными рогожами или и теплыми кожами. *Для освѣщенія* сей длинной могилы находятся у раздѣлительныхъ столбовъ свѣтильники изъ выдолбленыхъ каменныхъ отломковъ, въ коихъ огонь содержится рыбьимъ жиромъ. Въ таковой хижинѣ живетъ малая или большая артель, состоящая изъ родственныхъ семей, въ коихъ бываетъ вообще душъ 50, 100, 200, а иногда и 300. Она нарочито походитъ на преисподнюю; всего тутъ довольно: темнота, дымъ, иногда несносный жаръ, тусклой отъ свѣтильника свѣтъ, нагія необузданныя человѣческія отродія, гадины, пребѣдная и негодная пища, шумъ, несносныя мерзости, смрадъ несноснѣйшій еще того, какой бываетъ отъ смолы и сѣры; вотъ все то, что сыскать тутъ можно. На нѣкоторыхъ островахъ ведутся отъ части по старинному обыкновенію, а отъ части и по причинѣ каменистой отъ земли обнаженной подошвы, малыя фута въ три глубиною *землянки* же, въ коихъ живутъ по одной только семьѣ. Большая половина островянъ имѣетъ и *лѣтнія хижины* (Барабара), подобныя такъ же Камчадальскимъ. Они огромнѣе, стоятъ поверьхъ земли и преисполнены людей. Нѣкоторые островскіе жители укрѣпляютъ нѣсколько свои землянки наносимъ лѣсомъ.

Домашній ихъ *скарбъ* соотвѣтствуетъ жилищамъ. Оный состоитъ наипаче въ деревянныхъ корытахъ, дѣлаемыхъ изъ наноснаго или собственнаго лѣсу, въ раковинныхъ чашкахъ, въ выдолбленыхъ отломкахъ камней, въ плетеныхъ кузовахъ, въ сосудахъ изъ коры и кожи, въ травяныхъ рогожахъ, въ завостреныхъ камняхъ, кои служатъ имъ вмѣсто топоровъ и ножей, въ костяной ремесленной снасти, а куда Руские люди пріѣзжаютъ, тамъ водятся у нихъ сверьхъ того и котлы или чугунные горшки. Легко можно разсудить, сколь великаго труда таковымъ людямъ стоитъ, ухижить такое жилище, дѣлать домашнія подобности, лодки и проч. безъ долотъ, топоровъ, ножей и сему подобнаго, одною каменною и костяною снастью: по чему они и живутъ въ вышеописанной тѣснотѣ, а иногда и въ каменныхъ пещерахъ, которыя ухиживаютъ для житья наноснымъ валежникомъ, кожами, рогожами и проч. и тутъ весь свой вѣкъ препровождаютъ.

Они не чаютъ быть устроенными отъ природы такъ, чтобы надлежало имъ стыдиться: по чему не только дѣти, но и взрослые обоихъ половъ ходятъ въ жаркихъ юртахъ, или когда одѣяние мѣшаетъ имъ въ исправлении своихъ дѣлъ, совсемъ нагiе. Многiе занавѣшиваютъ срамной удъ маленькимъ запономъ кожанымъ, или шубнымъ лоскутомъ, либо и листкомъ; мужчины же особливо носятъ въ переди мошну, которой не оставляютъ пустой, не столько для прикрытiя уда, сколько для сбереженiя онаго. На многихъ, особливо Сѣверныхъ островахъ, выводятъ оба пола, для мнимой прикрасы, на рукахъ и на лицѣ изображенiя звѣрей, птицъ, цвѣтовъ, либо и изъ своей головы вичуры, не нитками, какъ то дѣлаютъ Восточные Сибиряки, но кровавымъ накалыванiемъ посредствомъ рыбьихъ костей; наколотыя же такимъ образомъ мѣста натираютъ черною или другою какою земляною краскою, и дѣлаютъ чрезъ то выводы свои незагладимыми. Въ *ушныхъ мочкахъ* дѣлаютъ иные по краямъ множество дырочекъ, въ которыя продѣваютъ пучки изъ мѣлкаго красиваго перья составленные также королки и другiя мѣлочи: наиболыше дѣлаютъ сiе женьщины. Мужчинамъ кажется дурно, когда волосы скоро и густо ростутъ: по чему и вытеребливаютъ у себя бороды иные и до чиста. Женьщины обнажаютъ у себя отъ волосъ лобъ; а остальные заплетаютъ на затылкѣ въ одну косу. На нѣкоторыхъ островахъ очищаютъ мужчины отъ волосъ всю голову, вострыми каменьями, на другихъ же дѣлаютъ только лысину съ околышемъ, которой коротко подрѣзываютъ. Многiе совсемъ не умываются и по тому смуглы и дурны; иные же моются сперьва своею мочою, а по томъ водою, и съ лица чисты, румянны, и здоровы кажутся. Наистраннѣйшимъ ихъ обыкновенiемъ можно безъ сомнѣнiя почесть то, что на всѣхъ почти островахъ многiе какъ мужчины, такъ и женьщины въ ребячествѣ своемъ дѣлаютъ на нижней губѣ два глубокiе прорѣза, а въ носовомъ хрящу провертываютъ скважину. Въ губные оные прорѣзы вставляютъ они, когда вздумаютъ пощеголять, а сiе случается и часто, моржовые, до двухъ дюймовъ длиною, изкривленные и выглаженные зубы стоймя, такъ что держатся на челюсти, сквозь сважину же въ носовомъ хрящѣ продѣваютъ подобную перекладинѣ небольшую

шую птичью кость, такъ что ноздри приподнимаетъ къ верьху. Которые любятъ щеголять, тѣ дѣлаютъ по серединѣ нижней губы еще третій прорѣзъ, въ которой вставляютъ выкрашенной камышекъ.

Одѣяніе ихъ теплое и щегольское состоитъ въ сорочкѣ (Парка) длинною по колѣна, подобной во всемъ Корякской. Мужескія Парки дѣлаются изъ подбрюшинъ разныхъ морскихъ птицъ, а особливо изъ гагаръ; женскія же изъ морскихъ бобровъ, лисицъ и иной мягкой рухляди. Они всегда надѣваютъ ихъ на голое тѣло, и обращаютъ на ружу то пушистою, то гладкою стороною; а сію послѣднюю красятъ обыкновенно красною землею. Они носятъ въ дождливое время еще и другія сорочки (Камлаи), подолѣе первыхъ изъ сивучьихъ кишекъ или рыбьихъ шкурокъ сдѣланныя, и надѣваютъ ихъ сверьхъ теплыхъ сорочекъ, а иногда и на голое тѣло. Холщевыя матеріи совсемъ имъ незнакомы, а штаны, рукавицы и чулки не въ употребленіи: однакожъ нѣкоторые запасаются на зиму кожаными теплыми чулками. Ногамъ ихъ не бываетъ ни какого вреда отъ того, что ходятъ по снѣгу босикомъ. Лѣтомъ или ни чемъ головы не покрываютъ, или носятъ лѣтнія шляпы изъ дерева вырѣзанныя, кои походятъ съ виду на утиной носъ, и которыхъ узкій или передній конецъ выдался надъ лбомъ въ передъ фута на полтора, какъ навѣсная крышка. Они красятъ таковыя шляпы земляными красками своихъ острововъ, и огораживаютъ ихъ по краямъ перьями, а въ верьху и около разставливаютъ пучки, сдѣланные изъ крѣпкихъ, длиною въ пядень и больше, сивучьихъ и морскихъ котовъ усовъ, да сверьхъ того украшаютъ пригожими пронизками и перяными пучками: по чему они на Римскіе шишаки не меньше походятъ, какъ и на лѣтнія шляпы, а особливо, когда они переднюю часть носа больше приподнимаютъ въ верьхъ. Надъ самою же головою они полы; и на таковомъ верьхнемъ краю укрѣпляютъ они по большой части маленькаго, длиною въ дюймъ, идола костянаго, въ человѣческомъ подобіи сѣдящаго, и при томъ красивѣе вырѣзаннаго, нежели бы можно было ожидать отъ людей не имѣющихъ ни ножей, ниже иныхъ какихъ для такой работы на-

добныхъ орудій. Мужчины носятъ такъ же и кегелю подобныя кожаныя шапки, вышиною съ лишкомъ на пядень, которыхъ края и два супротивныя шва вичурами, а сіи и опорочки ихъ волосяною бахрамою шириною въ ладонь, вершина же снурками и прицепленными къ нимъ улитками, украшены. На нѣкоторыхъ островахъ носятъ шапки и пополсасе, нарочито похожія на наши скороходскія. Верьхній швовъ у сихъ шапокъ выкладываютъ они такъ же долгою волосяною бахрамою; края же и бока украшаютъ вичурами и перьями. Женьщины шьютъ себѣ лѣтнія шапки изъ кожи, рыбьихъ шкурокъ или изъ разпоротыхъ звѣриныхъ кишокъ. У шапокъ сихъ края прямые, шириною въ ладонь; при томъ они повсюду вышиною равны, и имѣютъ плоскую или мѣлкую тулью. Края и тулью украшаютъ весьма пригожимъ шитьемъ, которое выводятъ жилами, волосами, а иногда и бисеромъ, когда могутъ оной достать; тулью же обводятъ по краямъ во кругъ волосяною бахрамою, длиною въ палецъ. Зимою носятъ шапки изъ шкурокъ пѣганокъ, которыя сдираютъ и высушиваютъ такъ, что голова проходитъ въ брюхо птицы; при чемъ ея шея, крылья и хвостъ остаются по прежнему на своихъ мѣстахъ. Наивеликолѣпнѣйшія ихъ перяныя шапки дѣлаются изъ пѣганокъ. Въ мѣсто шеи придѣлываютъ состоящую изъ сложенной вдвое кожи, шириною пальца въ два, упругую полоску, которая въ низу и въ верьху разпещрена мѣлкимъ шитьемъ, а по краямъ выложена волосяною бахрамою, длиною въ перстъ. Въ мѣсто птичьей головы прикрѣпляютъ они къ шаковой кривулинѣ нижнюю песцовую челюсть. Полоса сія простирается черезъ всю спинку птицы, и придаетъ шапкѣ упругость. Она и на спинкѣ вышита и бахрамою обложена. Нарядное ихъ одѣяніе дѣлается изъ птичьихъ подбрюшинъ и разной мягкой рухляди, на подобіе сорочекъ, просторное, длиною по самыя пяты, съ чрезвычайно красиво вышитыми персты на два шириною закраинами, увѣшены повсюду полосками, длиною въ пядень, изъ хорошей мягкой рухляди, а въ низу съ подзоромъ, длиною въ пядень, изъ однихъ кожаныхъ полосокъ. Одѣяніе свое шьютъ изъ того, чемъ сами они или ближайшіе островскіе жители избыточествуютъ. Многіе дѣлаютъ всегда оное изъ тюленьихъ,

Алеутъ.
Ein Aleute.
Aléutien.

Алеутъ.
Ein Aleute.
Aléutien.

ихъ, Сѣвернѣйшіе же изъ оленьихъ кожъ, а ближайшіе къ Востоку отъ части изъ такой толко мягкой рухляди, которую могутъ получать съ матерой Американской земли. Оба пола носятъ платье одинакое съ тою только разностію, что мужское шьется больше изъ птичьихъ шкурокъ, женское же изъ хорошей мягкой рухляди, а лѣтнее изъ подобной замшѣ выдѣланной кожи. Кожевенная ихъ выдѣлка посредственная; напротивъ того въ шитьѣ одѣянія и въ выводѣ наономъ вичуровъ, при чемъ въ мѣсто иголокъ и нитокъ употребляютъ рыбьи кости и щипаныя жилы, крайне искусны.

Въ разсужденіи пищи сообразуются совершенно природѣ своей и качеству своихъ острововъ. Они ѣдятъ китовъ, морскихъ бобровъ и котовъ, сивучей, хищныхъ звѣрей и другую дичь, также всякихъ хищныхъ и другихъ птицъ, всякую рыбу, а особливо палтусовъ, изъ коихъ нѣкоторые бываютъ вѣсомъ и свыше 8 пудъ, разные роды кунжи, раковины, и вѣ вообще, выключая людей и несѣкомыхъ, водяныя, земныя и воздушныя животныя употребляютъ въ пищу, однако улитокъ только по нуждѣ; сверьхъ того ѣдятъ разныя дикорастущія ягоды, сродныя островамъ ихъ обще съ другими ближайшими къ Сѣверу странами, какъ то, черницу, голубицу, клюкву, брусницу, рябину, водяницу, толокнянку, морошку, сарану, макаршино коренье, Камчатскую сладкую траву, морской капустникъ и другія не горькія коренья и травы. Охотно ѣдятъ также и издохшихъ морскихъ и полевыхъ звѣрей, да и сонную рыбу, хотя уже и съ душкомъ. *Соль совсемъ имъ незнакома.* Больше ѣдятъ они все *сырое*, такъ что кровь течетъ при томъ изъ рошу по губнымъ прорѣзамъ; и по тому пища ихъ не требуетъ дальнихъ приготовленій. Зимою держатъ они мясо и рыбу на деревянныхъ рожнахъ надъ своими свѣтильниками, не для того, чтобы поджарить, но въ томъ единственно намѣреніи, дабы разогрѣть. Если же зашѣютъ что варить, то парятъ промежъ двухъ выдолбленныхъ и мискамъ подобныхъ камней, коихъ скважины замазаны глиною; а по томъ ѣдятъ холодное.

При таковой своей неразборчивости рѣдко претерпѣваютъ они недостатокъ на островахъ по большой части мало населенныхъ; однакожъ на иныхъ и бываетъ оной въ зимние мѣсяцы. Для предупрежденія же таковаго недостатка, сушатъ остальное мясо и рыбу на солнцѣ, или коптятъ въ дыму: и по тому сушеная рыба (Юкола), которую они такъ, какъ и сушеное мясо, ѣдятъ безъ дальняго приготовленія, бываетъ обыкновенною ихъ зимнею пищею. Мясо и рыбу, которую скоро думаютъ съѣсть, или что останется излишнее въ началѣ зимы, сохраняютъ они чрезъ опущеніе въ воду или зарыванье въ снѣгъ. Но они столь же безпечны, какъ и прожорливы: по чему рѣдко у кого бываютъ такіе остатки, которые бы можно было сохранить въ прокъ.

Питье ихъ вода; они часто употребляютъ и соленую морскую, когда въ близи нѣтъ прѣсной. Въ праздничное время пьютъ китовой или иной какой рыбій жиръ, и тянутъ оной нарадно. Для лодкою собственнаго не имѣютъ ни чего; да и не находятъ ни какой пріятности ни въ мухоморахъ, ни въ табакѣ, ни въ хлѣбномъ или Камчатскомъ травяномъ винѣ: что все было къ нимъ привозимо: однакожъ нѣкоторые, подражая козакамъ, привыкли къ нюхальному табаку.

По елику морской берегъ въ разсужденіи выбрасываемыхъ на оной мертвыхъ животныхъ, раковинъ, улитокъ и морскаго капустнику, что все можно тамъ собирать во время отлива, бываетъ въ случаѣ недостатка надежнѣйшимъ прибѣжищемъ; то всякая хижина или усадьба бережетъ свое на берегу мѣсто. Чужіе нуждающіеся люди не смѣютъ поднять на берегу ниже мертвой рыбы, но должны сперва просить оной какъ милостыни; въ прошивномъ же случаѣ съ цѣлыми головами не уплетутся.

Сколь ни сообразно житіе ихъ простотѣ природы, однакожъ оно не въ честь ей служитъ, когда люди бываютъ чрезъ то толико подобны звѣрямъ. Въ *обхожденіи* они важны, въ разговорахъ весьма отрѣзвисты, между собою веселы, отъ части и

болтливы,

болтливы, по безпечности гостепріимчивы и щедры, но грубы и неприступны. Не почитая родителей и начальниковъ, не заобыкши къ повиновенію, и не зная что есть благочиніе и благопристойность, слѣдуетъ всякъ своей прихоти. Они ѣдятъ, когда есть за что приняться, и когда проголодаются: при чемъ иногда и выпоражниваются. Въ случаѣ недостатка постятся безъ ропщанія и нѣсколько дней съ ряду. Жилыя ихъ ямины дѣтскими, а кровли взрослыхъ людей клалами вплошь усажены: по чему несносно смердитъ въ близи и въ нутри ихъ жилищъ. Они ходя часто нагіе, творятъ и соитіе въ нутри и внѣ юртъ безъ всякаго зазору, и при томъ, по великой горячности обоихъ половъ, нарочито часто. Да и родятъ женщины безъ всякаго же закрытія или утайки. Спятъ они на камышевыхъ рогожахъ, а покрываются платьемъ. Всякій родъ или поколѣнье держится правда одного острова: но они ѣздятъ временемъ и на другіе острова, и живутъ тамъ иногда долго. Необитаемые острова принадлежатъ всѣмъ равно; на населенныхъ же бываютъ или какъ гости, или какъ неприятели. Когда они приѣзжаютъ и на короткое время, то дѣлаютъ немедленно для себя ямины. Огонь добываютъ по примѣру Канчадалъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ чрезъ треніе одного дерева объ другое. Грѣются травою, которую поджегши, становятся надъ оною разтопыря ноги такъ, чтобъ дымъ и тепло проходили подъ шубу (Парка). Войны ихъ состоятъ больше въ нападеніяхъ; когда же идутъ приступомъ, то несутъ передъ собою деревянные щиты, которыми могутъ нѣсколько человѣкъ заслоняться, и выходятъ, когда надобно, изъ за оныхъ съ своимъ оружіемъ.

Женитьбы ихъ, въ сравненіи съ употребительными у насъ, едва и названія сего достойны. Мужчина, который можетъ исправлять звѣриной промыселъ и рыбную ловлю, принимаетъ къ себѣ одну или и нѣсколько женщинъ, достаетъ при помощи ихъ себѣ и имъ надобное, и живетъ съ ними въ своей яминѣ или въ своемъ отдѣленьи по женатому; чему не предслѣдуютъ никогда ни купля, ни договоръ, ни празднества. Первыхъ бабъ выбираетъ мужъ обыкновенно самъ; если же онъ удалъ, и

при

при шомъ заводной промышленикъ и рыболовъ, то стекается къ нему и больше дѣвокъ, вдовъ, отпущенныхъ или бѣглыхъ женъ и дѣтей малыхъ, которыхъ всѣхъ принимаетъ онъ и содержитъ добычами на звѣриномъ промыслѣ и рыбной ловлѣ. Сколь поспѣшно при щастіи семейство возрастаетъ, столь скоро и разсѣевается оно при тщетныхъ стараніяхъ о снискавіи пропитанія; бѣглецы переходятъ къ другимъ, да и бабы разходятся и ищутъ себѣ другаго кормильца, къ коему приводятъ иногда съ собою и дѣтей, если они сами не пожелаютъ остаться у отца. Все сіе произходитъ безъ ссоръ, дракъ и тому подобнаго; по елику оба пола равную имѣютъ вольность. На нѣкоторыхъ островахъ больше союзы мужья съ женами, и родители съ дѣтьми, по тому, что мужья больше имѣютъ власти: но тутъ и промѣниваютъ они женъ и дѣтей своихъ на нужныя для пропитанія и на одѣяніе вещи. Бѣжавшія или промѣненныя жены возвращаются иногда и по нѣсколько разъ къ прежнимъ своимъ мужьямъ. Въ естественномъ состояніи не могутъ быть слѣдствія отъ таковой необузданности толико опасны, какъ при гражданскомъ устроеніи общества. Островскіе жители ставятъ ни во что какъ попеременное владѣніе женами, такъ и союзы родства, и женятся единственно для пропитанія и удовлетворенія похоти: при чемъ они не обрѣтаютъ препятствій, а по тому и неистовствъ не дѣлаютъ. Они всякому желаютъ добра и забавъ; и по елику тамъ, какъ въ Камчаткѣ, предпочитаютъ бабъ дѣвкамъ, то сіи послѣднія возрастаютъ и при всемъ своемъ безпутствѣ безъ всякаго стыда. Ни какая мать не покидаетъ дѣтей своихъ до тѣхъ поръ, пока они не станутъ помнить ея имени; и таковыхъ дѣтей, при всеобщемъ чадолюбіи островскихъ жителей, принимаетъ охотно не только новоизбранный матерью ихъ мужъ, но и всякій посторонній человѣкъ.

Бабы, какъ слышно, родятъ очень легко. Малыхъ дѣтей купаютъ весьма часто въ холодной морской водѣ, и когда разкричатся, окунываютъ ихъ въ оную, не взирая и на зимнюю стужу, до тѣхъ поръ, пока не успокоятся. Грудью кормятъ ихъ не долго, но приваживаютъ ихъ вскорѣ къ суровой, по

большой

большой части сырой пищѣ. Дабы приучить ихъ сидѣть на цыпкахъ, связываютъ имъ ноги вмѣстѣ. Воспитанныхъ столь сурово дѣтей отпускаютъ родители на свою волю какъ можно скорѣе; послѣ чего мальчики и дѣвочки безъ дальней отъ родителей своихъ помощи живутъ безъ нужды и становятся напослѣдокъ столь же добрыми людьми, какъ и родители ихъ, коихъ они ни чего отмѣннаго не оказываютъ, и которыхъ иногда вовсе не знаютъ. Употребительныя тутъ имена суть слѣдующія: *Иманишъ*, *Бакутунъ*, *Алаутокъ*, *Чумила* и проч.

Они не столь суровы и безчувственны, чтобы не старались *забавами* сдѣлать себѣ жизнь пріятною. Женитьбы, рожденія, да и самая вѣра не подаютъ правда имъ поводу къ празднествамъ: но они почти весь Декабрь мѣсяцъ препровождаютъ въ посѣщеніяхъ сосѣдей или и другихъ островскихъ жителей. Къ случайнымъ же увеселеніямъ подаютъ имъ поводъ, найденные на берегу киты, щастливые звѣриные промыслы, и нечаянныя дружескія посѣщенія. Когда китъ осядетъ на мѣли, или море выброситъ на берегъ издохшаго, то принадлежитъ оный не набережнымъ, но всѣмъ вообще островскимъ жителямъ. Всѣ стекаются съ великою радостію къ сей громадѣ, совершаютъ идолослужебные и волшебные обряды, раздѣваются до нага, а по томъ свѣжуютъ и дѣлятъ мясо, жиръ, кожу и кости. По томъ наряжаются въ самое лучшее платье, вставливаютъ кости въ щеки и носъ, и убираютъ все, что ѣсть можно, съ чрезвычайною радостію. Подобныя, но не столь общія, празднества бываютъ и по случаю частныхъ щастливыхъ звѣриныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель.

Увеселенія ихъ состоятъ, кромѣ неумѣреннаго употребленія мяса и жиру, въ біеніи въ бубны, въ пѣсняхъ, пляскахъ, сказкахъ и удовлетвореніи похоти. Кромѣ бубенъ не имѣютъ они ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ. Съ оными выходятъ они на встрѣчу пріѣзжимъ своимъ гостямъ цѣлыми артелями; да и въ пляскѣ сообразуются біею въ бубны и пѣсняхъ, коихъ содержаніе есть мечтаемое ими щастіе и разныя

 басни.

басни. Они пляшутъ не кругомъ, но стѣна противъ стѣны, которыя то сближаются, то паки раздаются: при чемъ и прыгаютъ довольно. Иногда накладываютъ они на лица свои и деревянныя хари, уподобляющія ихъ звѣрямъ, и при томъ крайне дурныя. Въ такомъ случаѣ мужчины раздѣваются, и оставляютъ только передъ удомъ передникъ или мошну; женщины же остаются въ платьѣ. По окончаніи пляски разбиваютъ они бубны и хари въ щепы, и дѣлаютъ послѣ новые. Гдѣ есть волшебники, тамъ присовокупляютъ и они къ тому свои обмороки и предсказанія. Напослѣдокъ удаляются пріѣзжіе гости въ свои станы, а хозяева, имѣющіе женъ съ запинкомъ, надбляютъ ими пріѣхавшихъ безъ женъ гостей. При отъѣздѣ не бываетъ ни чего отмѣннаго; ни провожанья, ни благодарности.

Они такъ, какъ и народы, обитающіе на Восточномъ берегу Сибири, содержатъ *Шаманской* языческой законъ; прилѣплены столько же или еще и больше, къ чувственному, а невидимое и непонятное ни мало ихъ не трогаетъ. Они не имѣютъ ни какихъ точныхъ понятій о богахъ, ниже о ихъ соучаствованіи въ судьбахъ, и о будущей участи; нѣтъ у нихъ такъ же ни праздниковъ, ни моленій: однакожъ есть у нихъ *волшебники* или Шаманы, подобные Камчадальскимъ, похваляющіеся знакомствомъ своимъ съ богами и свѣденіемъ прошедшаго и будущаго, и состоящіе у народа въ почтеніи, но ни какихъ подаяній отъ него не получающіе. Во время празднованій своихъ у выброшенныхъ на берегъ китовъ, благодарятъ они въ пѣсняхъ своихъ боговъ за таковую благодать: но сплетаютъ благодарность свою съ разными кощунствами. При яденіи таковыхъ благодатей бросаютъ нѣсколько кусковъ мяса въ огонь, яко жертву. Покойникамъ даютъ, какъ и всѣ язычники Шаманскаго толку, разную утварь для употребленія на томъ свѣтѣ. У нихъ есть небольшіе деревянные *домашніе идолы*, которыхъ они мажутъ кровью и жиромъ, и думаютъ, что ихъ чрезъ то питаютъ. Огнедышущія или дымящіяся горы и нѣкоторыя знатныя пещеры, почитаютъ они жилищами боговъ и духовъ; къ нимъ обращаютъ и Шаманы или волшебники свои молитвы. Будущей

же

же участии и боговъ, такжо милости ихъ и гнѣва не ожидаютъ они и не боятся ни мало.

Здоровьемъ они крѣпки, и до старыхъ лѣтъ бываютъ бодры. Цынга, короста, лихорадка и другія обыкновенныя болѣзни случаются у нихъ очень рѣдко. Оспа ни когда еще у нихъ не бывала. И у самыхъ старыхъ людей зубы пригожіе, чистые и крѣпкіе. Кто нездоровъ, тотъ по произволенію своему воздерживается нѣсколько дней отъ пищи. Когда болитъ голова, то пускаютъ изъ одной головной жилы кровь вострымъ кремешкомъ. На раны кладутъ нѣкоторой корешокъ, признанной ими врачебнымъ, и такъ далѣе. Въ прочемъ они столь мало нѣжатся, что когда понадобится имъ кровь на склеиваніе чего ни будь, то разбиваютъ себѣ носъ кулакомъ до крови.

Они боятся посѣщенія покойниковъ, и не охотно живутъ въ такихъ хижинахъ, гдѣ люди уже умирали: по чему они больныхъ изъ большихъ хижинъ выносятъ вонъ, въ маленькихъ же оставляютъ покойниковъ и заметываютъ ихъ землею. Скудныхъ покойниковъ завертываютъ въ ихъ одѣяніи совокупно съ домашнею ихъ утварью и звѣроловною снастью въ рогожу и съ великимъ воплемъ предаютъ погребенію; зажиточнѣйшихъ же кладутъ такъ же въ платьѣ и съ домашними надобностями въ небольшую лодку, и вѣшаютъ оную на виселицу, состоящую изъ двухъ утвержденныхъ въ землю вилъ, и положенной на оныя перекладины, дабы они, вися такимъ образомъ на открытомъ воздухѣ, превращались въ тлѣнъ.

Россійскимъ Козакамъ, промышленикамъ и купцамъ крайне трудно жить на сихъ островахъ. Моремъ надобно туда ѣхать изъ Камчатки съ лишкомъ годъ. Между тѣмъ заѣзжаютъ они и на другіе острова, собираютъ добровольную подать, промѣниваютъ щепетные товары, а особливо пронизки, на мягкую рухлядь, да и сами ходятъ на звѣриные промыслы. Ежели бы можно было отважиться, возить къ нимъ ножи и топоры, то обмѣнные торги великое бы получили чрезъ то приращеніе: но какъ тѣмъ уготовляемы бы были себѣ опасности, то

 надобно

надобно пособлять сему неудобству собственнымъ звѣринымъ промысломъ, которой производить какъ на берегахъ, такъ и въ дали отъ оныхъ, островские жители не только не препятствуютъ Рускимъ людямъ, но и придаютъ имъ мальчиковъ, которые скоро привыкаютъ говорить по Руски, и бываютъ потомъ толмачами и почти залогами. Пока ведутся привезенные съ собою съѣстные припасы, питаются оными промышленики; при недостаткѣ же ѣдятъ какъ и коренные островские жители мясо и рыбу безъ хлѣба и соли, и бываютъ при томъ здоровы. Островяне поступаютъ правда съ чужими людьми грубо, однакожъ тихо; если же возьмѣютъ подозрѣние, то стараются всѣхъ безъ всякаго изслѣдования перебить: по чему промышленики должны всегда остерегаться, тѣмъ наппаче, что на островахъ не можно такъ, какъ въ Камчаткѣ, заводить тѣснаго знакомства съ женщинами, черезъ которыхъ всѣ злые умыслы тамъ открываются. Козаки остерегаются жить порознь или долго быть въ ихъ жилыхъ яминахъ; да и у собственныхъ своихъ хижинъ содержатъ по ночамъ караулъ. Ежели путешествие удачное, то корабль, смотря по состоянию островов, у которыхъ былъ, и по изобилию тамошнихъ звѣрей, привозитъ до 2000 морскихъ бобровъ, столько же и больше морскихъ котовъ, до 1000 кослоковъ, до 2000 черныхъ лисицъ, толикое же число голубыхъ песцовъ, вдвое противъ того или и больше бѣлыхъ песцовъ; однакожъ всегда одной которой ни будь рухляди больше, другой же мало или вовсе ничего: иногда же и ни которой не бываетъ въ вывозѣ вышепоказаннаго количества.

O

О ШАМАНСКОМЪ ЯЗЫЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ.

Многочисленные языческіе народы Россійскаго государства держатся отъ части *Шаманскаго*, отъ части *Ламайскаго*, *Индійцы же, коихъ вообще не много*, *Браминскаго толку*. *Шаманской* имѣетъ наиболѣе послѣдователей; къ оному принадлежитъ суевѣріе покланяющихся идоламъ *Финновъ*, *Татаръ*, *Семояди*, *Отяковъ*, *Красноярскихъ*, *Манджурскихъ* и *Восточныхъ Сибирскихъ народовъ*, *островскихъ жителей Восточнаго моря* такъ, какъ и *Бурятъ* или *Брацкихъ Татаръ*. О языческомъ законѣ Финновъ говорилъ я на своемъ мѣстѣ; при описаніи же прочихъ народовъ преходилъ я сей предмѣтъ молчаніемъ, дабы при великомъ сходствѣ въ обрядахъ и мнѣніяхъ не наскучить читателямъ повтореніемъ. Здѣсь же исполню мое обѣщаніе и о всемъ вообще Шаманскомъ идолослуженіи нашихъ народовъ сообщу краткое описаніе въ такомъ союзѣ, какой могъ я въ ономъ открыть.

Шаманскій законъ принадлежитъ въ число древнѣйшихъ вѣръ. Онъ всѣхъ старѣе на Востокѣ, и почитается корнемъ Ламайскаго, Браминскаго и другихъ языческихъ толковъ. Въ Индіи были священнослужители его отъ части и мудрецы: по чему и не было ему въ союзѣ недостатка. У исповѣдниковъ сего закона между нашими народами, за недостаткомъ грамати и школъ, также по причинѣ воеваній, преселеній, непостояннаго житія, переиначенныхъ преданій и переворотовъ глупыхъ или обманчивыхъ священнослужителей, претворился онъ по большой части въ противное идолослуженіе и слѣпое суевѣріе. По сему надлежало бы въ разсужденіи толь различныхъ народовъ, языковъ, странъ и житія, ожидать и наивеличайшей разности въ мнѣніяхъ и обрядахъ: однакожъ главныя правила вѣры и важнѣйшіе обряды остались въ достопамятномъ единообразіи, и кажется, что чрезъ то больше токмо

 забыто,

забыто, нежели прибавлено. Здѣсь сыщутъ читатели отъ части дополненіе и къ тому, что при описаніи Финскихъ народовъ сказано о ихъ суевѣріи.

У всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ почитается *женской полъ* гораздо *хуже* мужескаго, и существующимъ единственно для удовлетворенія похоти, для рожденія дѣтей и для исправленія домашнихъ дѣлъ: по чему они женъ презираютъ и поступаютъ съ ними жестоко. Они присвояютъ женскому полу весьма мало правъ человѣчества, и почитаютъ его отринутымъ отъ боговъ, вообще нечистымъ, во время же мѣсячнаго очищенія или родовъ мерзкимъ и какъ людямъ, такъ и скоту опаснымъ. Онѣ къ богослуженію не допускается, и не смѣютъ въ юртахъ ходить около общаго огня, по елику оной почитается священнымъ. Понеже жены тѣломъ своимъ все оскверняютъ, то имѣютъ особыхъ верьховыхъ лошадей, сѣдла, мѣста для сидѣнья, да обыкновенно и особливую посуду, изъ которой ѣдятъ, или должно по крайней мѣрѣ всѣ таковыя вещи, прежде нежели станетъ ихъ употреблять мужчина, окуритъ и отъ нечистоты упразднить. Они почитаются такимъ товаромъ, который вымѣнивается на скотъ, одѣяніе и проч. и въ такомъ количествѣ, какое кому надобно для исправленія дѣлъ или похоти; который почти продается, и такъ далѣе. Когда баба родитъ двойни или безобразныхъ дѣтей, то обвиняютъ ее сонтіемъ съ діаволомъ, и проч. Родители никогда дочерей не любятъ; да они и сами, если бы знали свое состояніе, отреклись бы отъ воспріятія бытія.

При всемъ томъ есть у Шаманцовъ и *священнослужительницы*, которые не меньше въ чести или столько же шальными почитаются, какъ и священнослужители. Они вѣрятъ, что люди сего состоянія избраны самими богами, и почитаютъ судорги, родимцы и другіе дѣтскіе припадки знаками таковаго вышняго избранія.

У *Тунгузъ*, *Бурятъ* и нѣкоторыхъ другихъ народовъ называются священнослужители *Шаманами*; слово же сіе значитъ воздыхаю-

воздыхающаго пустынника и обладателя всѣхъ страстей; у *Телеутъ* и проч. *Камами* или *Хамами* т. е. владыками или пророками; у *Якутъ* и проч. *Аюнами* и *Абысами*: оба сіи слова суть титлы Татарскихъ священнослужителей; у *Семоядъ Тадыбами*, и такъ далѣе.

Шаманы и *Шаманки* люди простые, и не разнятся отъ прочихъ ни одинакимъ состояніемъ, ниже особенными правилами или житіемъ: но отмѣнны токмо по платью и лучшему знанію ученія и обрядовъ своей вѣры. Они содержатъ себя подаяніями и жертвами: однакожъ сверьхъ того употребляютъ обыкновенно себѣ въ помощь и главный народа промыселъ, сирѣчь, ловятъ звѣрей и рыбу и проч. Старые люди учатъ молодыхъ всему до вѣры и обмана касающемуся. По елику священнослужители одни владѣютъ, такъ сказать, ученіемъ, то ихъ, яко *посредственниковъ* между народомъ и богами, коихъ они умилостивлять умѣютъ, боятся и почитаютъ, но при томъ не рѣдко и ненавидятъ, когда кто изъ нихъ приличится въ злоупотребленіи своей должности. Отъ великаго напряженія силъ при колдовствахъ своихъ многіе лишаются зрѣнія: но сіе почитается тѣмъ большимъ знакомъ благоволенія къ нимъ духовъ. По елику вступленіе въ ихъ должность зависитъ отъ случайнаго въ оную позыва; то Шамановъ и Шаманокъ иногда бываетъ много, а иногда и мало. Иные исправляютъ должность свою по смерть, другіе же сдаютъ оную при жизни своей другимъ. Они отъ части обморачиваютъ, а отъ части обманываютъ, а больше то и другое дѣлаютъ вмѣстѣ.

Шаманы и Шаманки *разлещаютъ одѣяніе* свое въ томъ намѣреніи, чтобы богамъ быть угодными, а народу страшными; для приобрѣтенія же въ томъ успѣха разныя употребляютъ средства. Тунгузскіе, да и всѣ почти Шаманы, носятъ долгое Восточное, больше кожаное *платье* и сапоги чулкамъ подобные; одѣяніе сіе какъ будто усыпано жестяными идолами, цепочками, колокольчиками, кольцами и другими брякушками, оравными кожами, звѣриными чучалами, вырѣзками изъ невыдѣланныхъ кожъ и проч. *Шапки*, которыя иногда

иногда клобукамъ, а иногда шишакамъ бываютъ подобны, обвѣшены змѣиными и другими чучалами, и украшены совиными перьями. Нарядъ таковаго человѣка и происходящее отъ онаго брячанье, приводитъ людей въ юртахъ, освѣщенныхъ однимъ только очажнымъ огнемъ, въ немалой ужасъ. Хитрые Шаманы надѣваютъ таковое платье у жертвеннаго огня съ содроганiемъ и проч. какъ будто бы вселяется въ нихъ при томъ другой духъ. У нѣкоторыхъ народовъ Шаманское служебное платье покороче, у другихъ же обвѣшиваютъ они простое свое платье кожаными лоскутьями, тряпицами, идолами и проч. и утверждаютъ на шапкѣ перяную шишку.

Главнѣйшее *Шаманское орудiе есть барабанъ* или *бубенъ*. Съ виду онъ продолговато круглой, длиною до трехъ футовъ, вышиною едва въ пядень. Ободъ изъ ракитника, съ одной только стороны обтянутъ кожею, а съ другой мѣсто полое, съ поперечною перекладинкою, которая служитъ рукояткою. Кожа какъ будто усыпана изображенiями идоловъ, звѣрей и заручительныхъ знаковъ, въ нутри же висятъ идолы и брякушки. Для ударенiя въ сей барабанъ употребляется одна только колотушка, нѣсколько изогнутая и для глухаго звуку обтянутая залчею или иною какою невыдѣланною кожею, а иногда придѣлываются къ ней еще и два рожка, дабы страшнѣе казалась. Дѣйствiе и сила волшебнаго барабана по ихъ удостовѣренiю весьма велики; нѣкоторые удары призываютъ, а другiе прогоняютъ духовъ. Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и священнослужили ходили въ старыя времена въ походъ, вошли можетъ быть отъ нихъ въ употребленiе и у салдатъ барабаны. Шаманы не имѣющiе барабановъ употребляютъ въ мѣсто оныхъ по двѣ *палицы*, длиною въ три фута, обвѣшенныя идолами. Бурятскiе Шаманы при моленiи своемъ повертываютъ небольшой *значекъ*, состоящiй изъ лиственичной вѣтви и тряпички. Якуты употребляютъ въ мѣсто онаго *конской хвостъ*.

Сибирскiе Шаманы не имѣютъ надобности ни въ храминахъ, ни въ кереметяхъ. Они отправляютъ служенiе свое у нѣкоторыхъ народовъ на чистомъ мѣстѣ, на холмахъ или воз-

лѣ рѣкъ, у другихъ въ юртахъ, у разныхъ народовъ днемъ не разбирая поры, у прочихъ же больше ночью при огнѣ.

Касающіяся до вѣры *понятія* нашихъ язычниковъ всѣ вообще неопредѣленны, темны, отъ части перемѣшаны и прекословны; въ разсужденіи же главныхъ предметовъ почти все клонится къ одному.

Всѣ вѣруютъ въ общаго Бога и Создателя всѣхъ вещей, который называется на Тунгузскомъ языкѣ *Боа*, на Бурятскомъ *Тингиря Бурханъ*, т. е. Богъ небесный, на Телеутскомъ *Кудай*, на Камчадальскомъ *Кутка*, на Остякскомъ и Вогульскомъ *Торомъ*, т. е. свѣтъ, на Самоядскомъ *Нумъ* и *Номъ*, и такъ далѣе. Они думаютъ, что Богъ тварь свою любитъ, всевѣдущъ и всемогущъ: но не уважаетъ частныхъ дѣлъ человѣческихъ. Бога, по ихъ разсудку, не можно ни оскорбить, ни къ себѣ умилостивить. Онъ не наказуетъ и не награждаетъ, и слѣдовательно не для чего его ни бояться ни любить. Камчадалы отличаются предосудительными своими о Высочайшемъ Существѣ понятіями. Все, что въ свѣтѣ не по ихъ мысли, такъ какъ и бѣдствія въ жизни, почитаютъ они доказательствами недостаточнаго могущества и свѣденія Промысла, и надъ онымъ издѣваются.

Большая половина сихъ язычниковъ воображаетъ себѣ Бога невидимымъ, обитающимъ на небѣ или въ солнцѣ, и имѣющимъ образъ человѣческой; иные же почитаютъ и солнце за самаго Бога. Телеуты и Алтайскіе Татара думаютъ, что явленія и откровенія Всевышняго бываютъ въ сновидѣніяхъ; и что съ виду онъ походитъ на престарѣлаго бородою обросшаго человѣка, а одѣяніе его подобно мундиру драгунскаго офицера (великолѣпнѣйшаго одѣянія не могутъ они себѣ и вообразить). Въ прочемъ мечтаютъ, что онъ имѣетъ великолѣпной придворной штатъ и множество лошадей; когда онъ ѣздитъ верьхомъ, то происходитъ громъ отъ конскаго топоту, а молнія отъ искръ издаваемыхъ подковами отъ ударенія объ камни на небѣ находящіеся, и такъ далѣе.

Правленіе міра и судебъ человѣческихъ раздѣлено отъ Высочайшаго Существа между многими *божками*, которые правда ему подвластны, однакожъ по большой части поступаютъ своевольно: по чему благоволеніе ихъ необходимо людямъ нужно. Воображенія ихъ о божкахъ перепутаны, прекословны, а отъ части и безтолковы. Разные народы чтутъ и разныя божества, и приписываютъ имъ такъ же различныя сочувствованія и упражненія. Когда сообразишь по возможности ихъ понятія, то выходитъ слѣдующее. Божки вообще добрые и злые, то есть благодѣтельствующіе или противуборствующіе людямъ. Понятія о существенности и качествахъ сихъ божковъ грубы, тѣлесны, и нерѣдко совсемъ нелѣпы. Они перемѣшиваютъ такъ же многократно имена и дѣйствія добрыхъ и злыхъ божковъ.

Всякое доброе божество имѣетъ по одному или по нѣскольку дѣлъ въ правленіи міра. Они охотно благодѣтельствуютъ, частно бываютъ пристрастны, будучи оскорблены наказываютъ, поступаютъ по своевольству своему жестоко, и при томъ мстительны. Вcѣ *качества божіи* претворяютъ они въ лица, причисляютъ ихъ къ мужескому и женскому полу, но не думаютъ, какъ финскіе язычники, чтобъ они вступали между собою въ бракъ. Вcѣ небесныя и страшныя или знатныя земныя тѣла и естественныя явленія, отъ коихъ произходитъ имъ добро или зло, суть божества, коихъ они поименно чтутъ: солнце, луна, звѣзды, облака, радуга, громъ, буря, огонь, вода, земля, знатныя горы и рѣки. Иные почитаютъ горы и воду токмо жилищами божковъ, а огонь жертвою. Тунгузы, содержащіе законъ свой и отправляющіе по оному идолослуженіе съ великою ревностію, имѣютъ обще съ нѣкоторыми другими народами и бога здравія, звѣринаго промыслу, путешествій, женъ и женскихъ припадковъ и добродѣтелей, дѣтей, оленей и многихъ другихъ.

Соборъ *неприязненныхъ божковъ* или *бѣсовъ* не меньше великъ. Они вѣруютъ въ одного *верьховнаго Сатану* и обладателя прочихъ, и называютъ его по большой части *Шайтаномъ*, Тунгузы *Буномъ*, Буряты *Окодиломъ*, Камчадалы *Канною*, и проч.

По всеобщемъ божествѣ онъ наисильнѣйшій. Въ немъ ни на волосъ нѣтъ ни чего добраго: однакожъ онъ можетъ быть укрощаемъ и удостоиваетъ Шамановъ своего благоволенія. *Сатаны нижшаго степени* или злые духи раздѣляются на чиненіе зла и споспѣшествованіе всякимъ нещастіямъ. Подъ Сатанами разумѣютъ они отъ части обращенныя въ лица наказанія Божіи, а отъ части и самое нещастіе и зло въ свѣтѣ приключающееся, которое воображаютъ они себѣ самосуществующимъ, и называютъ оное великимъ множествомъ именъ: но все при томъ перемѣшиваютъ и запутываютъ. *Сатаны живутъ* по ихъ мнѣнію въ водѣ, въ преисподней, въ огнедышущихъ горахъ и въ лѣсахъ: по чему и есть у нихъ *русалки*, *земные бѣсы*, *горные духи*, *лѣшіе*, *богъ насѣкомыхъ*, и многіе другіе.

Кромѣ сихъ *чтутъ* они покойныхъ *родоначальниковъ*, *богатырей* и всѣхъ *Шамановъ* и *Шаманокъ*, яко *полубожковъ* или святыхъ, коихъ боги при правленіи міра употребляютъ такъ, какъ совѣтниковъ или помощниковъ, которые имѣютъ свѣденіе о преисподней, умѣютъ призывать духовъ, и могутъ подавать помощь и надѣлять щастіемъ. Безчисленное же множество сихъ святыхъ причиною тому, что они ихъ смѣшиваютъ съ божками и сатанами, и моленія свои возсылаютъ совсемъ не къ тѣмъ лицамъ, къ какимъ бы надлежало. Живущіе по близости Россіянъ, приписываютъ благосостояніе ихъ св. Николаю, почитаемому Грекороссійскою церковью, и по тому молятъ его и о своемъ благополучіи. Божки и святые, по ихъ мнѣнію, живутъ по примѣру людей, токмо великолѣпнѣе и удовлетворяютъ нуждамъ своимъ по одною волею, по трудами. Когда мѣсто жилища своего перемѣняютъ, то или пѣшкомъ идутъ или ѣдутъ верьхомъ либо въ повозкахъ. Камчадалы думаютъ, что богъ ихъ *Туй* ѣздитъ на шестеріѣ презрядныхъ собакъ, которые, естьли встрепенутся, причиняютъ землетрясеніе; когда во время грозы идетъ дождь, то громовой ихъ богъ *Белута* изпускаетъ свою мочу. Шадаши, которые богатые скотомъ Буряты строятъ въ степяхъ *для покрова божкамъ*, и выгонъ лошадей на пастьву у многихъ скотоводствующихъ народовъ, о коихъ буду говорить послѣ, от-

носятся къ симъ понятіямъ. Нѣкоторые вѣрятъ такъ же, что божки ихъ, въ утоленіе голода, производятъ звѣриной промыселъ, ловятъ рыбу, вырываютъ коренье, и такъ далѣе, не упоминая о многихъ другихъ ихъ безуміяхъ.

Божки являются Шаманамъ, по ихъ мнѣнію, наиболыше въ видѣ медвѣдей, змѣй и совъ: по чему они и воздаютъ животнымъ симъ честь. *Пихта*, нѣкоторый родъ *полыню*, который у Качинцовъ и другихъ народовъ называется Ирвенемъ, особая трава на Камчаткѣ, и иныя растѣнія у разныхъ народовъ посвящены божкамъ и почитаются любимымъ ихъ куревомъ: по чему идолы и жертвы оными украшаются, поганыя вещи окуриваются, и проч. Нечистыми и въ жертву негодными почитаются свиньи, лягушки, насѣкомые и черви.

Воображеніе ихъ *о мірѣ* пресѣкается по большой части на ихъ пустыняхъ. Сложеніе міра почитаютъ они безконечнымъ, а о состояніи людей и звѣрей думаютъ, что они по смерти будутъ жить такъ же, какъ и нынѣ: по чему говорятъ съ медвѣжьими, китовыми и другими стервами такъ, какъ съ живыми людьми.

Живой человѣкъ состоитъ изъ тѣла и жизненности или души. Онъ поступаетъ произвольно; успѣхъ, щастіе и неблагополучіе зависятъ отъ боговъ, бѣсовъ и дѣйствій другихъ людей: по чему иные гнѣва боговъ боятся, а другіе ни чего не уважаютъ. Боги любятъ и награждаютъ оказываемое имъ почтеніе, также честность и человѣколюбіе; ненавидятъ же и наказуютъ нечестіе, плутовство и жестокость. Въ другихъ обстоятельствахъ не скоро человѣкъ, по ихъ мнѣнію, согрѣшить можетъ. Боги не забошятся о томъ, лѣнивъ ли человѣкъ или прилеженъ, съ своею ли или съ чужою спитъ женою, много или мало ѣстъ и пьетъ, украденною или самимъ имъ убитою дичиною питается, и такъ далѣе. Сатаны вредятъ людямъ во всякомъ дѣлѣ: по чему и должно ихъ отвращать отъ себя посредствомъ Шамановъ, жертвами, подарками, ласковыми словами, угрозами и сему подобнымъ. *Благополучіе* состоитъ въ

здоровьѣ,

здоровьѣ, изобиліи скота и дѣтей, прибыточномъ звѣриномъ промыслѣ, рыбной ловлѣ и плодоугодіи; *нещастіе* же въ противномъ вышеписанному, а особливо въ смерти.

Всѣ Шаманскіе язычники крѣпко увѣрены въ томъ, что и послѣ смерти будутъ жить: но жизнь сію воображаютъ они себѣ бѣдною и печальною; и по тому смерть кажется имъ по большой части мерзостнѣе и страшнѣе всего, и они ее больше всего опасаются и убѣгаютъ. И самые покойники ихъ ужасаютъ. Они боятся ихъ возвращенія и явленій; по чему многіе изучи обрашно съ похоронъ, стараются разными суевѣрными кривляніями лица отвратить смерть и покойника отъ послѣдованія за ними. Они скачутъ черезъ огонь, лазятъ промежъ жердей, при чемъ Шаманъ угрожаетъ смерти жезломъ, дабы ее тѣмъ воздержать; по томъ окуриваютъ себя и хижины, либо покидаютъ оныя, и боясь воспоминанія умершихъ, ни когда ихъ по именамъ не называютъ; родственники же покойниковъ, дабы не называться тѣмъ именемъ, перемѣняютъ свое наименованіе къ немалому ущербу бытійственныхъ свѣдѣній. Кончину почитаютъ они превращеніемъ нынѣшней жизни въ подземную, подобную въ прочемъ нынѣшней: но больше считаютъ ее горестною и ни мало желанія недостойною. Тамъ живутъ одни только духи да души, которыя присвояютъ они и погребеннымъ вмѣстѣ съ покойниками животныхъ и вещамъ, и по тому почитаютъ ихъ полезными для умершихъ, хотя въ прочемъ они такъ же, какъ и покойники, исчезаютъ. Въ преисподней владычествуютъ земные духи, старающіеся причинить умершимъ много зла: по чему Телеутскіе и Корякскіе Шаманы при похоронахъ ихъ заклинаютъ и секирными размахами удержать стараются; многіе же, а особливо въ отдаленнѣйшихъ пустыняхъ обитающіе, ставятъ покойниковъ своихъ на дерева или оставляютъ ихъ для истлѣнія поверьхъ земли, либо и сожигаютъ, единственно для избѣжанія отъ земныхъ духовъ. Стада ихъ остаются на семъ свѣтѣ, а что дается покойникамъ при похоронахъ изъ платья, домашняго скарбу, оружія, и убитыхъ звѣрей, то служитъ имъ только на разводъ въ будущемъ подземномъ или преисподнемъ хозяйствѣ. Всякая скотина по

окончаніи ея жизни явится въ преисподней точно такъ, какъ и ея хозяева: но она умираетъ исподоволь и достается другимъ хозяевамъ. Будутъ ли тамъ для звѣринаго промыслу и рыбной ловли такія угодьи, какія есть поверьхъ земли, весьма еще сомнительно; за мужьями послѣдуютъ туда устарѣлыя жены, и такъ далѣе. Обитающіе ближе къ Востоку Сибирскіе народы и островскіе жители почитаютъ *будущую жизнь исправленнымъ продолженіемъ нынѣшней*, и ожидаютъ тамъ сугубаго удовлетворенія своихъ прихотей, стадъ, пригожихъ цуговъ собакъ, удачныхъ звѣриныхъ промысловъ, проворныхъ бабъ или мужей, и всего того, что бываетъ здѣсь предмѣтами ихъ желаній, хотя и никогда не исполняющихся. И по тому они смерти не страшатся, но еще и сами себя нерѣдко и съ великою холодностію духа оной предаютъ, поднимая сами на себя руки. По елику Христіана чаютъ себѣ послѣ смерти царствія небеснаго безъ всѣхъ таковыхъ благостей, то сожалѣютъ они объ нихъ и радуются своему блаженству. *Шаманы* умираютъ по большой части великодушно. По елику они при жизни упражняются въ умилостивленіи боговъ и злыхъ духовъ, почитаютъ свои волшебства за нужныя, и причисляются по смерти къ святымъ, имѣющимъ участіе въ судьбахъ живыхъ людей и приносимыхъ ими жертвахъ; то ожидаютъ себѣ впредь благой участи. Для избѣжанія искушеній земныхъ духовъ и для собственнаго своего очищенія, приказываютъ по большой части тѣла свои по смерти сожигать.

Всѣ Шаманскіе язычники стараются снискать себѣ благоволеніе боговъ и ихъ умилостивить идолами, моленіями и жертвами: большая ихъ половина считаетъ дѣло сіе толь важнымъ, что нынѣшнее свое уничиженіе, а отъ части и бѣдность, приписываютъ нераченію своихъ прародителей о ихъ служеніи.

Идолы, которые по понятіямъ разумнѣйшихъ суть подобія божковъ, а по мнѣніямъ глупыхъ самые божки, дѣлаются по большой части Шаманами изъ странныхъ отростковъ деревъ и изъ каменныхъ отломковъ, которые покажутся подоб-

ными

ными нѣсколько человѣческому виду. Не рѣдко и цѣлыя каменныя горы, ради необыкновеннаго ихъ вида, почитаются идолами, какъ и. п. Шаманская гора въ Восточной сторонѣ отъ Байкала, и другія. Дѣлаемые идолы бываютъ и больше и малые, рѣзные, набивные или страннаго вида куклы. *Деревянные кукольные идолы*, которые у Тунгузъ *Шовоками*, у Камчадалъ *Камулами*, у Бурятъ *Онгонами* называются, длиною бываютъ въ пядень и больше, и одѣваются по примѣру Шамановъ. У нѣкоторыхъ покрываютъ лице красною листовою мѣдью. Бурятской *божокъ борьбы* (Имегильшинъ) таковая же кукла, окруженная кольцомъ, шириною въ два пальца, изъ ракитнику, на подобіе бубеннаго обода. Курильцы составляютъ идоловъ своихъ изъ щепокъ нарочито красиво. *Чучальные* или *набивные идолы* употребляются у Якутъ, Чулымцовъ, Телеутъ, Алтайскихъ Татаръ и у другихъ. Чулымцы называютъ ихъ *Шайтанами*; Телеуты же дѣлаютъ и поменѣе, длиною дюймовъ въ 8, шириною въ половину тюфячекъ, съ одного конца разписанный по подобію человѣческаго лица, въ мѣсто же глазъ вставлены бисеры или дробинки; въ прочемъ они украшаютъ ихъ совиными перьями и называютъ *Чалусами*. Бурятской *барашковой идолъ* есть не иное что, какъ шкурка съ барашка съ ногами и хвостомъ; а лицо рѣзное человѣческое. *Жестяные идолы* въ употребленіи у всѣхъ Шаманскихъ язычниковъ; они привѣшиваются больше къ Шаманскому платью, къ барабанамъ, колыбелямъ и прочему. Они вырѣзаны изъ жести и кое какъ изображаютъ людей, медвѣдей, оленей, птицъ, рыбъ, змѣй, звѣздъ и стихіи. Человѣческое лицо значитъ солнце, полукругъ луну, суденышко воду, треугольникъ огонь, решетка землю и такъ далѣе. *Войлошные идолы*, или куклы изъ войлока вырѣзанныя, длиною въ пядень, въ употребленіи у Бурятъ и Якутъ. Бурятской *Иргекинъ* есть не иное что, какъ подобная гребню, часто надрѣзанная кожа, въ длину и въ ширину на пядень; ремешки ея представляютъ цѣлой соборъ божковъ. *Малеванные идолы*, называемые у Бурятъ *Ногатами*, и употребляемые многими народами, суть начерпанія нагихъ людей, выводимыя кровью изъ сердца приносимой въ жертву твари, или краснымъ карандашомъ; длиною

они

они въ пядень; въ мѣсто глазъ вставлены дробинки или бисеръ, а голова украшена совиными перьями.

Камчадалы ставятъ въ пустыняхъ своихъ небольшіе столбы, которые обвиваютъ особою травою и почитаютъ ихъ божественными. Они дѣлаютъ также изъ разныхъ травъ чучелы подобныя волкамъ, и ставятъ ихъ въ хижинахъ своихъ какъ будто идоловъ; чучелы сіи называются у нихъ *Хайту*. *Чилчилканъ* лѣсныхъ Тунгузъ не другое что, какъ небольшія вороты изъ ельнику, въ коихъ вѣшаются принесенныя въ жертву птицы. *Дой* ихъ есть стоячій крестъ съ распятою птицею. Сдѣланное по подобію человѣческому чучело изъ ельнику называютъ они *Боге*. *Тисъ* Качинской есть подобная вилкѣ тычина, промежъ зубцовъ которой вѣшаютъ лисью голову или двухъ рѣзныхъ птицъ. Легко можно разсудить, что всѣ сіи святости при недостаткѣ вкуса, искуства и ремесленной снасти, весьма неуклюжи, безобразны, отъ части не примѣтны, и не годятся ниже дѣтямъ нашимъ игрушкою.

По елику идолопоклонники при всякомъ почти жертвоприношеніи получаютъ новаго идола, то въ иной юртѣ великое ихъ множество. Телеуты ставятъ всѣхъ идоловъ вмѣстѣ въ одномъ углу избы; у Бурятъ виситъ въ юртѣ на лѣвой сторонѣ, а въ лѣтнее время передъ юртою на столбѣ, мѣшокъ съ идолами; Тунгузы вѣшаютъ ихъ на распорѣ, состоящемъ изъ трехъ колышковъ (Шонанъ); Качинской *Тусъ* ставится на кровлѣ; идоламъ и божкамъ Бурятскихъ стадъ или табуновъ строятся хижины (Обо) на горахъ; нѣкоторыхъ идоловъ кладутъ они въ ящички, и проч. У идоловъ висятъ всегда шкурки съ ласточекъ, горностаевъ, и другихъ звѣрковъ, также кости принесенныхъ въ жертву животныхъ, пучки волосу отъ священныхъ коней, и другія небольшія жертвы. Почти всѣ язычники воздаютъ идоламъ своимъ почтеніе, покланяются имъ, творя при томъ молитву, берутъ ихъ съ собою, когда идутъ на звѣриной промыселъ, питаютъ или мажутъ ихъ кровью и жиромъ, окуриваютъ ихъ саломъ, мясомъ, кровью, ельникомъ, иренемъ и проч. Другіе, когда имъ что не пощастливится,

ливится, ругаютъ ихъ, попрекаютъ почестями, какія имъ воздаются, бросаютъ ихъ объ землю или въ воду, а иногда и колотятъ.

Моленія божкамъ и идоламъ приносятся обще и торжественно, либо и особенно въ каждой хижинѣ. Когда молятся съ пустыми руками, то не надѣются много себѣ добра получить: и по тому торжественныя мольбы приносятъ съ жертвами. Всѣ Шаманскіе язычники празднуютъ въ году три *праздника*, а именно: *вешній*, *лѣтній* и *осѣнній*. Вешній праздникъ есть новый ихъ годъ, и они жертвуютъ въ сіе время первую траву и первенцовъ отъ скота, а особливо молоко, и просятъ при томъ о низпосланіи на весь годъ благословенія. Лѣтній или осенній праздникъ не вездѣ празднуется ежегодно: однакожъ располагается всегда такъ, что бы всякому можно было ежегодно имѣть въ ономъ участіе.

Въ *жертву* или пищу божкамъ годятся, выключая свиней, всякіе звѣри, рыба, птицы, мягкая рухлядь, черепы, кровь, жиръ и сало, волосъ, рога, молоко, творогъ и сыръ, подожженой хлѣбъ (Курмачь), пиво, вино, матеріи, деньги и почти все вообще. Восточные Сибиряки приносятъ въ жертву и собакъ. *Пихтовыя* вѣтви жертвуютъ особливо горамъ и водамъ.

Обряды торжественнаго богослуженія не только у разныхъ народовъ, но отъ части и у частныхъ Шамановъ, нѣсколько отмѣнны. Но у всѣхъ главная важность состоитъ въ сущихъ моленіяхъ къ добрымъ богамъ возсылаемыхъ, въ жертвахъ, и въ похожихъ на волшебство заклинаніяхъ бѣсовъ и колдовствахъ. Нѣкоторые Шаманы дѣлаютъ сіе особенно, другіе все вмѣстѣ, и приносятъ жертвы свои совокупно какъ для умилостивленія боговъ, такъ и для укрощенія бѣсовъ.

Когда *Телеуты* празднуютъ *вешній* свой праздникъ, то міряне обоихъ половъ, прибравшись чистенько, собираются въ полѣ около Кама, который бьетъ въ бубенъ, по томъ молится, и въ продолженіе молитвы брызгаетъ молоко и пиво, и посылаетъ

 Курмачь;

Курмачѣ; послѣ чего ѣстъ самъ нѣсколько отъ онаго и надѣляетъ по немногу мірянъ, которые ѣдятъ даръ его съ благоговѣніемъ. Напослѣдокъ бросаетъ онъ молошную чашу прочь, и по паденію ея судитъ, какова показалась богамъ жертва: ежели чаша упадетъ стоймя, то почитаетъ жертву угодною, а ежели опрокинется, неугодною. Праздникъ сей оканчивается веселымъ распиваньемъ остальнаго пива и молока. У *Качинцовъ* разводитъ *Камне* для вешняго праздника (Урысъ) на рѣчномъ берегу или на каменистомъ высокомъ мѣстѣ огонь, приноситъ моленіе повертывая небольшой значекъ, и брыжжетъ по немногу кислаго молока къ солнцу, лунѣ, рѣкамъ и горамъ ихъ области, а на конецъ то же самое дѣлаетъ и на долю Сатаны. Остаткомъ освященнаго молока кропитъ всякъ въ своей юртѣ все; а что за тѣмъ останется, выпиваютъ общѣ. У *Якутъ* приноситъ Аюнъ въ жертву перваго удою молоко во всякой юртѣ, творя при томъ молитву и повертывая небольшимъ значкомъ или конскимъ хвостомъ. Онъ называетъ всѣхъ божковъ, бѣсовъ и святыхъ, выплескиваетъ при всякомъ имени одну ложку молока на воздухъ, въ томъ мнѣніи, чтобы ихъ онымъ попотчивать: сіе дѣлаетъ онъ троекратно. Изъ остальнаго въ чашѣ молока беретъ онъ одинъ глотокъ; всѣмъ же собравшимся мірянамъ, которые отъ части стоятъ на колѣняхъ, подноситъ онаго же молока мальчикъ. Паденіе брошенной ложки изъясняетъ имъ мнѣнія божковъ. *Тунгузы* и *Буряты* празднуютъ вешній свой праздникъ какъ и Телеуты, съ тою только разностію, что оба сіи народы, сверхъ молока, приносятъ еще въ жертву и свѣжую траву. То же дѣлаютъ и прочіе народы съ небольшою токмо отмѣною.

Осенній праздникъ бываетъ у *Телеутъ* въ Октябрѣ. Жители деревни приносятъ всемъ міромъ на выборномъ жертвенномъ мѣстѣ (Таутга) молодую лошадь въ жертву. Міряне становятся кругомъ около мѣста, на которомъ сдѣланъ жертвенной срубъ или жертвенникъ (Ташкатъ) изъ столбовъ и хворосту. Камъ барабанитъ и молится; послѣ чего убиваютъ лошадь и сдираютъ съ нее шкуру такъ, что копыта, голова и хвостъ остаются при кожѣ, обрѣзываютъ мясо около костей, варятъ вмѣстѣ съ внутренностію, и ставятъ богамъ на жертвенникъ, гдѣ оно и

стоитъ

стоитъ до тѣхъ поръ, пока продолжается возобновляемое моленіе. Напослѣдокъ съѣдаютъ сами жертвенное мясо, а шкуру вѣшаютъ на шестѣ головою къ Востоку; возлѣ же оной прицѣпляютъ на веревочкѣ заячьи шкурки и другія небольшія жертвы. Ближайшія деревни принимаютъ въ томъ участіе. *Буряты* приводятъ на жертвенное мѣсто для осенняго праздника (Санге Гаара т. е. бѣлый мѣсяцъ) лошадей, рогатой скотъ, овецъ и козъ. Тутъ приносятся у нихъ, какъ и у Телеутъ, въ жертву всѣ оныя животныя по порядку, и по томъ съѣдаются. Они убиваютъ таковыхъ животныхъ пораженіемъ въ грудь и натorженіемъ большой жилы. Молитвы свои обращаютъ они къ тряпичнымъ идоламъ (Нугитъ и Ногатъ), которыхъ прикрѣпляютъ къ небольшой палаткѣ. Они ставятъ также березовые кусты, и привѣшиваютъ къ нимъ тряпицы какъ будто значки, которыхъ движеніе почитаютъ они, по примѣру Ламайскихъ язычниковъ, молитвами. Нечистоту изъ внутренности и все, чего не ѣдятъ, сожигаютъ, дабы собакамъ ни что не досталось. Кожи жертвенныхъ животныхъ вѣшаютъ около ихъ костей, и распяливаютъ ихъ на утвержденныхъ стоймя шестахъ: послѣ чего, пока стоятъ, дѣлаютъ имъ всегда, когда бы ни увидѣли, поклоны. При семъ случаѣ освящаютъ они и вожжи для привязыванія жеребенковъ и шелятъ: они привѣшиваютъ ихъ въ таковомъ намѣреніи къ растянутому канату, къ коему прикрѣпляютъ совиныя перья и молитвенные значки. *Якутскіе* и другихъ народовъ праздники симъ подобны.

Случайныя жертвоприношенія болѣе отмѣнны. О питаніи и окуриваніи идоловъ сказано уже выше. *Курильцы* послѣ всякаго звѣринаго промысла приносятъ въ жертву шкуру съ первоубитаго звѣря и вѣшаютъ ее передъ юртою. *Камчадалы* при нещастіяхъ кидаютъ въ огонь по нѣскольку кусковъ рыбы. *Коряки* взошкнувъ собачью или оленью голову на колъ, обращаютъ оную къ рѣкѣ или огнедышущей горѣ, и творятъ у оной при стукѣ въ волшебные барабаны молитвы. *Телеуты* въ случаѣ домашнихъ нуждъ приносятъ въ жертву зайца, котораго шкуру съ головою и ногами вѣшаютъ передъ дверьми на березкѣ и часто оной покланяются. Обыкновенныя домашнія жертвы

 состоятъ

состоятъ вообще въ шкурахъ съ ласточекъ и малыхъ животныхъ. При великихъ заботахъ приносятъ въ жертву и большихъ животныхъ съ вышеописанными праздничными обрядами, и разпяливаютъ кожи передъ хижинами; по чему около иныхъ точно такъ, какъ на живодерныхъ мѣстахъ. Въ путешествіяхъ *приносятъ въ жертву горамъ и рѣкамъ*, черезъ которыя переправляются, больше ельникъ, нѣсколько кусковъ мяса, рыбы или сыръ, пучки волосъ изъ конской гривы, небольшія кожи, шубные и суконные лоскуты, и проч. Принесенное въ жертву горѣ вѣшаютъ на вершинѣ на дерево, которое *Тунгузы* называютъ *Налакитомъ*. *Огню* при всякомъ случаѣ приносятъ такія же малыя жертвы, равно сало или кровь, которую въ огонь бросаютъ. У *покойниковъ* приносятъ въ жертву обыкновенно большую живошину, какъ ихъ приданое, дабы души ихъ могли пользоватся духами животныхъ; то же самое дѣлаютъ они обыкновенно и на нѣкоторыхъ поминкахъ, при чемъ многіе кожи принесеныхъ въ жертву животныхъ разъвѣшиваютъ.

Къ жертвамъ же принадлежитъ конечно и *посвященіе дворовой скотины*. Скотоводствующіе народы дѣлаютъ сіе въ томъ намѣреніи, дабы предохранить стада свои отъ бѣдъ или привлечь на оныя благословеніе и размноженіе. Въ первомъ случаѣ посвящаютъ они богамъ нѣкоторыхъ животныхъ, а особливо жеребцовъ и быковъ навсегда, въ послѣднемъ же и все стадо на одинъ или и на нѣсколько мѣсяцовъ. Они вѣрятъ, что боги звѣрей и животныхъ для охраненія ихъ отъ бѣдъ ѣздятъ ночью верьхомъ на посвященныхъ имъ скотинахъ; и при томъ утверждаютъ, что часто видятъ ихъ по утрамъ въ поту. Въ разсужденіи жеребцовъ исполняется ихъ намѣреніе, по тому что оные въ необузданномъ своемъ состояніи защищаютъ и непосвященныхъ кобылицъ отъ хищныхъ звѣрей, и въ нѣгѣ становятся еще бодрѣе. На посвященную лошадь отнюдь не должно класть подержанаго сѣдла, не садится на нее женщинѣ, не продавать оной и не убивать. Хозяинъ посвященнаго богамъ стада можетъ свободно онымъ пользоваться, но не долженъ такъже въ продолженіе того времяни, на которое оно богамъ посвящено, ни чего ни убивать, ни продавать, ниже дарить.

Когда

Когда *Буряты посвящаютъ лошадь*, то не разбираютъ при томъ ни шерсти, ни роду. Шаманъ приноситъ въ жертву у огня по немногу молока, сыру или творогу, и молошное вино. Посвящаемую богамъ лошадь окачиваетъ онъ молокомъ. Онъ молится повертывая небольшимъ значкомъ, которой на огнѣ поджигаетъ и дымъ пускаетъ лошади въ ноздри. По немногу волосу изъ гривы и хвоста кидаетъ въ южную сторону и привязываетъ къ гривѣ красной лоскутъ. Напослѣдокъ ставитъ онъ лошади на спину молошную чашу и пускаетъ ее въ степь. По паденію чаши узнаетъ онъ, угоднали или противна богамъ сія живая жертва. *Степные Тунгузы* поступаютъ съ своими божьими лошадьми (Гайганъ) совершенно сходно, а *Телеуты* со своими (Iекъ) почти такъ же. *Качинцы* окуриваютъ при семъ случаѣ животныхъ иргенемъ.

При праздничныхъ и другихъ *моленіяхъ* оказываютъ къ божкамъ страхъ, а отъ части и благоговѣніе. Всѣ ихъ *молитвы* отрывисты, и у простаго человѣка состоятъ единственно во вздохахъ относящихся къ его нуждамъ и желаніямъ. Творя молитвы становятся лицомъ къ солнцу, горамъ, рѣкамъ, идоламъ или къ поставленнымъ жертвамъ. Моленія свои обращаютъ они прямо къ извѣстнымъ имъ именно божествамъ, сатанамъ и святымъ совокупно, отъ части черезъ перебивку ихъименъ, а отъ части и умышленно, или и всѣхъ вмѣстѣ призываютъ. На примѣръ: Богъ, имя рекъ, *или боги и святые! надѣлите меня* или моихъ домочадцовъ *здоровьемъ, размноженіемъ скота, удачнымъ звѣринымъ промысломъ*, и проч. Когда приносятъ жертву, то просятъ о воздаяніи. Боги! и проч. *жертву сію приношу вамъ!* или питаю васъ оною; *надѣлите и вы меня взаимно дѣтьми, скотомъ, долгоденствіемъ, отвратите смерть отъ моей жены, дѣтей, меня* и проч. Смертныхъ страховъ сіи холоднокровные простаки ни какъ сносить не могутъ, и для отвращенія смерти готовы все сдѣлать. Боговъ укоряютъ, поламывая у себя руки, а иногда и безчинно: *чемъ я васъ огорчилъ, боги! сатаны!* (Шайтаны) *святые! что вы меня съ земли похищаете? въ чемъ согрѣшилъ мой мужъ, жена, дитя, приятель* и проч *что вы его умерщвляете, что предаете ихъ богамъ преис-*

лодией и проч. Въ случаѣ же нещастій ропщутъ такъ: *въ чемъ я провинился, что скотину мою терзаютъ хищные звѣри, что стрѣлы мои не поражаютъ звѣрей.* Шаманы имѣютъ нѣкоторыя при жертвоприношеніи и въ праздники читаемыя порядочныя молитвы, которыя они единственно по обстоятельствамъ перемѣняютъ. Они содержатъ въ себѣ призыванія боговъ и святыхъ, также заклинанія, угрозы и обѣты сатанамъ: при чемъ однакожъ перепутываютъ они имена, понятія и самыя дѣла. Главнѣйшая и. и. Телеутская молитва гласитъ въ переводѣ такъ: *Боже! Царю неба* (Кудай Кайра Камъ)! *воззри на нашу жертву! соблюди Императрицу! даруй намъ здравіе, долгоденствіе, дѣтей, скотъ, хлѣбъ и щастіе.* Молитвы *Шаманскія у Тунгузъ, Бурятъ* и проч. походятъ на наши ектиніи. Молитвы свои они выпѣваютъ, называютъ поимянно одно божество за другимъ, и просятъ у каждаго того, что отъ него зависитъ, какъ на примѣръ у солнца ведра, у бога женъ дѣтей, у бога звѣрей дичины, и такъ далѣе, а у святыхъ или умершихъ Шамановъ предстательства. И они перемѣшиваютъ многократно боговъ, бѣсовъ, святыхъ, могущество ихъ и дѣла. Шаманы пробивъ въ барабанъ, чемъ думаютъ они возбудить въ богахъ и проч. вниманіе и ихъ созвать вмѣстѣ, поютъ у жертвеннаго огня слѣдующее: *Боже! даруй здравіе! не допусти звѣрямъ меня разтерзать, предохрани меня отъ паденія съ горы, отъ потопленія въ водѣ! надѣли дѣтями, скотомъ, дичью, рыбами!* (и другими надобностями, которыя у всѣхъ въ разсужденіи простаго и единообразнаго житія почти одинаковы). *Мы приносимъ тебѣ въ жертву оленя, птицу, рыбу, доставляемъ тебѣ идола* и проч. Міряне провозглашаютъ на всякомъ отрывѣ рѣчи попеременно: *услыши!* (Го!) *услыши насъ!* (Гегеа!) *помоги! умилосердись!* что они часто по два и по три раза восклицаютъ. Шаманы называютъ напослѣдокъ только боговъ и святыхъ поимянно, и не прерываютъ возглашенія народа: услыши, умилосердись, пособи!

Похожія на волшебство дѣла идолослужителей, которыя предпринимаютъ они собственно для укрощенія идоловъ, и почитая ихъ не меньше нужными, какъ и приносимыя богамъ и святымъ

святымъ моленія, непосредственно производятъ ихъ послѣ молитвъ, столь безтолковы, а отъ части и толь явно на обманѣ основаны, что отнюдь не достойны той поноровки и сожалѣнія, какихъ могутъ требовать сіи язычники, при добромъ намѣреніи своего богослуженія руководствуемые незнающихъ и заблуждающихся священнослужителей нелѣпыми преданіями и собственными своими чувствами и нуждами. Поступки идолослужителей съ бѣсами глупы, безтолковы, противны здравому разсудку, обаятельны, презрѣнія и сожалѣнія достойны.

Сколь ни мало связи между обаяніями Шамановъ и волшебниковъ: однакожъ при точнѣйшемъ разсматриваніи оныхъ оказывается, что всѣ они одинакую имѣютъ цѣль. Шаманское суевѣріе присвояетъ бѣсамъ великое могущество и власть въ естественныхъ явленіяхъ и судьбахъ человѣческихъ, распускаетъ злыхъ духовъ по всему свѣту, и присвояетъ имъ способность, наблюдать все к роду человѣческому вредитъ. Священнослужители и волшебники хвастаютъ, будто они имѣютъ знакомство съ духами, будто обходятся съ діаволами по дружески, будто имѣютъ надъ ними власть и знаютъ средство ихъ выспрашивать, усмирять, а иногда и получать чрезъ нихъ добро. Они разговариваютъ съ ними посредствомъ бубна. Отъ вѣрныхъ имъ злыхъ духовъ узнаютъ они причины благоволенія, гнѣва и ненависти боговъ, способы къ ихъ умилостивленію, знаніе прошедшихъ и будущихъ судебъ; получаютъ также черезъ нихъ извѣстія изъ дальнихъ мѣстъ, могущество въ щастіи и нещастіи дѣлать великія перемѣны, дарованіе толковать сны, предсказывать, и такъ далѣе. Шаманское язычество, а еще больше почтеніе къ священнослужителямъ, утверждаются на семъ заблужденіи: и по тому сіи послѣдніе какъ неистовые обаятели, а отъ части какъ обманутые бродяги, почитающіе самое существо дѣла истиннымъ, ревностно его подкрѣпляютъ; отъ чего происходитъ въ обрядахъ волшебства нарочитая, однакожъ не весьма важная, разность.

Подробное описаніе разныхъ волшебныхъ и *заклинательныхъ хитростей* по причинѣ очевиднаго дурачества и сходственности возбудило

возбудило бы во многихъ негодованіе, и для того предложу здѣсь вкратцѣ токмо то, что поважнѣе. Когда Шаманы, Камы, Хамы, и иные священнослужители, хотятъ узнать о чемъ ни будь прошедшемъ или будущемъ отъ Шайтановъ, Бунисовъ Оходилловъ и всего преисподняго собора духовъ, также освѣдомиться о своихъ и постороннихъ судьбахъ, навѣдаться о причинахъ болѣзней и нещастій, вступить въ переговоры съ огорченными богами, или укротить и заклясть бѣсовъ; то производятъ, предпріявъ таковое дѣло, свойственныя сумасшедшимъ шалости, и кажутся отъ части с…рѣпѣющими. Надѣвъ на себя Шаманское платье и разведши огонь, курятъ обыкновенно съ ужасомъ табакъ, часто вздрогиваютъ, и на послѣдокъ встаютъ для созыванія злыхъ духовъ посредствомъ біенія въ волшебной бубенъ. Они дѣлаютъ при томъ крайне странныя скачки около огня и черезъ оной, кривятъ ротъ, размахиваютъ руками, кричатъ и ревутъ безтолковщину, и зовутъ духовъ поименно; видѣть и слушать все сіе въ темнотѣ при глухомъ стукѣ въ барабанъ и бренчаньѣ навѣшанныхъ на Шаманское платье вещей, страшно. Спустя съ полчаса притворяются они какъ будто бы явились уже бѣсы, и какъ будто бы они съ ними сражаются. Они спрашиваютъ, грозятъ, просятъ, обѣщаютъ, наказываютъ имъ кое что, и такъ далѣе. Когда хотятъ узнать ихъ отвѣтъ, то бросаютъ въ верьхъ барабанную колотушку, или иное что изъ вещей, ношенныхъ тѣмъ, до кого отвѣтъ касаться будетъ, на примѣръ шапку и проч. какъ будто бы съ паденіемъ таковой вещи получается и отвѣтъ, и по томъ всовываютъ голову въ бубенъ, слушаютъ со вниманіемъ, дрожатъ, встрепетываютъ и потѣютъ. Якутскіе, Чулымскіе и другіе Шаманы, предъявляютъ, будто при таковомъ волшебномъ дѣйствіи душа ихъ разлучается съ тѣломъ. Разсказавъ предварительно нѣкоторыя безтолковыя выдумки, падаютъ замертво на земь, по тому, что будто душа отъ тѣла ихъ отлучается, посѣщаетъ преисподнихъ божковъ въ ихъ жилищахъ, горахъ, лѣсахъ, пропастяхъ и проч. и тамъ съ ними переговариваетъ. Души путешествуютъ туда на медвѣдяхъ, свиньяхъ, орлахъ и другихъ животныхъ. По томъ утверждаютъ всѣ, что видѣли злыхъ духовъ во образѣ медвѣдей, львовъ, совъ, орловъ, лебедей,

бедей,

бедей, жуковъ пауковъ, и проч. какъ будто бы свѣтъ какой или тѣнь. *Отвѣты* даваемые ими, бываютъ, смотря по вопросамъ, прорицанiями, преисполненными въ прочемъ прикрасами и сомнѣнiями; по чему почти всегда сбываются: часто болтаютъ они много и о состоянiи отсутствующихъ или о будущей людей участи. Не льзя бы и ожидать отъ толико непросвѣщенныхъ людей столь замысловатыхъ толкованiй, какiя они подаютъ часто не думавши и не взявши хорошенько въ толкъ вопроса.

Кромѣ сего высшаго волшебства есть у всѣхъ язычниковъ еще и простое колдовство, производимое священнослужителями, а иногда и простолюдимами, и сходное съ чародѣйствами Киргизскихъ мѣсяцословщиковъ, Цыганъ и нашихъ карточныхъ и кофейныхъ предсказательницъ. *Красноярскiе волшебники* (Едачи) и многiе другiе бросаютъ въ огонь овечью лопатку, и узнаютъ по трещинамъ и пятнамъ, какiя на ней окажутся, какъ будто бы на письмѣ, что было и будетъ съ каждымъ вопрошающимъ. *Тунгузскимъ* и другимъ предсказателямъ изшипанiе пущенной стрѣлы или трясенiе натянутой тетивы служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы на удобопонятномъ языкѣ. *Телеутскiе, Заянскiе* и *Абинскiе* мудрецы все уразумѣваютъ по тѣмъ изображенiямъ волшебнаго барабана, на которыя лягутъ сорокъ брошенныхъ въ верьхъ палочекъ. *Якутскiе* Аюны вручаютъ тому, кто хочетъ знать будущую свою судьбу, монету или перстень, и узнаютъ по томъ по рукѣ вѣрующаго все совершенно явственно. *Для* возбужденiя *вѣтру*, привѣшиваютъ они пузырной камень какого ни есть животнаго вмѣстѣ съ палочкою и конскимъ волосомъ къ дереву, и говорятъ при томъ съ несомнѣнною надеждою: *я отрицаюсь отъ отца и отъ матери, дабы видѣть твою силу;* не упоминая о многихъ другихъ безумiяхъ.

При всей темнотѣ и нестройности Шаманскаго язычества, а особливо толкованiя о богахъ, не льзя не признать въ немъ общихъ *понятiй естественной вѣры*, и нѣкоторыхъ обрядовъ изъ *Моисеева* закона; жертвенные огни, жертвоприношенiя и постановленiя жертвъ, моленiя, мнѣнiя о оскверненiяхъ женъ

чрезъ естественныя перемѣны, и много другаго, взято конечно изъ Іудейскаго Закона. Просвѣщенію ихъ противоборствуетъ во первыхъ то, что всѣ ихъ понятія относятся къ чувственнымъ предмѣтамъ, а во вторыхъ ихъ обстоятельства, и сооттвѣтственное ихъ пустынямъ суровое, отъ части и бѣдное, житіе, которое совсемъ препятствуетъ обучать дѣтей и порядочно воспитывать. По разрушеніи же таковыхъ препятствій, можно бы сихъ, по большой части добрыхъ, народовъ, чуждающихся предразсужденій и ненависти относительно къ иновѣрцамъ, легко возбудить удобопонятными поученіями и добрыми примѣрами къ отверженію своихъ суемыслій и къ принятію основаннаго на благоразуміи Богослуженія.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

